

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

" НАУКА "
МОСКВА – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В. Падучева (Москва). Нестандартные отрицания в русском языке: внешнее, смещенное, глобальное, радикальное	3
Б.А. Успенский (Москва). Из истории славянской Библии: Славяно-еврейские языковые контакты в Древней Руси (на материале <i>Nomina sacra</i>)	24
А.Л. Полян (Москва). Иврит III–XIX вв. н.э. как «спящий язык»	56
П.М. Аркадьев (Москва). Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий	68
М.Л. Хачатурьян (Москва/Париж). Категория именного числа в ману (южные манде)	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В.Б. Крысько (Москва). Об издании Скитского патерика	122

Рецензии

Ю.А. Клейнер (Санкт-Петербург). <i>P. Garde. L'accent. Deuxième édition corrigée et augmentée. Limoges: Lambert-Lucas, 2013</i>	149
П.М. Аркадьев (Москва). <i>D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett (eds). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford university press, 2013</i>	153

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.М. Алпатов, д.ф.н., чл.-корр. РАН; *Ю.Д. Апресян*, д.ф.н., академик РАН;
И.М. Богуславский, д.ф.н.; *А.В. Бондарко*, д.ф.н., чл.-корр. РАН; *Н.Б. Вахтин*, д.ф.н.;
В.А. Виноградов, д.ф.н., чл.-корр. РАН (зам. главного редактора);
М.Д. Воейкова, д.ф.н.; *Т.В. Гамкрелидзе*, д.ф.н., академик РАН; *В.З. Демьянков*, д.ф.н.;
В.А. Дыбо, д.ф.н., академик РАН; *А.Ф. Журавлев*, д.ф.н.;
Вяч.Вс. Иванов, д.ф.н., академик РАН; *Н.Н. Казанский*, д.ф.н., академик РАН;
М.М. Маковский, д.ф.н.; *А.М. Молдован*, д.ф.н., академик РАН;
Т.М. Николаева, д.ф.н., чл.-корр. РАН (главный редактор);
В.А. Плунгян, д.ф.н., чл.-корр. РАН (отв. секретарь);
В.И. Подлесская, д.ф.н.; *Е.В. Рахилина*, д.ф.н.
Зав. отделами: *А.С. Кулева*, *З.Ю. Петрова*, *М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16
Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2014 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

**НЕСТАНДАРТНЫЕ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ВНЕШНЕЕ, СМЕЩЕННОЕ, ГЛОБАЛЬНОЕ, РАДИКАЛЬНОЕ**

Пришедшее из логики в лингвистику понятие презумпция (пресуппозиция) вызвало к жизни понятие ассерция и позволило понять природу **стандартного** отрицания – это отрицание, которое отрицает ассерцию, сохраняя презумпции. Статья посвящена нестандартным отрицаниям. Так, в предложении со **смещенным** отрицанием отрицательная частица стоит при глаголе, а не при том слове, на котором стоит главный акцент (*Я не обвиняю его в национализме* ¹), в результате чего семантическое соотношение с исходным неотрицательным предложением оказывается не вполне ясным. Другое нестандартное отрицание – **глобальное**, или отрицание с **широкой сферой действия**; оно возникает в результате коммуникативной перестройки: адвербиал, который при исходной коммуникативной структуре являлся семантической вершиной предложения, входит в сферу действия приглагольного отрицания, становясь как бы актантом глагола (*Она не станет менять свои планы из-за тебя*). Главное внимание уделяется конструкции с **радикальным отрицанием**, в которой, на первый взгляд, отрицанию может подвергаться пресуппозиция. Показано, что отрицательные предложения с такой конструкцией не имеют исходного утвердительного. Тем самым остается в силе статус презумпции как неотрицаемого смыслового компонента.

Ключевые слова: презумпция, сфера действия, отрицание, смещенное, глобальное, радикальное

The notion of presupposition, which came into linguistics from logic, brought into existence the notion of assertion. Hence the notion of **standard** negation – the negation which negates the assertion and preserves the presuppositions. The paper deals with non-standard negations. The first example is **displaced** negation, a construction in which the negative particle is attached to the verb, and not to the word bearing the main phrasal accent (*Ja ne obvinjaju ego v nacionalizme* ¹ ‘I don’t accuse him of nationalism’), so that it is unclear what is asserted and what is negated. Another non-standard negation is **wide scope**, or **global** negation. It owes its existence to a communicative transformation of a sentence as a result of which the adverbial that was initially the semantic head of the sentence, lowers its status and falls within the scope of the preverbal negation, as if it were an argument of the verb (*Ona ne stanet menjat svoi plany iz-za tebjja* ‘she won’t change her plans because of you’). The main attention is drawn to the construction with **radical** negation: it seems at first sight that this negation negates presupposition. It is demonstrated that negative sentences with this construction have no non-negative counterpart. Thus, the presupposition, in any case, preserves its status of a non-negatable semantic component.

Keywords: presupposition, scope of negation, displaced negation, wide scope, radical negation

1. ПРЕЗУМПЦИЯ И ПОНЯТИЕ СТАНДАРТНОГО ОТРИЦАНИЯ

В исследовании отрицания произошел кардинальный прорыв после того, как лингвистика обогатилась понятием «**презумпция**» (синонимичный термин – «**пресуппозиция**»; английский термин – «presupposition»; в немецком два термина: «Voraussetzung» и «Präsupposition»)¹. Это понятие пришло в лингвистику из логики и стало незаме-

¹ Термин «пресуппозиция» вошел в русскоязычную лингвистическую литературу после статьи

мым инструментом семантического и синтаксического анализа. Оно широко используется как в лексической семантике, так и в семантике синтаксиса. В частности, понятие презумпции существенно продвинуло решение проблемы отрицания и отрицательного предложения: было обнаружено, что в с т а н д а р т н о м случае отрицание воздействует на ассертивную пропозицию высказывания (**ассерцию**) и не распространяется на его презумпции. Задача данной работы состоит в том, чтобы сравнить стандартное отрицание с разными видами нестандартного и нестандартные – между собой. Главные различия между отрицаниями касаются поведения презумпций.

1.1. Презумпция и ассерция

Истинность презумпций предложения является необходимым условием его осмысленности. И наоборот, ложность презумпции делает предложение семантически аномальным. В логике, где главным свойством предложения считается его истинность или ложность, а главным отношением между предложениями – отношение логического следования, возникло такое определение презумпции:

Определение. Предложение Р является **презумпцией** предложения S, если Р следует как из S, так и из отрицания S.

Это определение оказалось вполне приемлемым для лингвиста тестом на презумпцию: оно позволяет идентифицировать тот или иной семантический компонент предложения как его презумпцию. Так, предложение (1.1) имеет презумпцию 'Фишер отказался от игры', что видно из сравнения предложения (1.1) и его отрицания (1.2) (здесь и ниже знак \supset выражает семантическое следование):

- (1.1) Отказ от игры уронил Фишера в глазах шахматистов \supset 'Фишер отказался от игры';
(1.2) Отказ от игры *не* уронил Фишера в глазах шахматистов \supset 'Фишер отказался от игры'.

Тест на отрицание позволил выявить презумпции как значимые семантические компоненты многих слов, см. Примеры 1 и 2, и синтаксических конструкций, см. Пример 3.

Пример 1. Презумпции в составе **фактивных** глаголов и, шире, фактивных предикатов:

Иван *жалеет / не жалеет*, что уехал \supset 'Иван уехал';
Джон *огорчен / не огорчен* провалом на экзамене \supset 'Джон провалился на экзамене'.

Пример 2. Презумпции в составе **фазовых** глаголов типа *перестать, продолжать*:

Иван *перестал / не перестал* бить свою жену \supset 'бил'.

Пример 3. Презумпции в составе конструкции с **адвербиалом-модификатором** ситуации – со значением образа действия (типа *быстро, громко, с трудом*), цели и т.п.:

Они разговаривали *громко / не громко* \supset 'они разговаривали';
Трамвай остановился *для того / не для того, чтобы высадить пассажиров* \supset 'трамвай остановился'.

Слова, категории и конструкции, которые порождают презумпции, называют **триггерами презумпций** (presupposition triggers). Триггерами презумпций являются, в част-

[Арутюнова 1973]. Заметим, что термин «презумпция», в частности, в составе сочетания «презумпция существования и единственности» употреблялся еще в 1960-е гг. в философской логике.

ности, фактивные и фазовые глаголы. Презумпциям посвящена огромная литература; см. энциклопедическую статью [Beaver, Guerts 2011].

Важная роль понятия презумпции в лингвистике определяется еще и тем, что оно вызвало к жизни понятие **ассерции**. Если презумпция – это то, что «само собой разумеется», а потому избегает действия отрицания, то ассерция (утверждаемое) – это, наоборот, то, что ему подвергается. Иначе говоря, ассерция – это тот семантический компонент предложения, который составляет **сферу действия** отрицания, равно как и других семантических операторов (см. о сфере действия отрицания и кванторных слов в [Падучева 1974: 85, 144] и о сфере действия в более широком смысле в [Богуславский 1985]). Так, в примере (1.3) ассерция – ‘Джон огорчен’, поскольку именно эта пропозиция подвергается отрицанию при отрицании предложения в целом; презумпция ‘Джон провалился на экзамене’ истинна и в утвердительном предложении, и в отрицательном:

- (1.3) а. Джон *огорчен* тем, что провалился на экзамене;
б. Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене.

Следует обратить внимание на то, что и презумпциями, и ассерциями являются семантические компоненты предикативной природы, т.е. **пропозиции** (см. обзор литературы о пропозициях в [Падучева 1985: 34–38]).

Ассерция составляет сферу действия не только отрицания, но и других семантических операторов – модальности (как в (1.4а)), вопроса (как в (1.4б)), пропозициональной установки (как в (1.4в)) и т.п.

- (1.4) Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
а. Иван, возможно, *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко;
б. Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко?
в. Я думаю, Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко.

Наряду с фактивными глаголами, которые гарантируют подчиненной пропозиции статус ассерции, нам понадобятся **импликативные** глаголы. Пропозициональный актант импликативного глагола имеет статус импликатива:

Определение 2. Семантический компонент Р является в предложении S **импликативом**, если из S следует Р, а из отрицания S следует не-Р.

В русском языке импликативными являются глаголы *суметь*, *успеть*, *добиться*, *удаться*, *осмелиться* и др. Ср.:

- (1.5) а. Иван *успел* купить билет \supset ‘Иван купил билет’;
б. Иван *не успел* купить билет \supset ‘Иван не купил билет’.

Ассерция, презумпция, импликатив – это разные **статусы** (ассертивные статусы), которые может иметь пропозиция в составе предложения.

В [Karttunen 1971; 2012], где рассматриваются глаголы и предикаты (английские) со значениями типа ‘успеть’, ‘добиться’, они называются **биимпликативными**. В русскоязычной традиции термины «импликативный» и «биимпликативный» (а также и «импликатив» и «биимпликатив») употребляются как синонимы.

1.2. Презумпция и так называемое «внешнее отрицание»

Хотя презумпция – это, почти по определению, то, что не поддается отрицанию, в литературе (преимущественно логической направленности) исследовалась возможность **подавления презумпций в контексте отрицания**. В этой связи было введено в рассмотрение понятие «внешнего отрицания» (**external negation, presupposition-**

denying negation в противоположность обычному **presupposition-preserving negation**, см. [Horn 1989: 137]). Якобы в языке есть отрицание, которое не различает в структуре предложения презумпций и ассерций (т.е. презумпция трактуется по Расселу как конъюнктивно присоединенная ассерция).

Так, в [Kempson 1975] утверждается, что *не* в предложениях типа (1.3б) можно понять как «внешнее» отрицание, так что (1.3б) будет иметь смысл (1.6) (отрицание конъюнкции разворачивается в дизъюнкцию отрицаний по закону де Моргана), и тогда (1.7) не будет аномальным (пример полностью сохраняет силу в переводе с английского языка на русский и приводится по-русски):

- (1.3б) Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене;
(1.6) 'НЕ (Джон провалился и не огорчен тем, что провалился)' = 'Джон либо провалился и не огорчен тем, что провалился, либо не провалился';
(1.7) Джон *не огорчен* тем, что провалился на экзамене, – он его сдал.

Иначе говоря, допускается, что фраза (1.3б) может пониматься как истинная в контексте, когда Джон *не* провалился на экзамене, – хотя при этой интерпретации фраза (1.3б) может отрицать свою презумпцию.

В принципе, такое употребление отрицания не соответствует реальному узусу; оно допустимо лишь в каких-то изысканных контекстах – таких, например, с которыми сталкивается читатель Льюиса Кэрролла. Кроме того, дизъюнкция (1.6) быть может и описывает условия истинности предложения (1.3б), но ее трудно признать представлением смысла этого предложения.

«Внешнее» отрицание принадлежит к числу нестандартных, поскольку ставит под сомнение принципиальную связь отрицания с презумпцией, которую демонстрирует пример (1.3). Это отрицание демонстрируется на примерах, принадлежащих к периферии языка. Но есть и другие контексты, где сохранение презумпции при отрицании оказывается под вопросом.

Примечание. В [Богуславский 1985: 61 ff] было показано, что презумпции способны отрицаться в контексте особой **противопоставительной** конструкции. Так, в предложении *Я увидел перед собой не холостяка, а совсем юную девушку* отрицается не только ассерция – 'холостяк – неженатый человек', но и презумпция 'холостяк – это мужчина', которая входит в значение слова *холостяк*. Эта конструкция подробно описана И.М. Богуславским и далее не рассматривается.

1.3. Нейтрализация презумпций в контексте снятой утвердительности

Если триггер презумпции попадает в контекст **снятой утвердительности**, презумпция исчезает. Вернемся к предложению (1.1). В нем пропозиция 'Фишер отказался от игры' – презумпция. Между тем предложение (1.1') с глаголом *уронить* в сослагательном наклонении не имеет следствия 'Фишер отказался от игры', т.е. не имеет этой презумпции:

- (1.1) Отказ от игры уронил Фишера в глазах шахматистов;
(1.1') Отказ от игры уронил *бы* Фишера в глазах шахматистов.

О снятой утвердительности (*suspended assertion*) см. [Weinreich 1963], а также [Падучева 1985; 2005]; ср. близкий по значению термин «non-veridicality» в [Giannakidou 2013] и во многих других работах. Утвердительность финитного глагола может сниматься косвенной модальностью, будущим временем, союзами типа *чтобы*, пропозициональными установками и т.п.

В контексте снятой утвердительности триггера пропозиция Р приобретает **нейтральную модальность** (можно сказать, **нейтрализуется**); но она не отрицается. «Presuppositional inferences are typically subject to cancellation by direct denial only when the presupposition trigger is embedded under some other operator» [Beaver, Guerts 2011]. Следует подчеркнуть различие между нейтрализацией презумпций в контексте снятой

утвердительности триггера и «подавлением» презумпции под действием внешнего отрицания. Под «подавлением» презумпции имеется в виду лишение пропозиции презумптивного статуса, т.е. свойства неотрицаемости. А нейтральная модальность – это безотносительность к истине.

2. СМЕЩЕННОЕ ОТРИЦАНИЕ

Один из видов нестандартного отрицания – **смещенное** отрицание [Падучева 1974: 149 ff, Богуславский 1985: 40–53]. Отрицательная частица стоит при главном предикате, но отрицается та пропозиция, которая несет фразовый акцент, а оставшаяся часть в результате сдвига акцента уходит в презумпцию. Так, в предложении (2.1) с глаголом *обвинять* (знаменитым благодаря статье Ч. Филлмора о глаголах *accuse* ‘обвинять’ и *criticize* ‘критиковать’, см. [Fillmore 1971]) смещенное отрицание:

- (2.1) Я не *обвиняю* Джона в национализме λ =
не (я *обвиняю* Джона в национализме λ) =
'я обвиняю Джона в не национализме' [ассерция]
'я обвиняю его в чем-то <другом>' или: 'он виноват в чем-то <другом>' [презумпция].

См. о смещенном отрицании в [Есперсен 1958: 382], где специально подчеркивается участие фразовой просодии в формировании этой конструкции.

Предложение со смещенным отрицанием при главном предикате близко по значению к предложению с отрицанием при ударном слове, но синонимия, конечно, не полная.

Смещенное отрицание играет важную роль в систематике нестандартных отрицаний.

3. ГЛОБАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

В [Богуславский 1985: 31–32] рассматривается другая разновидность нестандартного отрицания – **отрицание с широкой сферой действия**. В норме отрицание при глаголе распространяется на предикацию, состоящую из глагола и его актантов. Так, в (3.1) целевой адвербиал, не будучи актантом глагола, не входит в сферу действия предикатного отрицания (т.е. отрицания при финитном глаголе или предикате):

- (3.1) Иван не допил чай, чтобы успеть на электричку.

Оказывается, однако, что при определенных условиях предикатное отрицание может включать в свою сферу действия адвербиал-модификатор – несмотря на то, что тот составляет отдельную ассерцию, которая должна была бы семантически подчинять глагольную предикацию. Так, в (3.2) предикатное отрицание имеет широкую сферу действия и включает целевой адвербиал (пример из [Богуславский 1985: 60]).

- (3.2) Трамвай не остановился, чтобы высадить пассажиров =
= НЕ (Трамвай остановился, чтобы высадить пассажиров).

Отрицание при финитном глаголе в предикации Р с модификатором Q может иметь широкую сферу действия потому, что предикация Р коммуникативно значима только с модификатором Q (например, если истинность Р без данного Q нерелевантна); или потому, что контекст содержит **семантику ожидания**, т.е. заранее ожидается, что Р будет иметь место с модификатором Q, как в (3.2). Семантика ожидания, будучи выражена эксплицитно, позволяет включить в сферу действия предикатного отрицания сколь угодно сложный модификатор. Так предложение (3.3а) сомнительное, а (3.3б) нормальное (пример из [Богуславский 1985: 32]):

- (3.3) а. ?Добыча угля не возросла на 10 млн тонн;
б. Добыча угля не возросла на 10 млн тонн, как ожидалось.

В [Падучева 2005] в качестве синонима к термину «отрицание с широкой сферой действия» используется термин «глобальное отрицание». Дело в том, что широкая сфера действия естественно соотносится с узкой сферой действия. Между тем термина «отрицание с узкой сферой действия» следует избегать, потому что он неоднозначен и избыточен. Так, в (3.1) адвербиал не входит в сферу действия отрицания потому, что это частноотрицательное предложение: (3.1) = 'чтобы успеть на электричку НЕ (Иван допил чай)'. А в (1.3а) в сферу действия отрицания не входит презумпция, так что это не отрицание с узкой сферой действия, а стандартное отрицание в составе общеотрицательного предложения.

Предложение с глобальным отрицанием, как правило, является общеотрицательным. При этом одно и то же предложение может иметь два разных отрицания, стандартное и глобальное, – в силу неоднозначности его коммуникативной структуры (К-структуры). Рассмотрим предложение (3.4) (пример из [Богуславский 1985]). У него есть две разные К-структуры и два разных прагматически соответствующих общеотрицательных предложения.

(3.4) Трамвай остановился, чтобы высадить пассажиров.

К-структура 1. В предложении различаются две пропозиции, связанные аргументно-предикатным отношением. Пропозиция адвербиала – ассерция, пропозиция финитного глагола – пропозициональный актант адвербиала и презумпция: адвербиал является модификатором ситуации, описываемой финитным глаголом. При этой К-структуре предложению соответствует стандартное отрицание: пропозиция адвербиала отрицается как ассерция, пропозиция финитного глагола, презумпция, не подвергается отрицанию. См. в (3.4а) семантическое представление предложения (3.4) с К-структурой 1; (3.4б) – это соответствующее общеотрицательное предложение:

(3.4) а. Трамвай остановился \neg чтобы высадить пассажиров \neg =
'трамвай остановился' [презумпция]
'цель – высадка пассажиров' [ассерция];

б. Трамвай остановился *не* для того, чтобы высадить пассажиров.

К-структура 2. Две пропозиции объединяются в одну: модификатор пропозиции финитного глагола превращается как бы в актант глагола, а сама эта пропозиция теряет свою отдельность и презумптивный статус. Эта единая пропозиция и отрицается. В предложении (3.5) отрицание с широкой сферой действия, иначе – глобальное:

(3.5) Трамвай *не* остановился, чтобы высадить пассажиров \neg
= НЕ (Трамвай остановился, чтобы высадить пассажиров).

У двух отрицательных предложений (3.4б) и (3.5) разные коммуникативные структуры: в предложении (3.4б), которое соответствует К-структуре 1, целевой оборот – факульгативный модификатор ситуации, а в (3.5) с К-структурой 2 этот целевой оборот обозначает прагматически обязательного участника ситуации. При этом предложения (3.4б) и (3.5) оба общеотрицательные.

Как видно из предлагаемого анализа, расширение сферы действия отрицания происходит за счет коммуникативных перестроек исходного предложения и не вносит никаких коррективов в общие представления о поведении презумпций под отрицанием. Речи нет о том, что глобальное отрицание подавляет презумпцию. Просто в результате коммуникативной перестройки в исходном утвердительном предложении две пропозиции, одна из которых была изначально презумпцией, соединяются в одну.

Следует отметить, что границы допустимой глобальной интерпретации предикатного отрицания существенно расширяются в контексте снятой утвердительности. Так, глобальное понимание отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе *ушел сразу* естественно в примере (3.6) в контексте снятой утвердительности (который создает

вопросительное *почему*) и едва ли возможно вне контекста такого рода (см. об этом подробнее в [Падучева 2005])²:

- (3.6) Почему я тогда сразу не ушел? = 'почему НЕ (я сразу ушел)?'
≠ Почему я ушел не сразу?

Роль контекста снятой утвердительности будет существенна и для другой нестандартной конструкции отрицания, которая будет рассмотрена в разделе 4.

4. РАДИКАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Теперь, на фоне всего того, что было сказано о неотрицаемости презумпций, обратимся к конструкции, в составе которой отношения между отрицанием и презумпцией более сложные. Эта конструкция была обнаружена Г.И. Кустовой (см. [Кустова 1996]), а в последнее время внимание было вновь привлечено к этой проблеме благодаря работе [В. Апресян 2013].

4.1. Событийная и расщепленная каузативная конструкция

В [Кустова 1996] (см. также [Кустова 2004: 214–231]) были рассмотрены две конструкции с каузативным глаголом. Ср. предложения (4.1а) и (4.1б):

- (4.1) а. Его женитьба на служанке *опозорила* семью;
б. Он *опозорил* семью женитьбой на служанке.

В примере (4.1а) обычная каузативная конструкция с событийной каузацией: каузативный глагол в норме связывает две ситуации; в (4.1а) это женитьба, **каузатор**, и позор, **эффект**. А каузативная конструкция в (4.1б) была названа в [Кустова 2004] **личной**. Можно думать, особенность каузативной конструкции в (4.1б) состоит в том, что она является результатом своего рода **расщепления** событийной каузативной конструкции в (4.1а), см. [Падучева 2004: 283]. При расщеплении может, действительно, возникать подлежащее-лицо и дополнительный агентивный смысл, ср. различие между (4.2а) и (4.2б):

- (4.2) а. Ваня приход *обрадовал* нашу маму;
б. Ваня *обрадовал* нашу маму своим приходом.

Но это не обязательно. Предложение (4.3) (пример из [Падучева 2004: 283]) имеет две интерпретации. Интерпретация (i) агентивная; семантическая роль подлежащего – агенс, а ИГ в творительном падеже обозначает поступок. А интерпретация (ii) неагентивная; семантическая роль подлежащего – мишень:

- (4.3) Родственники *раздражали* его бесконечными вопросами.
(i) Родственники задавали много вопросов, имея целью его раздражить;
(ii) Родственники задавали много вопросов, и это его раздражало.

В примере (4.4) подлежащее в расщепленной конструкции однозначно неагентивно:

- (4.4) а. Мой проигрыш *огорчил* отца;
б. Я *огорчил* отца своим проигрышем.

² Следует признать, что термин «глобальное отрицание» не вполне удачен, поскольку наводит на мысль о том, что это отрицание, которое охватывает своей сферой действия **все** предложение **целиком**, – что заведомо неверно; так, в (3.6) в сферу действия отрицания не входит *почему*. Приемлемая замена термину «глобальное отрицание» – «расширенное отрицание» – почти то же, что «отрицание с широкой сферой действия».

Это тем более ясно для примера (4.5), где дополнение в творительном падеже выражает свойство, а подлежащее – носитель свойства и вовсе не лицо:

(4.5) Письма Сельвинского молодым поэтам *удивляют* своей щедростью (← Щедрость писем Сельвинского молодым поэтам удивляет).

Граница между агентивностью и ее отсутствием, т.е. между контролируемой и неконтролируемой каузацией, может быть размытой. Так, в контексте примера (4.6) каузация, скорее всего, неконтролируемая: люди, которые вели разговоры об искусстве, не имели цели расстроить Маяковского – при том даже, что они объявляются ответственными за произведенный эффект:

(4.6) Его <Маяковского> легко было огорчить. виноваты литературные бывшие люди. Они *растравивали* его разговорами о настоящем искусстве [Л. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)].

В событийной каузативной конструкции различаются следующие компоненты. Подлежащее Р, пропозициональный актанта, – это **каузатор**; с этой именной группой связана фактивная презумпция – что естественно для каузативного глагола, который относится к классу фактивных. Сказуемое Q (каузативный глагол) выражает **эффект** (радость, раздражение, позор и т. п.), касающийся компонента Y, прямого дополнения.

В расщепленной каузативной конструкции появляется новый компонент – X: в агентивном случае это агенс (впрочем, однозначной агентивности в расщепленной конструкции не бывает), но, в принципе, это может быть любой участник, обозначенный подлежащим. Например, в (4.5) это носитель свойства, выражаемого компонентом Р, т.е. даже не лицо. Компонент Р, маркированный в расщепленной конструкции творительным падежом, обозначает действие участника X, как в (4.2б), событие, как в (4.4), или свойство, как в (4.5). Группа сказуемого Q по-прежнему выражает эффект.

Хотя расщепленная конструкция изучалась в основном на глаголах эмоции, она свойственна и другим глаголам (глаголам интерпретации, оценки и просто изменения состояния), таким как *защитить, задержать, затруднить, избавить, испортить, омрачить, помешать, помочь, погубить, поддержать, спасти, унижить, уронить, утомить*; ср.: *Отказ от игры уронил его* и *Он уронил себя отказом от игры*.

В событийной каузативной конструкции статус пропозиционального актанта Р всегда **презумпция** – Р следует и из данного предложения, и из его отрицания:

(4.7) а. Ваня приход *обрадовал* нашу маму ⊃ 'Ваня пришел';
б. Ваня приход *не обрадовал* нашу маму ⊃ 'Ваня пришел'.

Что же касается расщепленной конструкции, то тут ситуация иная.

4.2. Как возникает радикальная интерпретация отрицания

Как было обнаружено в [Кустова 1996], в расщепленной каузативной конструкции пропозиция, соответствующая актанта-каузатору, может подвергаться отрицанию. В самом деле, отрицание при глаголе в составе расщепленной конструкции может иметь две интерпретации – почти противоположные:

(4.8) Иван *не порадовал* нас возвращением =
(i) 'То, что Иван вернулся, нас **не** порадовало';
(ii) 'Иван **не** вернулся, тем самым нас **не** порадовал'.

При интерпретации (i) со **стандартным** отрицанием отрицается компонент Q, эффект, т.е. ассерция утвердительного предложения; а пропозиция Р, каузатор, ведет себя как презумпция, т.е. является истинной и в исходном предложении, и в его отрицании:

- (4.9) а. Иван *порадовал* нас возвращением \supset 'Иван вернулся';
б. Иван *не порадовал* нас возвращением \supset 'Иван вернулся'.

А отрицание с интерпретацией (ii) можно назвать **радикальным** (в [Кустова 1996] оно названо **импликативным**), поскольку оно отрицает не только пропозицию Q, эффект, которая является в (4.9a) ассерцией, но и пропозицию 'Иван вернулся', каузатор, которая в предложении (4.9a) составляет презумпцию.

Радикальную интерпретацию отрицания в расщепленной каузативной конструкции можно объяснить так.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что при интерпретации (4.8i) фразовый акцент обязательно на глаголе, а интерпретация (4.8ii) допускает фразовый акцент на пропозициональном актанта:

- (4.8i) = Иван *не порадовал* \downarrow нас возвращением;
(4.8ii) = Иван *не порадовал* нас возвращением \downarrow .

Это отрицание похоже на смещенное: отрицание стоит при главном предикате, но отрицается та пропозиция, которая соответствует пропозициональному актанту (как если бы отрицалось предложение *Иван порадовал нас возвращением* \downarrow).

Однако обычное смещенное отрицание дало бы отрицание акцентно выделенного актанта P, каузатор, а остаток, т.е. компонент Q, эффект, отодвинулся бы в презумпцию, как в примере (2.1). Для (4.8) смещенное понимание отрицания дало бы смысл 'Иван порадовал нас не возвращением', где

- 'Иван не вернулся' [ассерция, которая приняла на себя отрицание],
'Иван порадовал нас чем-то другим' [презумпция, которая не отрицается].

Между тем радикальное отрицание отрицает не только пропозициональный актант P, каузатор, но и сам каузативный глагол, т.е. компонент Q, эффект.

Дело в том, что в контексте фразового ударения в составе компонента P и его потенциальной ассертивности, т.е. способности принимать отрицание, глагол не выражает каузативное отношение между P и Q (P). Каузативное отношение между P и Q не исключает того, что Q могло быть вызвано чем-то другим. В данном же контексте глагол выражает не каузацию, а **биимпликативное соотношение** между P и Q:

если P, то Q; если не-P, то не-Q.

В контексте интерпретации (4.8ii) Q рассматривается только по отношению к данному P. Тем самым выпадает презумпция 'Q вызвано чем-то другим', которая возникла бы в контексте обычного смещения отрицания на P. Пропозиции Q и P оказываются связаны не каузальной связью (которая с необходимостью предполагает истинность каузатора P), а отношением типа **идентификации**:

P, тем самым Q; не-P, тем самым не-Q.

В таком случае ассертивный статус пропозиции Q с каузативным глаголом и в утвердительном, и в отрицательном контексте – **импликатив**. (NB. У импликативных глаголов, см. пример (1.5), статус импликатива имеет пропозициональный актант глагола; в предложении с радикальным отрицанием статус импликатива имеет пропозиция самого финитного глагола.)

В силу указанного биимпликативного соотношения между P и Q мы получаем для предложения (4.8) интерпретацию (ii):

- (4.10) 'Иван не вернулся, тем самым нас не порадовал'.

В предложении, которое могло бы быть исходным утвердительным для (4.8) с интерпретацией (ii), не только пропозициональный актанта Р должен иметь статус ассерции, а не презумпции, но и пропозиция Q должна иметь не статус презумпции, который был бы ей положен при смещении акцента, т.е. чисто коммуникативной перестройке, а статус имплицатива. Ясно, что такое предложение не может быть каким бы то ни было коммуникативным вариантом предложения (4.9а). Так что **предложение с радикальным отрицанием не является общим отрицанием никакого утвердительного**.

В отличие от стандартного отрицания при каузативном глаголе, которое отрицает пропозицию глагола потому, что она ассерция, радикальное отрицание отрицает эту пропозицию в силу идентифицирующей имплицатуры.

Итак, в отличие от «внешнего отрицания», которое якобы подавляет пресуппозицию утвердительного предложения, сводя ее ко второй ассерции, так что пресуппозиция становится подвластна отрицанию, радикальное отрицание в расщепленной каузативной конструкции не отрицает пресуппозиции. Радикальное отрицание – это отрицание предложения, в котором пропозициональный актанта каузатор каузативного глагола сменил презумптивный статус на статус ассерции. А отрицание пропозиции эффект, выражаемой каузативным глаголом, – это следствие идентифицирующей имплицатуры, которая возникает в контексте глаголов с определенной семантикой.

В составе расщепленной конструкции каузативный глагол утрачивает фактивность как внутренне присущую характеристику: пропозициональный актанта-каузатор, выраженный творительным, а не именительным падежом, не обязательно презумпция. Именно этим объясняется неоднозначная интерпретация предикатного отрицания в расщепленной конструкции.

4.3. Радикальное отрицание в расщепленной конструкции

Ниже следуют примеры из [НКРЯ], которые показывают, что радикальная интерпретация отрицания в расщепленной каузативной конструкции достаточно широко распространена. Отрицание, хотя оно стоит при каузативном глаголе, отрицает прежде всего пропозицию Р, выраженную подчиненным существительным в творительном падеже, которая имеет статус ассерции; отрицание предикации самого каузативного глагола порождается бимплицативным соотношением. Так, в (4.11) отрицается шарканье, в (4.12) – крики и мольбы, в (4.13) – заем денег; в (4.14) отрицается наличие пуповины. В примерах ниже пропозиция Р (или ее вершина) подчеркнута:

- (4.11) Редкие недовыписанные родильницы не тревожат шарканьем \ пустынные коридоры... [Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].
- (4.12) Брови его не сдвинуты, и тучи рассеялись, лицо его просветлело и сияет покоем, взгляд его не летит вдаль, и шум городов не беспокоит его криками и мольбами \ [Улья Нова. Инка (2004)].
- (4.13) Занимать денег у Фили Герой не стал и тем самым остался на равных со старым приятелем, не испортил дружбу деньгами \ [М. Чулаки. Примус // «Звезда» (2002)].
- (4.14) Ещё один ребёнок удивил Бритоголового тем, что вышел самым естественным образом, через родовые пути, но и он не порадовал его наличием пуповины \ [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)].

Для сравнения приведем примеры стандартного отрицания в расщепленной конструкции. Пропозициональный актанта Р может быть презумпцией, и тогда он, естественно, не отрицается (следует обратить внимание на то, что в (4.15)–(4.17) фразовый акцент не в составе пропозиционального актанта, а на глаголе):

- (4.15) Воланд рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим никого не удивил \ [М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Часть 2 (1929–1940)].
- (4.16) По крайней мере сын-изверг не спас \ себя отцеубийством: он был казнен вместе с другими [Н. Карамзин. История государства Российского: Том 9 (1816–1820)].

- (4.17) Кого я уже *не обижу* \setminus дотошностью своего недоброго глаза? [Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)].

Радикальная интерпретация глагольного отрицания возникает чаще всего в контексте снятой утвердительности. В примерах ниже из контекста ясно, что отрицание каузального эффекта, выраженного в пропозиции главного предиката, есть следствие того, что не будет, не может, не должна и т. д. иметь места ситуация, заданная пропозициональным актантом Р, который является ассерцией, т.е. составляет сферу действия всех модальностей. Так, (4.18) гласит, что «он» не испугает хозяйку перепадами настроения потому, что перепадов настроения у него не будет:

- (4.18) Он *не испугает* хозяйку перепадами настроения \setminus , оно всегда приподнято [«100 % здоровья», 11.12.2002].
(4.19) Нет уж, что бы там ни было <...>, она *не обрадует* узурпатора расспросами \setminus и виду не подаст, насколько ей сейчас тревожно [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].
(4.20) Квартирохозяин мой, почтальон, учится играть на скрипке, потому что любит свою мамашу и не хочет *огорчать* ее женитьбой \setminus . «Жена все-таки чужой человек», – говорит он [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)].
(4.21) Кстати, чтобы *не обижать* миллионеров предложениями принять причитающиеся им за интервью деньги \setminus , исследователи предлагали им возможность внести эти средства в благотворительные фонды [«Бизнес-журнал», 22.01.2004].
(4.22) Потом твой друг возвращает её, и вы договариваетесь *не тревожить* пространство информированием третьих лиц \setminus [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)].

Известный призыв не унижать человека жалостью – это призыв не жалеть:

- (4.23) Надо уважать человека! Не жалеть... *не унижать* его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! [М. Горький. На дне (1902)].

НВ нетривиальную идентификацию: ‘жалеть – значит унижать’.

Противопоставление стандартного и радикального отрицания в контексте снятой утвердительности демонстрирует пример (4.24). В (4.24а) с событийной каузативной конструкцией и стандартным отрицанием пропозиция Р, которая была презумпцией в утвердительном контексте, оказывается условием, т.е. не имеет истинностного значения:

- (4.24) а. Отказ от игры не уронит \setminus Фишера в глазах шахматистов = ‘если Фишер откажется от игры, он не упадет в глазах шахматистов’.

А в примере (4.24б) с расщепленной конструкцией пропозиция Р отрицается, т.е. ведет себя как ассерция; отрицание радикальное:

- (4.24) б. Фишер не уронит себя отказом от игры \setminus = ‘Фишер не откажется от игры, и потому не упадет в глазах шахматистов <а если откажется, то упадет>’.

Хороший тест на радикальное отрицание – невозможность замены расщепленной отрицательной конструкции на событийную. Расщепленная неотрицательная конструкция может быть заменена на событийную, см. пример (4.2). И расщепленная отрицательная со стандартным отрицанием может, см. примеры (4.15)–(4.17). А расщепленная конструкция с радикальным отрицанием не может – поскольку в событийной конструкции отрицание может быть только стандартное, см. пример (4.7). Так, *она не обрадует узурпатора расспросами* в контексте примера (4.17) нельзя заменить без изменения смысла на *ее расспросы не обрадуют узурпатора*.

Для понимания семантики радикального отрицания важно следующее. Компонент Р, попав в ударную позицию, естественно воспринимается как ассерция. Однако по

смыслу компонент Р, каузатор, является семантической презумпцией компонента Q, эффекта. В самом деле, если Р ложно (не имеет места), то Q аномально: не может быть ни истинным, ни ложным. Таким образом, радикальная интерпретация отрицания при каузативном глаголе возможна **только** при условии, что Р теряет свой презумптивный статус и каузативное соотношение между Р и Q переходит в биимпликативное.

Отметим отличие радикального отрицания от внешнего. «Внешнее отрицание», как в примере (1.36) с интерпретацией (1.6), **подавляет** пресуппозицию исходного утвердительного предложения в том смысле, что отрицает ее презумптивный статус, сводя ее ко второй ассерции. Отмена презумптивного статуса одной из пропозиций дает конъюнкцию ассерций, отрицание которой по законам логики означает ложность хотя бы одной из пропозиций: отрицание конъюнкции есть дизъюнкция отрицаний, см. толкование (1.6), которое дается в разделе 1.2 предложению (1.36). Между тем радикальное отрицание отрицает обе пропозиции – в том числе ту, которая в ближайшем по смыслу утвердительном предложении была пресуппозицией.

4.4. Радикальное отрицание в контексте агентивных каузативов

Расщепленная конструкция позволяет изучать радикальную интерпретацию отрицания на неагентивных каузативных глаголах. Глаголы эмоции в этом смысле удобная область: особенностью глаголов эмоции является их преобладающая неагентивность (см. [Арутюнова 1976: 156; Падучева 2004: 276], там же ссылки на литературу). Основные каузативные глаголы эмоции, такие как *огорчить*, *обрадовать*, *удивить*, в норме не употребляются как глаголы действия: их парный НСВ обозначает не деятельность (activity), а состояние.

Однако есть глаголы эмоции, которые допускают употребление в агентивном значении, т.е. в значении контролируемого действия: в несов. виде они обозначают деятельность. Например, *оскорблять*, *обижать*, *развлекать*; сюда же относятся *злить*, *пугать*, *веселить*, о которых идет речь в [В. Апресян 2013].

Агентивные глаголы эмоции устроены существенно иначе, чем неагентивные: они не являются фактивными. Именная группа в творительном падеже обозначает не автономный каузатор эмоции, а своего рода ресурс в распоряжении каузатора-агенса; это действие, которое агент совершает с целью достичь определенного эффекта. Пример (4.25а) показывает, что отрицание в таком контексте не радикальное, а глобальное:

- (4.25) а. Он больше *не развлекает* меня анекдотами =
б. 'НЕ (он по-прежнему рассказывает мне анекдоты, чтобы меня развлекать)'.

Радикальное понимание отрицания – 'не рассказывает, чтобы не развлекать' – в контексте *развлекать* и других агентивных глаголов положительной эмоции – по прагматическим причинам маловероятно, см. об этом различии между глаголами положительного и отрицательного воздействия в [Кустова 2004: 224]. Но при глаголах отрицательного воздействия радикальное отрицание при агентивном каузативе вполне возможно:

- (4.26) Граф же Строганов <...> внимательно слушал каждую <лекцию> с начала до конца, никогда *не оскорбляя* профессора *преждевременным выходом* из аудитории [Ф. Буслаев. Мои воспоминания (1897)] [= 'не выходил преждевременно, чтобы не оскорблять'];
(4.27) Рассудина села за рояль и принялась за скучные, трудные экзерцисы, приказав Лаптеву не мешать ей. И он *не развлекал* ее *разговорами*, а сидел в стороне и перелистывал «Вестник Европы» [А. Чехов. Три года (1895)] [= 'не вел разговоров, чтобы не развлечь / отвлечь'].

Радикальное отрицание возникает в контексте действия с предопределенным эффектом.

В предложении (4.25') именная группа инструментального дополнения может быть понята как определенная, и тогда ее пропозиция получает статус презумпции – рас-

сказывание анекдотов имеет место. Презумпция, естественно, не входит в сферу действия стандартного отрицания: анекдоты рассказываются, но меня не развлекают. Но в этом случае *развлекать* уже не обозначает контролируемого действия; каузативная конструкция трактуется как расщепленная событийная, и интерпретация отрицания стандартная:

(4.25') Он не развлекает меня *своими анекдотами* = *Его анекдоты* меня не развлекают.

Итак, радикальная интерпретация отрицания возникает не только в контексте расщепленной каузативной конструкции, неагентивной, но и в контексте конструкции с каузативным глаголом в агентивном употреблении, если действие Р имеет заранее предопределенный результат. В неагентивном случае перефразировка для предложения с радикальным отрицанием – 'не произошло Р, тем самым не произошло Q', а в агентивном – 'Х не сделал Р, чтобы не произошло Q' (поскольку Х понимает, что это его действие имеет предопределенный результат – отрицательный).

Показателен пример (4.28):

(4.28) Мы *не оскорбим* нашего учителя покупным подарком.

Радикальная интерпретация отрицания в (4.28) – 'не подарим покупного подарка, тем самым не оскорбим'. Она основана на имплицатуре 'подарить человеку покупной подарок – значит оскорбить его', так что не подарить покупной подарок – это единственная возможность не оскорбить. Вне этой идентификации предложение понимается со стандартным отрицанием.

Радикальное и глобальное отрицание, будучи разными конструкциями, обладают следующим сходством. В обоих случаях отрицание расширяет свою сферу действия, потому что две пропозиции объединяются в одну. В случае глобального отрицания объединение происходит на синтаксическом уровне: модификатор глагольной пропозиции превращается в актант глагола. А в случае радикального отрицания – на семантическом, за счет биимпликативного соотношения, которое в каком-то смысле отождествляет событие-каузатор и эффект каузации.

В агентивном контексте радикальное и глобальное отрицание противопоставлены, ср. пример (4.25а), где глагол *развлекать* употреблен в конструкции с глобальным отрицанием, и (4.27), где отрицание при том же глаголе радикальное. Для неагентивного контекста глобальное отрицание не характерно. Его можно, видимо, проиллюстрировать примером из [Кустова 1996]:

(4.29) Он хоть и проиграл в карты целое состояние, но по крайней мере *не опозорил* семью женьбой на служанке.

Пропозиции Р и Q склеиваются в одну, как в примере (3.5): женитьба на служанке представлена как единственный коммуникативно значимый источник позора, так что именная группа в творительном падеже обозначает обязательного участника ситуации. Хотя для составляющей с каузативным потенциалом, в отличие от адвербиала, такая перестройка затруднена, в (4.29) она возможна, поскольку поддержана контекстом контраста.

Итак, в агентивном контексте радикальная интерпретация отрицания связана с предопределенностью эффекта, как в неагентивном контексте – с биимпликацией.

4.5. Что способствует радикальной интерпретации отрицания?

Каузативные глаголы, допускающие радикальное отрицание, «не образуют однородного класса» [Кустова 2004: 214]. При этом глаголы, которые допускают радикальную интерпретацию отрицания, обычно допускают и стандартную: интерпретация отрицания не предсказывается семантикой глагола однозначно. Как уже было сказано, в составе расщепленной конструкции каузативный глагол теряет свою фактивность: его пропозициональному актанту-каузативу не гарантирован статус презумпции, так что интерпретация отрицания зависит от разных факторов.

1. От денотативного статуса пропозиционального актанта Р (см. о роли статуса в [В. Апресян 2013]). Так, в примере (4.30) пропозициональный актант Р глагола *удивить* определенный и ведет себя под отрицанием как презумпция, так что интерпретация отрицания стандартная, а в (4.30'), где пропозициональный актант неопределенный, – как ассерция, и интерпретация отрицания радикальная:

(4.30) Новый проект *удивил* \ /не *удивил* \ нас своей беспомощностью \supset 'беспомощность имеет место' [стандартное отрицание].

(4.30') а. Новый проект *удивил* нас кое-какими интересными деталями \supset 'были детали';
б. Новый проект *не удивил* нас какими-либо интересными деталями \supset 'не было деталей' [радикальное отрицание].

Примеры (4.31), (4.32) тоже демонстрируют возможность двойкой интерпретации отрицания при одном и том же глаголе.

(4.31) а. Он *не помог* \ нам своим советом \supset 'дал совет' [стандартное отрицание];

б. Он *не помог* нам советом \supset 'не дал совета' [радикальное отрицание].

(4.32) а. На этот раз он *не раздражал* \ меня своими глупыми шутками \supset 'глупые шутки были' [стандартное отрицание];

б. Оставь его дома, чтобы он *не раздражал* меня глупыми шутками \supset 'чтобы не было глупых шуток' [радикальное отрицание].

Глагол *спасти* не допускает радикальной интерпретации отрицания в утвердительном контексте, см. (4.33а). Но в контексте снятой утвердительности отрицание все-таки может распространяться на обе пропозиции:

(4.33) а. Он *не спас* семью отказом от наследства \supset 'отказался, но не спас';

б. Он *не спасет* утопающего прыжком в воду \supset 'он *не* прыгнет в воду, чтобы спасти утопающего'.

2. Радикальной интерпретации способствует порядок слов, поскольку он влияет на место фразового ударения, ср.:

(4.34) а. Отказом от игры он *не уронит* \ себя [скорее стандартное отрицание: не уронит, если откажется];

б. Он *не уронит* себя отказом от игры \ [скорее радикальное отрицание: не откажется, тем самым не уронит].

В событийной каузативной конструкции порядок слов не влияет на интерпретацию; пропозициональный актант остается семантической презумпцией в любой позиции – и в тематической, как в (4.35а), и в рематической, как в (4.35б):

(4.35) а. *Ванина двойка* не огорчила маму \supset 'Ваня получил двойку';

б. Маму не огорчила *Ванина двойка* \supset 'Ваня получил двойку'.

3. Влияние на интерпретацию отрицания оказывает также глагольный вид (роль вида рассматривается, в несколько ином плане, в [В. Апресян 2013]):

- (4.36) а. Я *не обременю* его своей просьбой;
б. Я *не буду обременять* его своей просьбой.

Предложение (4.36а) с глаголом в сов. виде (будущего времени) допускает и стандартную, и радикальную интерпретацию отрицания, а в (4.36б) с глаголом в несов. виде интерпретация отрицания однозначно радикальная. В несов. виде речь идет о действии (просьбе), каузирующий эффект которого (обременение) агенсу заранее известен как нежелательный, так что предупредить эффект можно только несовершением действия: (4.36б) значит 'не буду просить, чтобы не обременять'. А в сов. виде будущее время может пониматься и в значении намерения, и в значении предсказания: моя просьба, будучи сделана, не обременит. Так что сов. вид совместим и с радикальной, и со стандартной интерпретацией отрицания.

То же противопоставление возможно и в прошедшем времени: опять-таки, дело в том, что предупредить эффект можно только несовершением действия. Так, (4.37б) с глаголом в несов. виде в узуальном значении означает 'не задавал вопросов, чтобы не расстраивать'; так что вопросов не было, отрицание радикальное. А в (4.37а) вопросы были, и отрицание стандартное:

- (4.37) а. Я *не расстроил* \ его своими вопросами;
б. Волька *прикидывался*, будто ничего не замечает, и *не расстраивал* старика бестактными вопросами \ [Л. Лагин. Старик Хоттабыч (1955)].

В (4.38) не радикальное отрицание – про разговор нельзя сказать, что он имеет или имел место, поскольку он относится к будущему:

- (4.38) Вождь просил профессора заехать к нему по делу; он обещал *не задержать* \ разговором [Л. Леонов. Скутаревский (1930–1932)].

Отрицание эффекта здесь не предполагает отрицания самого события; ясно, что профессор должен заехать именно для разговора – и говорится только, что недолго. Снятая утвердительность предикации с глаголом *задержать* сообщает подчиненной пропозиции нейтральную модальность, но речи нет о ее отрицании; отрицание глобальное.

4.6. От каузации к интерпретации

Группа глаголов, в которой Г.И. Кустовой была обнаружена эта интересная разновидность нестандартного отрицания, была охарактеризована ею как глаголы **интерпретации**. В частности, это глаголы, которые дают **косвенную номинацию** событию (см. о косвенной номинации [Зализняк 1991]). К глаголам косвенной номинации в [Кустова 2004] отнесены, в частности, *наказать*, *отблагодарить*, *отомстить*, *поощрить*, которые часто употребляются без указания конкретного действия, являющегося средством достижения цели. Указание действия не исключено (ср. пример из НКРЯ: *поклонился женщинам, которые по шведскому обыкновению отблагодарили меня книксеном*), но в отличие от других глаголов интерпретации, например, *испортить*, см. пример (4.13), для глаголов косвенной номинации типа *порадовать* радикальная интерпретация отрицания является наиболее естественной.

Можно думать, переход от каузальной связи между ситуациями к интерпретативной и лежит в основе перехода от стандартного понимания отрицания к радикальному. Каузальная связь предполагает существование причины, несет презумпцию отдельного существования причины. А семантика интерпретации как бы **отожествляет** причину и следствие, превращает разные события в разные номинации одного и того же (ср. о глаголах интерпретации [Апресян 2004]). Отсюда биимпликативное соотношение, т.е. идентифицирующая импликатура, которая дает возможность отрицать две пропозиции с помощью одной отрицательной частицы.

В агентивном случае то, что было названо идентифицирующей импликацией каузативной ситуации, сводится к убеждению говорящего (или агенса) в том, что Р неминуемо вызовет Q, так что избежать Q можно только не совершив Р. Это объясняет радикальную интерпретацию отрицания, например, в контексте (4.36б), где несоев. вид глагола в Q выражает тот факт, что Р – действие с предсказуемым эффектом, так что эффект находится под контролем агенса.

О каузативной ситуации с предсказуемым эффектом упоминает Г.И. Кустова – на примере глаголов «косвенного результата» типа *опозорить*, *разорить*, которые связывают две ситуации: контролируемое Р и нежелательное Q. В контексте отрицательного императива несоев. вида таких глаголов «речь идет об определенном и конкретном Р, и избежать Q – целиком во власти X-а (поскольку известно, что Р вызывает Q, достаточно просто не делать Р)» [Кустова 2004: 226]. Так, императив от глагола в составе Q – *Не позорь отца / Не разоряй семью* – на самом деле означает ‘не делай Р’ / ‘прекрати делать Р’ (например: *Не женись на служанке; Перестань играть в карты*), поскольку Р приведет к Q.

Подчеркнем, однако, что радикальное отрицание не ограничено агентивными глаголами: в предложении с радикальным отрицанием каузатор Р может не быть действием, как в примерах (4.11) или (4.14); не быть действием с предсказуемым для агенса эффектом, как в (4.8); не быть действием, отказ от которого имеет целью избежать отрицательного эффекта. Так, в строчке Б. Окуджавы (пример из [Падучева 2004: 299]) имеется в виду ‘не буду лить слез, и тем самым не оскорблю’, а не ‘не буду лить слезы, чтобы не оскорбить’: *Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной и напрасной*.

Общая семантика радикального отрицания в предложении с каузативным глаголом состоит в том, что каузальная связь между пропозициями вырождается в биимпlicativeтивную.

Интересна в этом плане работа [В. Апресян 2010], где описано нетривиальное поведение под отрицанием глагола *повезти* в безличном употреблении. Этот глагол употребляется в двух разных конструкциях (имеется и третья, которую мы здесь опускаем). В (4.39), где пропозициональный акт глагола вводится предлогом *что*, обычное отрицание, сохраняющее презумпцию.

- (4.39) а. Ему *повезло* λ , что он встретил эту женщину = ‘от события Y, которое произошло с X-ом, X-у <было> хорошо’;
б. Ему *не повезло* λ , что он встретил эту женщину = ‘от события Y, которое произошло с X-ом, X-у не <было> хорошо’.

А отрицание в предложении (4.40) с другой моделью управления можно трактовать как радикальное:

- (4.40) а. Ему *повезло* родиться богатым λ = ‘с X-ом произошло хорошее событие Y, тем самым ему <было> хорошо’;
б. Ему *не повезло* родиться богатым = ‘с X-ом не произошло хорошее событие Y, тем самым ему не <было> хорошо’.

Радикальная интерпретация отрицания возникает за счет того, что каузальная связь между двумя разными событиями, которая еще ощущается в (4.39), в предложении (4.40) вырождается в их идентификацию: каузация одного события другим переходит в разные наименования одного и того же события.

В [Зализняк, Шмелев 2012] отмечается особенность глагола *порадовать*, состоящая в том, что он способен употребляться в качестве косвенной номинации того действия, которое производит каузирующий эффект:

Чем вы нас *порадуете*? [Вопрос к писателю, который означает: ‘Что нового написали?’].

В других примерах из той же работы демонстрируется отношение идентификации между *порадовать* и конкретным действием, упомянутом в том же предложении:

Наум любил *порадовать* родителей *игрой* на фортепьяно;
Постараемся *показать* хороший хоккей и *порадовать* наших болельщиков.

Все это служит подтверждением той роли, которую играет идентификация в конструкции с радикальным отрицанием.

5. ОТРИЦАНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С КОНАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В разделе 4.4 об агентивных каузативах речь шла об **эксплицитно каузативных** конструкциях, когда семантические компоненты действие/деятельность и результат выражены разными синтаксическими составляющими предложения, ср.:

[он развлекал ее]_{результат} [разговорами]_{деятельность}.

Однако деятельность и результат могут быть компонентами толкования (т.е. семантического разложения, *semantic decomposition*) самого глагола. Это **имплицитно каузативная** конструкция, и с компонентами в ее составе отрицание тоже может взаимодействовать по-разному, см. об этом [Кустова 2004: 227 ff].

В [Апресян 1980: 63–64] было сделано важное наблюдение о соотношении между сов. и несов. видом некоторых агентивных каузативных глаголов, в частности глагола *решить*. Оно сводится к тому, что глагол НСВ *решил* означает, грубо говоря, 'действовал с некоторой целью', а глагол СВ *решил* – 'действовал с некоторой целью и достиг ее'. При этом в семантике глагола СВ ассертивным является только компонент «достижение цели» – он и отрицается. Компонент «деятельность» составляет презумпцию: *не решил* предполагает *решил*, т.е. 'действовал с целью решить, но не достиг цели – не получил результата'. У других агентивных каузативов, например, у *открыть*, компонент «деятельность с целью» в семантике СВ не составляет презумпции и поддается отрицанию, так что *не открыл* не предполагает 'открывал'.

В [Гловинская 1982: 89 ff] идея о наличии особого аспектуального класса агентивных глаголов с презумптивным компонентом «деятельность с целью» получает развитие; приводится представительный список глаголов, у которых в толкование перфектива входит в качестве презумпции толкование имперфектива.

В применении к глаголам, описанным Ю.Д. Апресяном и М.Я. Гловинской, естественно использовать термин «**конатив**», от лат. *conatus* 'попытка', см. [Падучева 1996: 112]. Примерно такие глаголы называются конативами в [Forsyth 1970] и в [Томмола 1986: 79–88, 110–132 ff] и др. Форсайт пишет про эту группу глаголов, что у них «перфектив обозначает целостное действие, включая его успешное завершение, и тогда имперфектив, по контрасту, обозначает попытку (*conation*) выполнить то действие, которое обозначено перфективным глаголом» [Forsyth 1970: 49, 71–73]. (Ср. в [Апресян 1974: 83–84] о том, что в парах типа *убеждать* – *убедить*, *ловить* – *поймать*, *решать* – *решить* несов. вид имеет значение «попытки», а сов. вид – значение «успеха», т.е. удавшейся попытки; о конативном значении вида см. [Маслов 2004: 99].)

Конативы противопоставлены глаголам с **накоплением результата** [Гловинская 1982: 83 ff], таким как *забить* <гвоздь> или *открыть* <окно>. У них компонент «деятельность» является ассертивным, а компонент «результат» связан с обращенной на него деятельностью как ее следствие, т.е. имеет статус имплицитива. В контексте такого глагола отрицание получает радикальную интерпретацию: *не открыл окно* = 'не действовал с целью <предполагаемой этим действием>, тем самым отсутствует результат'; отсутствующий результат тривиально предопределен отсутствием деятельности. В контексте конатива отрицание, естественно, стандартное.

У глаголов с накоплением результата возникает квазисинонимия сов. и несов. вида при отрицании: *не открыл окно* ≠ *не открывал окна*. Между тем у отрицательного конативного глагола формы СВ и НСВ не синонимичны: *не решил задачу* ≠ *не решал задачу*, поскольку *не решил* (СВ) имеет презумпцию *решал* (НСВ). Все имеющиеся возможности синонимии и несинонимии сов. и несов. вида под отрицанием подробно описаны в [Падучева 2008]. В частности, сов. и несов. вид квазисинонимичны у моментальных глаголов – динамичных, как *прийти, найти, зайти*: *не пришел* ≠ *не приходил* (ставивные моментальные глаголы, такие как *понять*, ведут себя принципиально иначе). При этом, однако, у глаголов типа *прийти* несов. вид не обозначает деятельности, так что тут квазисинонимию видов в отрицательном контексте нельзя представить аналогичным образом.

В [В. Апресян 2013] утверждается, что презумптивный статус компонента «деятельность» в семантике конативов (речь идет только о глаголах физического действия) обеспечивается модификатором «большое усилие». Однако в таком случае конативы уже не будут аспектуальным классом глаголов с указанным соотношением между СВ и НСВ в видовой паре. Так, в семантику глагола *приволочь* входит компонент «большое усилие»; но он не конатив в аспектуальном смысле – *не приволок* не предполагает 'приволакивал'. Глагол СВ *дотащить* имеет в контексте отрицания презумпцию деятельности, тоже требующей специальных усилий – из *не дотащил* следует 'тащил'; но НСВ от *дотащить* не *тащить*, а *дотаскивать*: *тащить* – *дотащить* не образуют видовой пары.

Как мы видели в разделе 4.2, чтобы глагол с семантическими компонентами Р (каузатор, в данном случае – «деятельность») и Q (эффект, в данном случае – «результат») имел радикальное отрицание, нужно, чтобы выполнялось бимпликативное соотношение:

- Условие (а): 'если Р, то Q';
Условие (б): 'если не-Р, то не-Q'.

В конструкции с эксплицитной каузацией фразовое ударение выделяет компонент Р как ассертивный; тем самым компонент Q получает статус имплектива. Отсюда выполнение условия (а) если Р, то Q. Выполнение условия (б) если не-Р, то не-Q достигается специальной имплектурой – в частности, вырождением каузации в интерпретацию.

Для имплицитной каузации – наоборот. Условие (б) выполняется тривиально – цель не может быть достигнута без ведущей к ней деятельности: в ситуации, когда окно открылось само, я не могу сказать, что «я его открыл». Между тем условие (а), которое состоит в том, что деятельность *г а р а н т и р у е т* достижение результата (а именно на этом основании компонент «результат» получает в утвердительном предложении статус имплектива), выполняется не всегда. А именно, оно не выполняется у конативов. Его выполнение у глаголов с накоплением результата объяснено в [Кустова 2004: 228] тем, что у этих глаголов накопление результата (в объекте) с и н х р о н н о деятельности агенса, который достигает своей цели. Так, *забить* <гвоздь> – глагол с накоплением (гвоздь забивается по мере забивания), а *уговорить* <приятеля> – конатив (приятель не уговаривается по мере говорения).

Граница между конативами, у которых деятельность составляет презумпцию и тем самым при отрицании предстает как безуспешная попытка, и глаголами с накоплением, у которых это не так, размытая. В принципе, почти любое действие, в том числе, открывание окна, может окончиться неудачей, и тогда деятельность, предполагаемая семантикой глагола *открыть*, окажется неудавшейся попыткой, см. [Мелиг 2013]. Чаще всего отрицание в контексте агентивного глагола глобальное: деятельность и результат отрицаются как единое целое. Тем не менее конативы как аспектуальный класс представляют интерес.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, понятие презумпции решает далеко не все проблемы семантики отрицательного предложения. Помимо **стандартного** отрицания, которое отрицает ассерцию и сохраняет презумпции, имеется несколько конструкций с нестандартным отрицанием, которые заслуживают внимания.

1) Что касается **внешнего** отрицания, которое лишает презумпцию статуса неотрицаемости, то это периферийная конструкция – она используется в основном на уровне языковой игры; впрочем, она может быть допустима как отрицательная реакция на некий стимул в дискурсе.

2) Про предложение со **смещенным** отрицанием важно иметь в виду, что оно не является общеотрицательным ни для какого «утвердительного». Для предложения (6.1) соответствующим общеотрицательным будет не (2.1), а (2.1') с отрицанием в составе именной группы, которое подразумевает противопоставление (см. о противопоставительном отрицании [Богуславский 1985: 61 ff]):

- (6.1) Я обвиняю Джона в национализме \ ;
(2.1) Я не обвиняю Джона в национализме \ ;
(2.1') Я обвиняю Джона не в национализме \ .

3) Напротив, предложение с **глобальным**, т.е. расширенным, отрицанием может быть общеотрицательным – что было показано в разделе 3. Включение модификатора ситуации в сферу действия отрицания при финитном глаголе предуготовано соответствующим коммуникативным преобразованием исходного предложения, которое в определенном смысле приравнивает этот модификатор к актанту глагола, делая его прагматически обязательным участником ситуации. В результате коммуникативной перестройки утвердительное предложение утрачивает членение на презумпцию и ассерцию, и отрицание при глаголе отрицает единую пропозицию.

4) Наконец, **радикальное** отрицание – это, как и смещенное, специальная отрицательная конструкция: предложению с такой конструкцией не соответствует никакого исходного утвердительного.

В событийной каузативной конструкции пропозициональному актанту каузативного глагола всегда соответствует презумпция (что вытекает из семантики каузации), и в этом контексте единственно возможным является стандартное отрицание, которое отрицает пропозицию эффект, сохраняя пропозицию каузатор как презумпцию (*Возвращение Ивана нас не порадовало*).

В расщепленной каузативной конструкции возможно, помимо стандартного отрицания, сохраняющего презумпцию, радикальное отрицание, отрицающее и пропозицию каузатор, и пропозицию эффект (*Иван не порадовал нас возвращением* может означать 'не вернулся, тем самым не порадовал').

Радикальное отрицание в контексте агентивного каузатива отличается тем, что тут каузатор – это не просто событие, а действие, сознательный отказ от которого имеет целью предупредить эффект: *Я не буду обременять его своей просьбой* = 'не буду просить, чтобы не обременить'. Следует подчеркнуть, что в контексте агентивного каузатива возможно (помимо стандартного) не только радикальное, но и глобальное отрицание; *Он больше не развлекает меня анекдотами* скорее означает 'не рассказывает с целью развлечь', чем 'не рассказывает, чтобы не развлечь'.

Фактивность глагола, которая обеспечивает пропозициональному актанту статус презумпции (а предложению – стандартное отрицание), зависит от модели управления: расщепленная каузативная конструкция отменяет обязательную фактивность, свойственную каузативному глаголу в событийной конструкции, и тогда будет ли пропозициональный актант презумпцией, зависит от денотативного статуса этого актанта и от прочих условий. (О том, что конструкция, оформляющая пропозициональный актант,

может влиять на интерпретацию отрицания при каузативном глаголе, см. [В. Апресян 2013].)

Итак, радикальное отрицание в каузативной конструкции – это нестандартная интерпретация смещенного предикатного отрицания, которая законно возникает в контексте биимпликативной связи между событием и эффектом, например, тогда, когда эффект является интерпретацией, иначе – косвенной номинацией – события. В частности, радикальная интерпретация отрицания возникает в контексте, где действие имеет заранее известный агенту (обычно нежелательный) эффект и агент может предупредить этот эффект несовершением действия. Это объясняет широкое употребление радикального отрицания в контексте снятой утвердительности – в будущем времени, в императиве, в контексте пропозициональных установок³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1980 – Ю.Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». Wien, 1980. (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 1.)
- Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7).
- В. Апресян 2010 – В.Ю. Апресян. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции «Диалог 2010». М., 2010.
- В. Апресян 2013 – В.Ю. Апресян. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). По материалам международной конференции «Диалог 2013». М., 2013.
- Арутюнова 1973 – Н.Д. Арутюнова. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1973. Т. 32. № 1.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Богуславский 1985 – И.М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Гловинская 1982 – М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Есперсен 1958 – О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958. (Англ. ориг.: O. Jespersen. The philosophy of grammar. London, 1924.)
- Зализняк 1991 – Анна А. Зализняк. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Зализняк, Шмелев 2012 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Лексика радости // Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.
- Кустова 1996 – Г.И. Кустова. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2.
- Кустова 2004 – Г.И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.
- Мелиг 2013 – Х.-Р. Мелиг. Неисчисляемая собирательность в области глагольных предикатов. О конативности в русском языке // Доклад на IV Конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. University of Gothenburg, June 10–14, 2013.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева 1974 – Е.В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974; 2-е изд. М., 2007.
- Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. 6-е изд. М., 2010 // <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>.

³ Огромная благодарность Барбаре Парти за конструктивную критику этой работы на разных ее этапах. Я благодарю также В.Ю. Апресян за то, что она привлекла мое внимание к нестандартным отрицаниям; Анну А. Зализняк за сочувственную помощь и О.Е. Пекелис за тонкое чутье на недоработанные участки текста. Отдельная благодарность – трем анонимным рецензентам журнала «Вопросы языкознания»: о таких продуманных комментариях любой автор может только мечтать.

- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004 // <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>.
- Падучева 2005 – *Е.В. Падучева*. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10) // <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/gyns2005.pdf>.
- Падучева 2008 – *Е.В. Падучева*. Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 3. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/imperf_negation_VJa1.pdf
- Томмола 1986 – *Х. Томмола*. Аспектуальность в финском и русском языках. Helsinki, 1986. (=Neuvostoliitto instituutin vuosikirja. № 28.)
- Beaver, Geurts 2011 – *D. Beaver, B. Geurts*. Presupposition // E. Zalta (ed.). The Stanford encyclopedia of philosophy // <https://webpace.utexas.edu/dib97/sep-v3.2.pdf>.
- Fillmore 1971 – *Ch.J. Fillmore*. Verbs of judging: An exercise in semantic description // C.J. Fillmore, D.T. Langendoen (eds). Studies in linguistic semantics. New York, 1971.
- Forsyth 1970 – *J. Forsyth*. A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Giannakidou 2013 – *A. Giannakidou*. Evaluative subjunctive and nonveridicality // M. Taboada, R. Tranc (eds). Nonveridicality, perspective, and discourse coherence. Leiden, 2013. (Studies in pragmatics series.)
- Horn 1989 – *L.R. Horn*. A natural history of negation. Chicago, 1989.
- Jackendoff 1972 – *R.S. Jackendoff*. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge, 1972.
- Karttunen 1971 – *L. Karttunen*. Implicative verbs // Language. 1971. V. 47. (Русск. пер.: Л. Карттунен. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.)
- Karttunen 2012 – *L. Karttunen*. Simple and phrasal implicatives // Proceedings of *SEM: The first joint conference on lexical and computational semantics. Montréal, Canada. June 7–8. Montréal, 2012.
- Kempson 1975 – *R.M. Kempson*. Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge, 1975.
- Weinreich 1963 – *U. Weinreich*. On the semantic structure of language // J. Greenberg (ed.). Universals of language. Cambridge (MA), 1963. (Переиздана в: U. Weinreich. On Semantics. [Philadelphia], 1980. Русск. пер. (И.А. Мельчука): У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии / Под ред. В.А. Звегинцева. М., 1970.)

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Падучева
ВИНИТИ РАН
elena.paducheva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.12.2013.

© 2014 г. Б.А. УСПЕНСКИЙ

**ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ:
СЛАВЯНО-ЕВРЕЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(на материале *Nomina sacra*)***

Славянская Библия была переведена с греческого и обнаруживает текстуальную связь с Септуагинтой. Вместе с тем, в восточнославянских рукописных Библиях XV–XVI вв. прослеживается несомненное еврейское влияние. Мы находим здесь целый ряд гебраизмов (объясняемых непосредственными славяно-еврейскими контактами), призванных корректировать традиционный славянский перевод библейского текста. Эти гебраизмы частично представляют собой заимствования из еврейской Торы, частично – из арамейского таргума. Материал сакральных имен (которые в арамейском таргуме сохраняют исконную еврейскую форму) приводит к выводу, что заимствования из Торы переводились в славянской Библии, тогда как заимствования из таргума воспроизводились в ней в исходной форме. Редактирование библейского текста осуществлялось в несколько этапов и продолжалось значительный период времени. В работе предпринимается попытка определить масштаб еврейского влияния на русскую библейскую традицию и установить хронологическую стратификацию различных явлений, относящихся к ревизии исходного славянского текста.

Ключевые слова: Славянская Библия, Септуагинта, Пятикнижие, Тора, таргум, гебраизмы, имена Бога

The Slavonic Bible was translated from Greek revealing textual correlations to the Septuagint. However in the majority of East Slavic manuscripts one can also observe indubitable Hebrew influences: there are numerous Hebraisms missing in the Septuagint while manifesting direct Slavic-Jewish contacts; they are introduced to correct the traditional Slavonic translation of the biblical text. These Hebraisms are based on the collation of the Slavonic Bible both with the Hebrew Torah and with the Aramaic Targums. The treatment of the Divine names (preserved in the Targums in their original, Hebrew form) allows us to demonstrate that borrowings from the Torah could be translated in the Slavonic Bible, whereas borrowings from Targums were reproduced in the Slavonic text in the original (Hebrew) form. The revision of the Slavonic Bible had several stages and was a long process. The author attempts to define a chronological stratification of different data related to this process.

Keywords: Slavonic Bible, Septuagint, Pentateuch, Torah, Targums, Hebraisms, Divine names

1.1. История славянской Библии восходит к деятельности свв. Кирилла и Мефодия. Считается, что Кирилл и Мефодий наряду с Евангелием и Апостолом перевели Псалтирь и Паремейник, т.е. те части Священного Писания, которые читались за богослужением; впоследствии Мефодий перевел остальные части Ветхого Завета, и таким образом появилась славянская четья Библия (см. [Иванова 1976: 24–25]). Перевод Мефодия был, по-видимому, частично утрачен после его смерти (885 г.), в эпоху преследования славянской письменности в Великой Моравии. В конце IX или нач. X в. по повелению болгарского князя Симеона (893–927) некий пресвитер Григорий заново перевел че-

* Автор считает своим долгом выразить признательность А.А. Алексееву, А.А. Архипову и А.А. Турилову, советами и консультациями которых он пользовался при написании этой статьи.

тий текст Восьмикнижия «ѡт гречскаго языка в' словен'скыи»¹; по всей вероятности, в какой-то мере им были использованы предшествующие переводы (см. [Евсеев 1902: 356–357; Михайлов 1912: ССХСІ–ССХСІІ; Алексеев 1999: 168])². Дошедшие до нас списки славянского Восьмикнижия восходят к этому новому переводу (см. [Алексеев 1988: 134–135, 139, 141; Пичхадзе 1996: 10]; ср. [Турилов 2006: 557]). Перевод Григория появился незадолго до крещения Руси; вероятно, он попал на Русь в составе Преславской библиотеки (см. о ней [Алексеев 1999: 139–140]). Во всяком случае не позднее XI в. четья Библия (не исчерпывающаяся Восьмикнижием) была известна на Руси: об этом свидетельствуют цитаты у древнерусских авторов XI–XII вв. (см. [Михайлов 1912: ССXXXVI–ССXXXVII; Пичхадзе 1996: 10–11]).

1.2. Кирилл и Мефодий переводили Библию с греческого; в Житии Мефодия говорится: «вса книги исполнь, развѣ Макавѣи, ѡт гръчьска языка въ словѣньскѣ» (Житие Мефодия, гл. XV, см. [Лавров 1930: 77; Флоря 1981: 100])³; с греческого же, как мы знаем, переводил и Григорий, переводчик князя Симеона (см. выше); все они пользовались, несомненно, текстом Септуагинты. Между тем Иероним Стридонский перевел Библию на латынь непосредственно с еврейского оригинала. Отличия между славянской и латинской Библией (Вульгатой) в известной степени сводятся к отличиям между еврейским текстом Библии и греческим текстом Септуагинты.

1.3. Мы можем утверждать, таким образом, что русская (восточнославянская) библейская традиция имеет южнославянское происхождение и так или иначе ориентирована на греческий перевод Библии (Септуагинту).

При всем том между восточнославянскими и южнославянскими списками Библии есть заметные расхождения: в ряде случаев русские списки Библии отклоняются от греческого текста, которому следуют списки южнославянские, и обнаруживают близость к еврейскому оригиналу. Это нельзя объяснить влиянием Вульгаты, которое никак не сказывается на Руси вплоть до работы над Геннадиевской библией 1499 г. (ГИМ, Син. № 915); между тем указанное явление прослеживается и в списках, предшествующих Геннадиевской библии. Речь, таким образом, может идти только о непосредственном еврейском влиянии.

Это характерная особенность именно восточнославянских списков Библии, и она нуждается в объяснении.

1.4. Так, в целом ряде рукописей (восточнославянского происхождения) мы наблюдаем многочисленные случаи еврейских глосс или исправлений по еврейскому тексту,

¹ Запись о Григории дошла до нас в приписке (колофоне) к Восьмикнижию, сохранившейся в восточнославянских списках так называемого Иудейского Хронографа, в состав которого входит как Восьмикнижие, так и другие библейские книги (четыре книги Царств и иногда книга Есфирь); см. [Евсеев 1902: 356–357; Михайлов 1912: ССХСІ–ССХСІІ; Алексеев 1999: 167–168]. Симеон Болгарский именуется в этой записи «князем», а не «царем», что позволяет датировать перевод Григория временем между 893 г. (когда Симеон становится князем) и 913 г. (когда он становится царем). Самого себя Григорий называет «презвитеромъ мнихомъ всѣхъ црковникъ блъгарскыхъ цркви»; текст испорчен – предполагается, что он был первым (главным) пресвитером болгарских церквей, т.е. управляющим церквями, подвластными болгарскому правителю; см. [Турилов 2013: 13–15].

² Григорий мог использовать, в частности, те разделы Восьмикнижия, которые вошли в Паремейник, т.е. сохранились в богослужебной традиции.

³ Ср. аналогичные свидетельства у Иоанна Экзарха (во введении к «Богословию» Иоанна Дамаскина) и в Проложном житии Кирилла и Мефодия. По словам Иоанна Экзарха, Мефодий «прѣложи вса оуставныа кѣнигы, 60, отъ елинска языка, кже ксть гръчьскѣ, въ словѣньскѣ» (ГИМ, Син. № 108, л. 1 об. – 2; см. изд. [Ин. Экз.: 4, стлб. 1–2]); ср. в Проложном житии о Мефодии: «Преложи вса 60 книгъ Ветхаго и Новаго закона отъ гръчьскаго в словенъскыи» (см. [Иванова 1976: 24; Флоря 1981: 168, примеч. 2]).

которые отражают, видимо, сверку славянского Пятикнижия с еврейским текстом Торы (см. [Алексеев 1999: 182–184; Пичхадзе 1996: 20; Thomson 1998: 652–653]). Эти слова представляют собой гебраизмы, не имеющие соответствия в Септуагинте или же отличающиеся по форме от тех гебраизмов, которые представлены в греческой Библии⁴; вместе с тем для этих рукописей в принципе характерна замена специфических церковнославянизмов русизмами, иначе говоря, книжные слова могут заменяться на их не книжные эквиваленты. Такого рода глоссы в одних случаях даются на полях рукописи, в других вводятся в текст Библии; по-видимому, первоначально соответствующее слово или фраза появляется как маргинальная глосса (в процессе редактирования библейского текста) и затем – на следующем этапе – попадает в основной текст Пятикнижия⁵.

Еврейское влияние в восточнославянских списках Библии проявляется также в делении Пятикнижия на части, которое соответствует делению Торы на «параши» («парашиот»), т.е. делению по субботним чтениям, принятому в синагогах (см. [Алексеев 1999: 30, 182; в печати])⁶. Такое деление представлено в большинстве русских списков Пятикнижия⁷; оно имеется, между прочим, и в Геннадиевской Библии 1499 г. (ГИМ, Син. № 915) и отражается даже в Московской печатной Библии 1663 г. (см. [Успенский 2012: 114, примеч. 66]).

Характерным образом при этом у восточных славян в качестве отдельной книги выделяется именно Пятикнижие, соответствующее по составу еврейской Торе, – обстоятельство почти уникальное для христианской традиции (исключением, помимо славян, являются лишь сирийцы и копты): как у греков, так и у южных славян бытовало не Пятикнижие, а Восьмикнижие (см. [Mathiesen 1983: 197–198; Иннокентий 1990: 18; Алексеев 1999: 27; 2010: 177; Кулик 2008: 68–69])⁸. Восьмикнижие как отдельная книга

⁴ В дальнейшем под гебраизмами будут иметься в виду формы, объясняемые непосредственно славяно-еврейскими контактами (без греческого посредничества).

⁵ Отметим в этой связи Пятикнижие XVI в. (РНБ, Q.I.1407), где в конце рукописи (л. 475–478 об.) дан сводный перечень славянских и семитских глосс к каждой из пяти книг Моисеевых – глосс, встречающихся в русских списках Библии; некоторые из этих глосс читаются на полях и в самой этой рукописи.

Такого рода сводные списки могли служить материалом для глоссариев, известных под названием «Речь жидовского языка» (ср. в этой связи [Ковтун 1963: 271 и сл.]). Именно этим можно объяснить тот факт, что в древнерусских глоссариях наряду с толкованием иноязычных слов получают толкование и вполне известные славянские слова, несомненно знакомые славянскому книжнику: поскольку эти слова фигурируют в рукописях в качестве глоссы (варианта, вынесенного на поля), они оказываются предметом лексикографического рассмотрения. Вместе с тем в основе славянских ономастиконов с толкованием еврейских слов («Речь жидовского языка») лежат ономастиконы византийские, которые, в свою очередь, восходят к ономастикону Евсевия Кесарийского (см. [Никольский 1896: XXVI (примеч. 1), 69 (примеч. 1); Ковтун 1963: 56 и сл., 65, 80–88; Алексеев 2013: 47, примеч. 88]).

⁶ См. таблицу соответствий деления на «параши» и принятому сейчас делению библейского текста на главы и стихи [Востоков 1842: 29–30; Горский, Невоструев, I: 8].

Традиционно Тора делится на 54 параши, в восточнославянских же списках Пятикнижия их число сокращено до 52 – по числу суббот солнечного календаря (см. [Алексеев в печати]): книги Исход и Второзаконие разделены здесь на десять параш вместо традиционных одиннадцати.

⁷ «Масштаб влияния, – писал А.А. Алексеев, – стал проясняться после археографического описания и критического издания текста книги Бытия [Михайлов 1900–1908; 1912]. Из 20 восточнославянских списков Бытия, которые были известны А.В. Михайлову, 17 содержат деление на синагогальные субботние чтения – параши или парашиот. Из 28 восточнославянских списков Исхода, названных А.А. Пичхадзе, 16 содержат глоссы и исправления по масоретскому тексту [Пичхадзе 1996: 21], притом что разделы парашиот известны также и ряду других списков (например, Геннадиевской Библии)» [Алексеев 1999: 182]. Цифры эти могут быть увеличены (см. ниже, примеч. 78).

⁸ Ср.: «The East Slavic preference for Pentateuchs <...> probably follows a Semitic model, and most likely a Jewish one. A certain number of East Slavic Pentateuchs in fact contain certain textual features, including glosses and corrections, which can only be derived from a Hebrew Pentateuch and which seem not to be found in any South Slavic manuscript of the same books» [Mathiesen 1983: 198]. Пятикнижие известно также в самаритянской традиции.

восходит к греческой традиции и не имеет аналога в еврейской Библии; напротив, Пятикнижие в качестве книги восходит к еврейской традиции, не имея аналога в традиции греческой⁹.

Древнейший русский список Пятикнижия датируется второй пол. XIV – нач. XV в. (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 1). Это едва ли не самый древний или во всяком случае один из самых древних сводов библейских текстов у восточных славян (из дошедших до нас)¹⁰.

1.5. Впервые на интересующее нас явление обратил внимание А.Х. Востоков (см. [Востоков 1842: 30]), который отметил еврейские формы собственных имен в Пятикнижии второй пол. XV в. Румянцевского собрания (РГБ, ф. 256/Румянц., № 27).

Следующим исследователем, обратившимся к данной теме, был А.В. Горский (см. [Горский 1860]), подвергший подробному рассмотрению гебраизмы в двух Пятикнижиях Иосифо-Волоколамского собрания кон. XV и нач. XVI вв. (РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 7 и 8). Горский предположил связь правки по еврейскому тексту, прослеживаемую в этих рукописях, с ересью жидовствующих. Несостоятельность этого предположения (которое было поддержано другими исследователями) была показана А.А. Алексеевым (см. [Алексеев 1999: 182–185]). При всем том работа А.В. Горского остается единственным исследованием, ставящим перед собой задачу последовательного рассмотрения всех лексических гебраизмов, наблюдаемых в той или иной рукописи.

1.6. Рукописи, в которых представлены эти глоссы и исправления, безусловно принадлежат христианской традиции: они были созданы в русских монастырях христианами книжниками. Вместе с тем после работ А.А. Алексеева стало очевидно, что первоначально они появились в иудейской конфессиональной среде, и именно оттуда они попадают затем в христианский текст четвьей Библии (Пятикнижия) (см. [Алексеев 1999: 182–185; 2010: 177; в печати])¹¹. Вне всякого сомнения, это случилось задолго до XV в. (времени, которым датируются самые ранние из известных нам рукописей с такого рода правкой) и, следовательно, данное явление не имеет отношения к ереси жидовствующих, как это предполагалось до недавнего времени. Дошедшие до нас рукописи отражают многослойную правку, в процессе которой еврейские глоссы во многих случаях попадали в основной текст Библии (Пятикнижия) и даже могли вытеснять на поля исконные формы, так что еврейские и славянские слова могли меняться местами (подробнее см. [Успенский 2012: 111]). Очевидно, что этот процесс должен был занять значительный период времени¹².

1.7. А.А. Алексееву удалось показать, что, наряду с правкой по еврейскому тексту Торы, определенная часть глосс и исправлений в славянских рукописях Пятикнижия следует не масоретскому тексту Библии, а арамейскому таргуму, отражая таким образом традицию толкования библейского текста в синагогальной практике: глоссы и исправ-

⁹ В состав Восьмикнижия, помимо пяти книг Моисеевых (составляющих Пятикнижие), входят книга Иисуса Навина, книга Судей и книга Руфь. В еврейской традиции книга Руфь не следует после книги Судей, а относится к особому разделу «Писаний», помещаемому вслед за пророческими книгами (после «Песни песней»).

Восьмикнижие сохраняется в полном виде в восточнославянских Хронографах (см. [Алексеев 1999: 167–168]).

¹⁰ Другой древнерусский свод библейских текстов (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 2), приблизительно того же времени, включает в себя книги Иисуса Навина, Судей, Руфь и Есфирь.

¹¹ Ранее считалось, что сверка с еврейским текстом Торы была делом рук русских книжников и обратившихся в православие евреев (см. [Соболевский 1903: 396, 399, примеч. 1]).

¹² Согласно А.А. Алексееву, этот процесс начался не позднее XIII в. Ср.: «Обозначение идола словом *блѣвань*, как это в наших глоссах, вероятно, указывает на время появления глосс не позже XIII в., когда старый термин был вытеснен заимствованием из греческого – *идоль*» [Алексеев в печати]; ср. [Алексеев 1999: 183].

ления по арамейскому таргуму даются именно там, где нужно указать на правильную (раввинистическую) интерпретацию оригинала (см. [Алексеев в печати]; ср. примеры [Алексеев 1999: 183–184, группы *d* и *e*])¹³. Это означает, по-видимому, что славяноязычные евреи пользовались славянской Библией (Пятикнижием) в качестве таргума, т.е. подспорья, позволяющего понимать древнееврейский текст Торы; при этом они вносили в христианский перевод Библии глоссы по арамейскому таргуму¹⁴. Вместе с тем целый ряд глосс отражает сверку непосредственно с масоретским текстом Библии.

Впоследствии эти исправленные в еврейской среде тексты попадают к славянским книжникам и переписываются в русских монастырях. Ср.: «Очевидно, что славянский текст Пятикнижия, появившийся как перевод греческого оригинала в Болгарии в X в., использовался в синагогах в качестве перевода на обиходный язык (таргума). Попавшие в него при этом глоссы и маргиналии оказались достоянием рукописной традиции, как это типично для всякого текста в эпоху рукописного копирования. Монастырские кописты охотно воспроизводили эти черты, не опасаясь возможных канонических или богословских осложнений» [Алексеев 2010: 177]. Со временем, впрочем, еврейские слова в русских рукописях могли вызывать подозрение и устраняться (см. ниже, § 2.5).

2.1. Едва ли не наиболее выразительное проявление еврейского влияния в русских списках Библии наблюдается при передаче имен Бога: еврейское наименование Бога может воспроизводиться здесь в кириллической транскрипции (к дальнейшему см. подробнее [Успенский 2012]). В греческой Септуагинте и вслед за ней в южнославянских списках Библии соответствующие слова представлены в переводе или же вообще никак не отражены.

Известны три таких случая, и все они относятся к спискам книги Исход.

2.2. Один из этих случаев – ответ Бога Моисею в III главе книги Исход (Исх. III, 14): Моисей спрашивает Бога о его имени, и Бог отвечает словами *'ehyeh 'asher 'ehyeh*, которые в Септуагинте переведены как *Ἐγώ εἰμι ὁ ὢν*, а в Вульгате – как «Ego sum qui sum». В славянской Библии эти слова переводятся как «Азь есмь сыи» (или иногда: «Азь есмь сын и сын»), «Азь есмь сѣщыи»), что точно соответствует Септуагинте (см. [Успенский 2012: 95–96])¹⁵. Исключение составляет лишь перевод Острожской Библии

¹³ Предположение о связи славянской Библии с арамейским таргумом было впервые высказано Ф.Г. Елеонским (см. [Елеонский 1905: 493–494]).

¹⁴ По правдоподобию предположению А.Я. Гаркави, евреи, жившие на Руси, пользовались в быту славянским языком (см. [Гаркави 1865]); лишь в XIV в. в Восточной Европе появляются евреи, пользующиеся в быту языком идиш, который со временем становится общим разговорным языком (см. также [Кулик 2008; Kulik 2012: 373–374; 2014]).

Ср. в этой связи славянскую азбуку XIII в. с названиями букв в еврейской транскрипции из Бодлеанской библиотеки в Оксфорде (Ог. 3, л. 72 об. – 73 об.; см. [Кулик 2012: 389–399]).

¹⁵ Древнейший славянский перевод этой фразы читается в Изборнике 1073 г.: «Азь есмь сѣи» [Изб. 1073 г.: л. 154]. Такой же перевод («Азь есмь сѣи») представлен затем в «Похвале Иоанну Богослову» Иоанна, экзарха Болгарского, по среднеболгарскому списку Германова сборника 1359 г. (Бухарест, Патриаршая б-ка, Slav. № 1, л. 32 об.; см. изд. [Иванова-Мирчева 1971: 167]; ср. [Гиппиус в печати]); вслед за тем по отношению к Богу употребляется форма «сѣи».

Форма «сѣи» – южнославянский диалектный вариант причастия «сыи» (см. в этой связи [Ван Вейк 1957: 271–273, 329]; ср. также [Diels 1963: 233, § 111, примеч. 3; Jagić 1879: XXIV]). Такая форма встречается в Саввиной книге [Сав. кн.: 140 (Ин. XIV, 10), 203 (Мф. XII, 30)], а также в глаголических Зографском и Маринском евангелиях [Зогр. ев.: 71 (Мк. XIII, 16), 137 (Ин. I, 18), 147 (Ин. VI, 46); Мар. ев.: 315 (Ин. I, 18), 396 (Ин. XIX, 38)], ср. здесь форму «сѣи» [Мар. ев.: 339 (Ин. VI, 46)], которая имеется еще и в Синайском евхологии [Син. евх.: 93, л. 40]; при этом Саввина книга предположительно является списком с глаголического оригинала. В глаголических памятниках в этих случаях используется особая разновидность малого юса, с дополнительным хвостиком, идущим от кружка этой буквы (т.е. пишется не *є*, а *є̣*). Диалектное варьирование причастной формы глагола «быти», возможно, могло использоваться при употреблении ее в сакральном значении (см. [Гиппиус в печати]).

1581 г. «Азь есмь еже есмь», повторенный затем в Московской библии 1663 г. [Библия 1581: л. 26; Библия 1663: л. 20 об.], который восходит, возможно, к Библии еврейской (см. [Agranz 1991: 500; 1993: 14; Успенский 2012: 95–96]). Таким образом, данная фраза может указывать как на абсолютное существование Бога, так и на представление Бога как абсолютного субъекта¹⁶.

Слово «сыи» (греч. ὁ ὢν, перевод евр. *'ašer 'ehyeh*) понимается при этом как имя Бога и в следующей фразе книги Исход (Исх. III, 14) предстает именно в таком качестве, см., например: «Сице гл[агол]и с[ы]нѡмъ Из[раи]л[е]вымъ Сыи ма ꙗꙋсти к вамъ» (РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803, л. 39; см. также: ГИМ, Син. № 915, л. 34 об.; РГБ, ф. 173 / Моск. дух. акад., № 12, л. 58 / л. 56 старой фолиации; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.; РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об.), ср.: Οὕτως ἐρεῖς τοῖς υἱοῖς Ἰσραὴλ Ὁ ὢν ἀλέσταλέν με πρὸς ὑμᾶς¹⁷. В дальнейшем мы будем ссылаться на эту фразу (конец стиха: Исх. III, 14) как на поручение Бога Моисею, тогда как предшествующая фраза (начало стиха: Исх. III, 14) будет именоваться ответом Бога Моисею. Вслед за тем (Исх. III, 15) Бог дословно повторяет свое поручение, но при этом называет себя другим, описательным образом (так, как определил себя сначала при встрече с Моисеем в Исх. III, 6, но не так, как он ответил Моисею на вопрос о своем имени в Исх. III, 14).

Приведем соответствующее место – ответ Бога, поручение Моисею и повторение этого поручения – по русскому списку Библии собрания Ундольского, последней четв. XV в., который соответствует южнославянским спискам: «(Исх. III, 14) Реч[е] же Г[оспод]ь к Моисею, азь есмь сыи. Реч[е] же, тако гл[агол]и с[ы]нѡмъ Из[раи]л[е]вымъ Сыи ма ꙗꙋсти к вам. (Исх. III, 15) Реч[е] же паки Б[ог]ъ Мѡисею, тако гл[агол]и с[ы]нѡмъ Из[раи]л[е]вымъ Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѡтець ваших, Б[ог]ъ Авраамовъ, Б[ог]ъ Исаакъ, Б[ог]ъ Иаковль, ꙗꙋсти ма к вамъ. Се ми има вѣчное...» (РГБ, ф. 310/Унд., № 1, л. 43–43 об.)¹⁸.

Итак, традиционным переводом ответа Бога Моисею в славянской Библии является «Азь есмь сыи». Вместе с тем в русских списках Библии этому месту может сопутствовать на полях глосса, воспроизводящая данный текст по-еврейски, например: «Еее ешеръ ЕгеЕ» (БАН, № 17.16.33, л. 94), «еее Ешеръ еее» (РНБ, Кир.-Бел. № 2/7,

¹⁶ Чудовский инок Евфимий, обсуждая превосходство греческого и церковнославянского языков над латынью (1684–1685 гг.), сравнивает церковнославянский и латинский переводы ответа Бога Моисею (Исх. III, 14): «Словенски: *азъ есмь сыи* <...>. Латыни же мѣсто *сыи*, причастия единыя части, глаголють двѣ части – мѣстоименіе и глагол: *иже есмь* <...>, иже не знаменуетъ вѣчности, но наченшееся что и кончушееся, *сыи* же и *бѣ* являютъ Божественное существо безначальное и безконечное. <...> зри, како согласенъ славенскій языкъ с греческимъ, и учаяся тому не погрѣшить истины о богословіи, латинской же <...> колико далече отсутствуетъ истины» [Сменцовский 1899: прилож., с. XIII].

Наряду с причастной формой *сыи*, здесь обсуждается глагольная форма *бѣ* (2/3 л. имперфективного аориста). В отличие от аористой формы *бысть*, форма *бѣ* не отмечает начало состояния, не отмечая при этом и его завершенность: если *бысть* выражает становление, *бѣ* означает пребывание, и этими формами противопоставлена сотворенность мира, имеющего начало во времени, и несотворенность Бога Слова, рожденного от Отца во времени, – мир *бысть*, а Бог *бѣ*. Можно сказать, что форма *бѣ* знаменует «всегдашнее» время – соответственно, *бѣ*, как и *сыи*, уместно применять по отношению к Богу. Ср. полемику древнерусских книжников о претеритных формах глагола *быти* и о возможности употребления тех или иных форм по отношению к Божеству (см. [Живов, Успенский 1997]).

¹⁷ Древнейший славянский перевод этой фразы читается в «Богословии» Иоанна Дамаскина, переведенном Иоанном, экзархом Болгарским, и дошедшем до нас в русском списке кон. XII – нач. XIII в.: «Ръци къ с[ы]нѡмъ Из[раи]л[е]вомъ. Саи посыла ма» (ГИМ, Син. № 108, л. 44 об.; см. изд. [Ин. Экз.: 90, стлб. 1]). Форма «саи», возможно, моравского происхождения, сохраняющаяся в качестве специфической формы, употребляемой по отношению к Богу (см. [Гиппиус в печати]).

¹⁸ В древнейшем русском списке Пятикнижия, рукописи Троице-Сергиевой лавры второй пол. XIV – нач. XV в. (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 1, л. 59), этот текст представлен неполно. См. ниже, примеч. 28.

л. 80 об.), «азь ыгиЄ. ашерь. ъгее» (РГБ, ф. 256/Румянц., № 27, л. 114 об.)¹⁹. В других случаях эта глосса попадает в текст, сопровождая исходный славянский перевод данной фразы, см., например: «Азь есмь сыи, азь ЄгеЄ ашерь ЄгеЄ» (РГБ, ф. 299/Тихонр., № 453, л. 123), «Азь есмь сыи. азь егее ашерь егее» (РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 113 об.)²⁰. См. подробнее [Успенский 2012: 96–104 (илл. I, III, IV, VI, VIII); 2013: 102–107 (илл. 20, 22, 24, 26, 28)]²¹.

Таким образом, транскрипция фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* в восточнославянских рукописях, как правило, дополняет соответствующую фразу «азь есмь сый», но не заменяет ее. Известно только одно исключение из этого правила – случай частичной замены этой фразы представлен в рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел: «Азь есмь егее эгее ешерь егее» (РГАДА, ф. 181/МГАМИД, № 354/803, л. 39). Как видим, слово, воспроизводящее *'ehyeh*, здесь повторяется: в одном случае оно читается как «егее», в другом как «эгее», с «э оборотным» (см. [Успенский 2012: 99 (илл. II); 2013: 102–103 (илл. 19)]). Не исключено, что на месте первого слова («егее») в свое время стояло «сыи», т.е. фраза первоначально читалась таким образом: «*Азь есмь сыи эгее ешерь егее», – после чего на полях появилась глосса «егее», относящаяся к слову «сыи», которая и была затем перенесена из маргинального текста в основной.

Особого внимания заслуживает при этом буква э («э оборотное») в данном слове. Эта буква, в настоящее время принадлежащая русской, гражданской азбуке, отсутствует в церковнославянском алфавите: ее нет в церковнославянских букварях (русского происхождения)²². Она ни в коем случае не является стандартной церковнославянской

¹⁹ Во всех этих случаях еврейская фраза дается как глосса к словам «Азь есмь сыи» (Исх. III, 14). В рукописи РГБ, ф. 98/Егор., № 648 соответствующая фраза («ЄгеЄсь. ашерь. ЄгеЄ») относится к слову «сыи» во фразе «Азь есмь сыи» (л. 100 об.). Ср. ниже, примеч. 80.

Буква *z* («глаголь»), соответствующая букве *ṭ* («хе») воспроизводимого еврейского слова, предполагает фрикативное произношение (см. [Успенский 2002: 155–159, § 7.6]). Буква *ṭ* дважды фигурирует в слове *'ehyeh*, но конечная *ṭ* не получает отражения в кириллической транскрипции.

²⁰ Как видим, воспроизведению фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* в ответе Бога Моисею может предшествовать местоимение «азь», которое повторяется в этом случае (оно стоит как в начале фразы «Азь есмь сыи», так и в начале фразы, передающей *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*). Это означает, по-видимому, что еврейская фраза могла служить некогда вариантом не к словам «Азь есмь сыи», а к словам «есмь сыи».

²¹ Относительно датировки только что названных и цитируемых ниже восточнославянских рукописей Пятикнижия см. Приложение к настоящей работе. Все они относятся к XV–XVI вв.

²² Буква «э оборотное» впервые регистрируется в букваре, озаглавленном «Alfabetum Rutenogum», который был помещен в кратком лютеранском катехизисе на церковнославянском и русском языках (см. [Kjellberg 1951: 5, № 32, 33]; ср. неполное изд. [Sjöberg 1975: 21, 23–24]; эта книга была напечатана в Стокгольме без обозначения года, разные исследователи датируют ее в пределах 1632 и 1644 гг. (см. [Успенский 2013: 109–110]); приложенный к букварю катехизис представляет собой сокращение стокгольмского катехизиса 1628 г. [Катехизис 1628; Kjellberg 1951: 4, № 23] с добавлением параллельного шведского текста. Буква э выступает в «Alfabetum Rutenogum» как вариант буквы *z*, т.е. «е якорного». Появление буквы э может объясняться здесь влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси (см. в этой связи ниже, примеч. 27): в самом деле, в стокгольмской азбуке отсутствуют склады с ерами, что отличает вообще юго-западнорусские буквари от великорусских (см. [Успенский 1997: 266]), и может отражаться чтение буквы *z* как *i* (см. о произношении этой буквы в изд. [Sjöberg 1975: 21, 25]; ср. транскрипцию названий букв: *wiidi / wijdi* «вѣди», *schifwit / schiviet* «живѣте», *muislytt / muisljit* «мыслѣте»).

Позднее «э оборотное» появляется в букваре Георгия Давида, чешского иезуита, бывшего в Москве в 1686–1689 гг. (см. о нем [Флоровский 1961; Florovskij 1965]); букварь был издан в Ниссе (Силезия) в 1690 г. [David 1690]; так же, как и в стокгольмском «Alfabetum Rutenogum», буква э представлена здесь как вариант буквы *z* [Ibid.: [13]]. В букваре Давида буквы даются как в книжном, так и в скорописном начертании («Character Biblicus» и «Character usualis, profanus et communis»), что предвосхищает дифференциацию церковной и гражданской азбуки (см. [Успенский 2002: 298, § 10.4]); буквы *z* и *z* фигурируют при этом как в том, так и в другом разделе. Источником Давида, по-видимому, был «Alfabetum Rutenogum»; Давид мог узнать об этом изда-

буквой и до XVII в. встречается в великорусской письменности исключительно в словах, относящихся к еврейскому наименованию Бога или же восходящих к такому наименованию (см. в этой связи [Успенский 2012; 2013]). Таким образом, «э оборотное» воспринималась здесь, по-видимому, как особая буква, призванная передать сакральное содержание слова. Впервые на Руси эта буква встречается в апокрифическом Откровении Авраама, входящем в Сильвестровский сборник второй пол. XIV в. (РГАДА, ф. 381, № 53), в еврейском слове «эль» 'Бог'. Ср.: «Прѣвѣчне крѣпче с[вя]те Эль. Б[ож]е кди-невластне самородене нетлѣкме <...> вѣчныи крѣпце с[вя]те Саваофе преславне. Эль. Эль. Эль. Эль» (л. 173 об.; см. [Успенский 2013: 101 (илл. 18)]). Нам еще предстоит встретиться с «э оборотным» как в слове «эль / эль», так и в других еврейских словах, обозначающих Божественное имя²³.

Отметим, что эта буква фигурирует в древнерусских певческих текстах, в частности, в глоссолалических вставках, преобразующих текст песнопения²⁴; по-видимому,

нии от И.Г. Спарвенфельда, с которым он общался в Москве (см. [David 1690: [3–4]; Флоровский 1961: 490; Florovskij 1965: 15]). Заметим, что и сам Спарвенфельд в письме Г.В. Лейбницу 1699 г. трактует буквы *ε* и *э* как варианты: «*Єε vel Ээ*» (см. [Биргегорд 2010: 98]).

Итак, буква «э оборотное» фиксируется в XVII в. только в букварях иностранного происхождения (соответственно, предназначенных для иностранцев); ее появление в них связано с канцелярской традицией Юго-Западной (Литовской) Руси, которая со временем отражается в великорусской скорописи (см. примеч. 27). По указанию Ю.Э. Шустовой (см. [Шустова 2010: 477, 487]), «э оборотное» фигурирует также в московском печатном букваре 1667 г. [Букварь 1667], но это недопонимание. Известны два экземпляра этого букваря: один хранится в Российской государственной библиотеке (см. [Зернова 1958: 97, № 318]), другой – в библиотеке Упсальского университета (см. [Kjellberg 1951: 11, № 82]). Московский экземпляр дефектен, и перечень букв в нем отсутствует. Что же касается упсальского экземпляра, то он дополнен вставными листами с переводом и замечаниями И.Г. Спарвенфельда; печатные страницы букваря и вставленные в него листы переплетены вместе и объединены общей карандашной фолиацией. Здесь, действительно, имеется перечень букв, включающий букву «э оборотное», однако перечень этот не принадлежит букварю 1667 г.: он написан Спарвенфельдом на верхней половине л. 23 об., вклеенной в печатный букварь (см. [Birgegård 1992: 47–48, илл. 1]). В другом месте (л. 33) в упсальском экземпляре перечисляются буквы вместе с их названиями; в самом букваре нет ни буквы *ε* («е якорное»), ни буквы «э оборотное», но Спарвенфельд вписал эти буквы (не приводя их названий), вставив их после буквы *ѣ* (см. [Birgegård 1992: 50]). Наконец, на л. 31 после складов *мря нря пря рря* печатного издания Спарвенфельд добавил склады *бpc. вpc. нрэ. прэ*, снабдив их на противоположной странице (л. 30 об.) транскрипцией: *Brä. wrä. Prä. Rrä*; очевидно, что и в этом случае *ε* и *э* рассматриваются как варианты одной и той же буквы. Дополняя славянский алфавит, Спарвенфельд руководствовался, вероятно, все тем же «*Alphabetum Rutepogum*». Необходимо добавить, что все эти добавления сделаны были Спарвенфельдом в 1704 г.: на л. 1 переплетенного экземпляра, включающего как листы букваря 1667 г., так и вставленные листы с замечаниями Спарвенфельда, имеется надпись его рукой: «*Elementa Linguae Sclaveno-Russicae in latinam versa, verbum verbo reddendo ad faciliorem manuductionem tyronum, vel illorum qui literis Cirulicis instrui cupiunt et legendi scribendique facilitatem acquirere. opera J G Sparwenfeldij Holmiae A[nn]o 1704 in januario*». Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить Уллу Биргегорд (Ulla Birgegård), которая по нашей просьбе заново просмотрела упсальский экземпляр букваря 1667 г. со вставками Спарвенфельда и сделала необходимые выписки. Возвращаясь к указанию Ю.Э. Шустовой, следует иметь в виду, что она не видела упсальский экземпляр, а пользовалась сделанным с него микрофильмом; поскольку Спарвенфельд имитировал славянский печатный шрифт, на микрофильме трудно было увидеть подклейку на л. 23 об.

²³ Написание фразы *'ehyeh 'asher 'ehyeh* в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) с «э оборотным» отразилось в Пятикнижии Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.). Здесь читаем: «Азь есмь сыи згее ьшерь». Буквой *з* в слове «згее» (похожей в данном случае на арабскую цифру три, выходящую под строку), несомненно, передается буква *э* («э оборотное»), неизвестная, по-видимому, русскому писцу, который и отождествил ее с буквой *з* (буквой «земля»); при этом буква «земля» пишется в данной рукописи как зигзагообразное *z*. Таким образом, в протографе интересующая нас фраза выглядела, видимо, таким образом: «*Азь есмь сыи згее ьшерь». См. [Успенский 2012: 99–100 (илл. III); 2013: 103 (илл. 20)].

²⁴ См. прежде всего Благовещенскую стихирю (2-го гласа), где архангел Гавриил, обращаясь к Деве, говорит с ней на особом «архангельском» языке, усложняя свою речь глоссолалическими

и в этом случае она восходит к слову «эль / эль» (см. подробнее [Успенский 2013: 107–109]).

В некоторых рукописях первая буква фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) представлена особой графемой, которая воспроизводит еврейскую букву алеф (см. [Алексеев в печати; Успенский 2012: 96–98, 101–104; 2013: 106–107]). По всей вероятности, в свое время данная фраза могла быть написана еврейскими буквами, после чего еврейская надпись была заменена ее кириллической транскрипцией. Перечислим эти рукописи: РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27 (л. 114 об.); РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803 (л. 39); РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7 (л. 74 об.); РНБ, Солов. № 74/74 (л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации); РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28 (л. 40 об.); РНБ, Погод. № 1435 (л. 455 об. / л. 454 об. старой фолиации); РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790 (л. 65). См. [Успенский 2012: 97, 99–101, 105 (илл. I, II, III, IV, VI, VIII); 2013: 103–107 (илл. 19, 20, 22, 24, 26, 28)].

Последние четыре рукописи из этого списка – именно, РНБ, Солов. № 74/74; РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28; РНБ, Погод. № 1435; РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790 – выделяются в особую группу, которая характеризуется рядом общих признаков (нам придется говорить о них ниже, см. § 2.3, 2.4, 3.4, 4.2). В этих четырех рукописях особой графемой (соответствующей еврейской букве алеф) представлена не только первая буква фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, но первая буква – буква алеф – каждого еврейского слова, ее составляющего. Буква алеф передается при этом начертанием, приближающимся к начертанию славянской буквы л (буквы «люди»), особенно в скорописном начертании, но иногда варьируется в сторону буквы э («э оборотного»). Кажется очевидным, что при воспроизведении еврейских фраз писец не противопоставлял начертание, напоминающее скорописную букву л (букву «люди»), и начертание э («э оборотное»), воспринимая их как варианты одной и той же графемы; буква э предстает при этом как растянутая буква л (см. специально об этом [Успенский 2013: 103–108])²⁵. Мы будем передавать это начертание условным знаком Э²⁶. Таким образом, еврейская фраза *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) выглядит в названных рукописях как «ЭгеС Эшерь ЭгеС» (РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации) и т.п.

Итак, начертание буквы «э оборотное» в великорусской письменности может восходить к начертанию еврейской буквы алеф (см. [Успенский 2013: 107])²⁷.

вставками с повторяющейся буквой э, ср.: «змии же. Эинсине преЭЭЭнисинеЭЭЭлести Еввоу. иногда...» (стихиарь кон. XV в., РГБ, ф. 304.1 / Тр.-Серг., № 409, л. 116 об. – 117; см. [Успенский 2012: 109–110 (илл. XI); 2013: 80–81 (илл. 1), ср. 82–85 (илл. 2–6)]; вставка нами подчеркнута. Повторение букв эээ соответствует при этом повторению имени «Эль. Эль. Эль. Эль» в Сильвестровском сборнике.

Комментарием к этому песнопению может служить другая стихира на Благовещение (4-го гласа): «Языка, его же не ведаше, услыша Богородица, глаголаше бо к ней Архангел благовещения глаголы...». Фраза «Языка, его же не ведаше» восходит к Псалтыри (Пс. LXXX, 6 [LXXXI, 5]), где имеются в виду слова Господа, обращенные к еврейскому народу, которые цитирует псалмопевец: эта фраза переосмыслиется в данной стихире и относится к речи архангела Гавриила. В величании на Благовещение, которое по сей день исполняется с аненайкой старообрядцами-беспоповцами, глоссолалическая вставка (аненайка), предшествующая обращению Архангела к Деве, определяется именно как «архангельский глас»: «Архангелеский гласо вопиемо ти чистаю оле танны ли не не на ни радоуиса обрадованнаа Господе с тобою» (см. изд. [Гарднер, I: 481–482]).

В других случаях буква э в певческих текстах – по-видимому, того же происхождения – может иметь значение музыкального знака; см. [Успенский 2012: 110–111; 2013: 79–100].

²⁵ Такое же варьирование наблюдается и в певческих текстах, где соответствующая буква, как уже отмечалось выше (см. примеч. 24), выступает в функции музыкального знака. См. [Успенский 2013: 107–108 (илл. 30–34)].

²⁶ В наших предшествующих работах, посвященных данной теме (см. [Успенский 2012; 2013]), это начертание условно передавалось знаком λ.

²⁷ Другую судьбу и, по-видимому, другое происхождение имеет соответствующая по начертанию буква в Юго-Западной (Литовской) Руси, где она отличается как по своему употребле-

2.3. В рукописях, где в ответе Бога Моисею дается транскрипция слов *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, первое слово этой фразы (т.е. транскрипция слова *'ehyeh* 'я есмь') может повторяться в поручении Бога Моисею (Исх. III, 14), выступая как отдельное слово (притом в функции подлежащего!), а не как часть фразы. Тем самым, мы находим здесь не «Сын

нию, так и по своей палеографической предыстории. Если в XV–XVI вв. великорусская буква э наблюдается только в церковной письменности, то соответствующая юго-западнорусская буква представлена, напротив, исключительно в письменности светской. Юго-западнорусская буква не обнаруживает каких-либо связей с буквой л (славянской буквой «люди»), как это имеет место в случае великорусской буквы э. Строго говоря, мы могли бы считать великорусскую букву э и аналогичную по форме юго-западнорусскую букву разными буквами (которые позднее отождествились друг с другом), но для простоты мы будем называть как ту, так и другую букву «э оборотным». Это не должно вызвать недоразумения, поскольку всякий раз будет ясно, о какой территории идет речь.

В Юго-Западной (Литовской) Руси «э оборотное» известно с кон. XV в., первоначально в словах иноязычного происхождения (см. [Булыко 1970: 40–43; Карский, I: 166]; ср. также [Карский 1928: 186–187; Щепкин 1918: 119, § 79]). Эта буква попадает даже в печатные книги, а именно, в Литовский статут 1588 г., где она оказывается иногда в перевернутом положении, отличаясь при этом от буквы *с*, т.е. «е якорного» (см. [Булыко 1970: 41–42; Мякишев 2008: 68–69]); ср. букву *э* и в рукописном Литовском статуте 1566 г. (см. изд. [Хрэстоматыя, I: 141–153]). В незамысловатых словах она может ставиться после отвердевшего согласного (см. [Карский, I: 166; Мякишев 2008: 69]). Можно предположить, что в начальной позиции э произносилась как [e], без протетической йотации; эта фонетическая особенность может восходить к русскому книжному произношению XI–XII вв., где отсутствие или наличие протетической йотации передавалось, соответственно, буквами *с* и *к* (см. [Успенский 2002: 178–180, § 7.10.1]).

По всей вероятности, буква «э оборотное» была создана в Юго-Западной Руси – в виде перевернутой *с* – специально для иностранных слов, подобно тому, как это случилось здесь с буквой *г* «гамма» (см. о ней [Булыко 1970: 46–47; Успенский 1996: 288, примеч. 13; 2002: 356, § 3.4]; эта буква появляется уже в Букваре 1618 г. ([Букварь 1618], см. [Надсон 1973: 4; Clemençon 1988: 10]). В Московской Руси, как мы видели, сходная по начертанию графема также фигурирует в иностранных словах (гебраизмах), но едва ли она объясняется как результат трансформации буквы *с*.

В первой пол. XVII в. под влиянием юго-западнорусской традиции буква э появляется в великорусской скорописи (см. [Беляев 1911: 28]), теряя свой сакральный характер и становясь вообще явлением не церковнославянской, а русской письменности; и здесь также первоначально эта буква пишется в начале иностранных фамилий. Отсюда эта буква и попадает затем в гражданскую азбуку (утвержденную Петром I в 1710 г.), которая преемственно была связана со скорописью (см. [Успенский 1994: 115–116; 2013: 109–110]). О влиянии юго-западной письменной традиции на великорусскую скоропись в XVII в. см. [Щепкин 1918: 132, § 96; Костюхина 1974: 42]; вообще о влиянии канцелярской традиции Великого княжества Литовского в Великой Руси см. [Золтан 2014: 43–76].

Принято считать, что «э оборотное» приходит на Русь из южнославянской письменности, где буква такого начертания встречается в кириллических памятниках XIII–XIV вв., по преимуществу в сербских, но отчасти и в болгарских; предполагается, что она восходит к глаголической букве *з* (букве «есть») (см. [Щепкин 1918: 119, § 79; Карский 1928: 186; Сырку 1897: LV]; ср. также [Успенский 2012: 107–108; 2013: 100]; В.Н. Щепкин и Е.Ф. Карский говорят при этом о южнославянском происхождении западнорусской буквы э). Во всех известных нам случаях «э оборотное» пишется в южнославянских рукописях над строкой, обычно к тому же в конце строки (см. [Карский 1928: 186; Лавров 1915: 210 (илл. 226); Срезневский 1868: 144; Яцимирский 1921: 380, № 47 (38); Сырку 1897: LV]); если это действительно так, нет необходимости возводить это начертание к глаголице: это может быть особая манера писать надстрочную букву *е* (кириллическую букву «есть»). В южнославянских рукописях можно встретить – также в надстрочной позиции – и оборотное «е йотированное», т.е. букву *к*, перевернутую по вертикальной оси: *Ж* (см. [Лавров 1915: 233 (илл. 250)]); трудно объяснить такое начертание связью с глаголицей. Более того, не обязательно приписывать букве «э оборотное» в восточнославянской письменности южнославянское происхождение: как мы видели, соответствующие буквы в Великой и Литовской Руси могут быть разного происхождения, причем в обоих случаях не обнаруживается связи с южнославянской письменной традицией.

мѧ пѣсти к вамъ» (см. выше, § 2.2), а «ЭгеЕ мѧ пѣсти к вамъ» (РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации) или же «Егее сѣи мѧ пѣсти к вамъ» (РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 113 об.) и т.п. (см. [Успенский 2012: 101–103 (илл. IV, VI, VIII); 2013: 104–107 (илл. 22, 24, 26, 28)])²⁸. Фраза «Сѣи мѧ пѣсти к вамъ» отвечает греческому тексту Септуагинты; такого рода фраза представлена в южнославянских списках, а также в восточнославянских, следующих южнославянской традиции. Между тем фраза «ЭгеЕ мѧ пѣсти к вамъ» в точности соответствует еврейской Библии, где на месте «ЭгеЕ» значитъ 'ehyeh ('я есмь'), т.е. первое слово фразы 'ehyeh 'ašer 'ehyeh, выступающее самостоятельно как Божественное наименование²⁹.

Итак, в еврейском тексте книги Исход как фраза 'ehyeh 'ašer 'ehyeh в ответе Моисею, так и синтаксически обособленное слово 'ehyeh в поручении Моисею (Исх. III, 14) представляет собой имя Бога. Равным образом – мы уже об этом говорили выше, – и слово ó ōv в поручении Моисею по греческому тексту Септуагинты (Ὁ ὦν ἀλέσταλμέν με πρὸς ὑμᾶς), которое восходит к фразе ἐγὼ εἶμι ὁ ὦν в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14), понимается как имя Бога. Точно так же понимается, наконец, и слово «сѣи» в традиционном славянском переводе «Сѣи мѧ пѣсти к вамъ», которое восходит, соответственно, к фразе «Азь есмь сѣи» (см. § 2.2).

Так же, как в случае с воспроизведением фразы 'ehyeh 'ašer 'ehyeh в ответе Бога Моисею (см. выше, § 2.2), форма, воспроизводящая имя 'ehyeh в поручении Моисею, может быть вынесена на поля как глосса к слову «сѣи» во фразе «Сѣи мѧ пѣсти к вамъ»³⁰. В других рукописях форма, воспроизводящая 'ehyeh, попадает в основной текст, объединяясь со словом «сѣи», но не вытесняя его, ср.: «Егее сѣи мѧ пѣсти к вамъ» (РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 113 об.; РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453, л. 123)³¹.

Вместе с тем известны рукописи, в которых форма, воспроизводящая 'ehyeh, заменяет слово «сѣи» («ЭгеЕ мѧ пѣсти к вамъ»). Это именно те четыре рукописи, которые по палеографическим признакам были выделены нами в отдельную группу (см. выше, § 2.2): РНБ, Солов. № 74/74 (л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации); РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790 (л. 65); РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28 (л. 40 об.); РНБ, Погод. № 1435 (л. 455 об. / л. 454 об. старой фолиации); см. [Успенский 2012: 101–103 (илл. IV, VI, VIII); 2013: 104–107 (илл. 22, 24, 26, 28)]. Еврейский алеф в этом слове представлен в

²⁸ В некоторых списках данная фраза опущена, т.е. сразу после ответа Бога Моисею (Исх. III, 14) начинается следующий стих книги Исход (Исх. III, 15). Таковы рукописи РГБ, ф. 304.1 / Тр.-Серг., № 1 (л. 59) и РНБ, F.I.1 (л. 150–150 об. / л. 146–146 об. верхней фолиации). При этом в первой из этих рукописей – в древнейшем русском списке Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304.1 / Тр.-Серг., № 1) – во фразе «Тако гл[агол]и с[ы]н[о]мъ Из[р]а[и]л[е]в[ы]мъ Б[ог]ъ Г[оспод]ь посла мѧ к вамъ» (Исх. III, 15) перед словом «посла» оставлено место (размером примерно в 10 букв), очевидно, предназначенное для последующего заполнения; места оказалось мало, и недостающие слова приписаны на полях.

²⁹ Ср. перевод этой фразы в Авторизованной версии английской Библии (так называемой Библии короля Иакова: King James Bible): «I AM hath sent me unto you» (местоимение 1-го лица употреблено здесь дважды, причем относится к разным референтам).

В Вульгате, где ответ Бога Моисею ('ehyeh 'ašer 'ehyeh) переведен как «Ego sum qui sum» (Исх. III, 14), в рассматриваемой фразе (поручение Моисею) стоит не «ego sum», а «qui est»: «Sic dices filiis Israel: QUI EST, missit me ad vos». Иероним Стридонский, переводчик Вульгаты, исходил при этом не из слова 'ehyeh, а из сочетания 'ašer 'ehyeh, которое собственно и понималось им как имя Бога: перечисляя имена Бога в послании к Марцелле 384 г., он говорит: «Sextum [Nomen Dei est] ESER IEIE, quod in Esodo legitur: “Qui est misit me”» [PL, XXII: стлб. 429]. Иероним, возможно, ориентировался в данном случае на Септуагинту, где в поручении Моисею представлена форма ó ōv, которая как раз и соответствует еврейскому 'ašer 'ehyeh.

³⁰ Ср. в рукописи РГБ, ф. 98 / Егор., № 648 глоссу на полях «ЕгеЕсь», относящуюся к слову «сѣи» в данной фразе (л. 100 об.). Ср. ниже, примеч. 80.

³¹ То же, по-видимому, имело место в рукописях: РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 8 (л. 102 об.); РНБ, Кир.-Бел. № 3/8 (л. 131 об.), но в этих двух рукописях данное слово стерто. Сюда же восходит и «егее сѣи мѧ пѣсти к' вамъ» (РНБ, Q.I.1407, л. 132 об.), где слово «сѣи» заменило «сѣи». Ср. в Библии 1514 г.: «w[te]ць сѣи мѧ поусти к вамъ» (Библ. Лит. акад., F19–51, л. 78).

них особой графемой, которую мы условно передаем знаком Э, – той же самой, которая фигурирует в этих же рукописях в ответе Бога Моисею (см. выше, § 2.2).

Во всех рукописях, где в поручении Моисею имя Бога представлено транскрипцией слова *'ehyeh*, в ответе Моисею мы находим транскрипцию фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* – при том, что обратное неверно: в некоторых рукописях в ответе Моисею фраза *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* дана в кириллической транскрипции, но в поручении Моисею нет транскрипции имени *'ehyeh* (см. Приложение к настоящей работе)³².

2.4. Еще один случай воспроизведения еврейского имени Бога в кириллической транскрипции – отражение выражения *'el šadday* (условно: 'Бог Всемогущий'; слово *šadday* не имеет точного перевода) в VI главе книги Исход, как правило, в тексте Исх. VI, 3³³. Отражение этого выражения соответствует еврейскому, но не греческому тексту Библии³⁴.

И в этом случае соответствующее выражение («ель шаддаи» и т.п.) может появляться на полях как глосса к слову «сыи» во фразе «Азь Г[оспод]ь мвхсѧ Аврааму и Исааку и Якову Б[ог]ь сыи ихъ, имѧ же ми Г[оспод]ь» (РГБ, ф. 98 / Егор., № 648, л. 105)³⁵ или же попадает в основной текст, сочетаясь со словом «сыи»: «Азь Г[оспод]ь мвхсѧ АвраамѸ и ИсаакѸ, ЯковѸ. Б[ог]ь ель шаддаи сыи ихъ, имѧ же ми Г[оспод]ь» (РНБ, Q.I.1407, л. 138–138 об.; аналогично: РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 137 об.³⁶; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 8, л. 108³⁷; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 78³⁸; РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453, л. 127; РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 118 об.). Ср. в Септуагинте: Ἐγὼ Κύριος καὶ ὠφθην πρὸς Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ, Θεὸς ὢν αὐτῶν, καὶ τὸ ὄνομά μου Κύριος (Исх. VI, 2–3)³⁹. Слово «сыи» (передающее греч. ὢν), будучи частью синтакси-

³² Такова рукопись РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803 (л. 39), а также РНБ, F.I.1 (л. 150–150 об. / л. 146–146 об. верхней фолиации), но в последней рукописи вообще отсутствует текст поручения Моисею в Исх. III, 14 (см. выше, примеч. 28). Ср. также рукописи БАН, № 17.16.33 (л. 94), РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27 (л. 114 об.) и РНБ, Кир.-Бел. № 2/7 (л. 80 об.) – в этих трех рукописях фраза, воспроизводящая *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, представлена в маргинальной глоссе, а не в основном тексте (см. выше, § 2.2). Последние случаи менее показательны, поскольку соответствующая фраза (передающая *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*) в этих рукописях на какой-то стадии была перенесена из другого текста. Иначе говоря, фразы, воспроизводящей *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, в этих случаях не было в протографе.

³³ Исключение составляет рукопись РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, где такого рода глосса дается к тексту Исх. VI, 6. Ср. ниже, примеч. 35.

³⁴ В некоторых латинских рукописях Вульгаты в этом месте появляется на полях глосса «in deum sad(d)ai» (см. [Wevers 1991: 108, примеч.], свидетельствующая, видимо, о сверке латинского текста Библии с еврейским оригиналом).

³⁵ В Пятинкинии РНБ, Кир.-Бел. № 2/7 (л. 84) глосса «елшаддаи» на полях рукописи относится к слову «Г[оспод]ь» во фразе «Сего ради иди и рци сыномъ І[зра]илевымъ азь Г[оспод]ь изведѸ вы» (Исх. VI, 6). По-видимому, здесь содержится смысловая отсылка к тексту Исх. VI, 3: в самом деле, в Исх. VI, 3 имена *'el šadday* и *yahveh* встречаются в одном контексте. Можно предположить вместе с тем, что эта глосса первоначально относилась к тексту Исх. VI, 3 и была перенесена сюда (к тексту Исх. VI, 6) по ошибке.

³⁶ Форма «Ель шаддаи» здесь стерта, но легко читается.

³⁷ Форма «эль шаддаи» здесь стерта, но легко читается. Эта форма не учтена в нашей работе, посвященной употреблению буквы «э оборотное» в великорусской письменности XIV–XVI вв. (см. [Успенский 2013]).

³⁸ Фраза *'el šadday* передается здесь как «зъл шаддаи». Мы уже наблюдали в данной рукописи (см. выше, примеч. 23) отражение «э оборотного» в виде буквы з, похожей на цифру три, – во фразе «Азь есмь сыи згее ьшеръ» (л. 74 об.); в данном же случае оно отразилось в виде традиционного (зигзагообразного) начертания славянской буквы «земля» как з; з заменила з, тогда как з в свою очередь заменила э. Иначе говоря, выстраивается последовательность, отразившаяся при переписывании рукописи: «э оборотное» → «земля» в виде тройки → «земля» в виде зигзага. Мы можем реконструировать форму протографа: «*эль шаддаи»; см. [Успенский 2012: 104 (илл. X); 2013: 103–104 (илл. 21)].

³⁹ Слово κύριος цитируемого греческого текста Библии и, соответственно, слово «господь» его славянского перевода в обоих случаях (как в Исх. VI, 2, так и в Исх. VI, 3) передает имя *yahveh*

ческой конструкции, калькирующей греческий текст, как кажется, может осмыслиться как имя Бога, отсылая к фразе «Азь есмь сыи» как его самонаименованию (см. выше, § 2.2, 2.3)⁴⁰.

Наконец, в ряде рукописей еврейская форма, воспроизводящая *'el šadday*, не объединяется со словом «сыи», но заменяет его (вместе со словом «ихъ» в синтаксической конструкции «сыи ихъ»): «Азь Г[оспод]ь ѡвѣхса Авраамъ Исаакъ и Ѣаковъ Б[о]гъ Эль шаддаи ѡмъ ж[е] ми Г[оспод]ь» (РНБ, Солов. № 74/74, л. 65 / л. 67 старой фолиации); аналогично: РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790 (л. 68); РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28 (л. 42); РНБ, Погод. № 1435 (л. 458 / л. 457 старой фолиации). Это те же самые четыре рукописи, которые были выделены нами в особую группу (см. выше, § 2.2, 2.3). Так же, как в ответе Бога Моисею или в поручении Моисею (см. § 2.2, 2.3), еврейская буква алеф во фразе *'el šadday* передается в этих рукописях особой графемой, которую мы условно обозначаем как Э: «Эль шаддаи». См. подробнее [Успенский 2012: 102–104 (илл. V, VII, IX); 2013: 104–107 (илл. 23, 25, 27, 29)]⁴¹.

Как мы видели, в означенных четырех рукописях слово «сыи» как имя Бога в поручении Моисею (первоначальное «Сыи ѡмъ пѣсти к вамъ», Исх. III, 14) заменяется формой ЭгеС, соответствующей еврейскому *'ehyeh* («ЭгеС ѡмъ пѣсти к вамъ») (см. § 2.3). В рассматриваемом случае (Исх. VI, 3) «сыи» является синтаксической связкой, но можно предположить, что глоссатор, работа которого отразилась в данных рукописях, осмыслил ее как сакральное слово; при таком понимании он мог заменить «сыи» вместе с относящимся к нему словом «ихъ» на «Эль шаддаи», что и отвечает еврейскому тексту Библии.

В кириллической транскрипции слова *šadday* («шаддаи», «шеддаи» и т.п.) одна буква *đ* (буква «добро») обычно надписана над строкой; это, в частности, имеет место и в только что названных рукописях⁴². Написание этого слова с одним *đ* в строке отвечает еврейскому написанию, где удвоение согласной передается диакритикой.

2.5. Воспроизведение указанных еврейских фраз в кириллической транскрипции (или частично транслитерации) обычно представлено в одних и тех же рукописях (списках книги Исход). Во всех рукописях, где транскрибируется еврейская фраза *'el šadday* (в VI главе книги Исход), мы находим транскрипцию фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* (в III главе книги Исход), хотя обратное неверно: есть несколько рукописей с транскрипцией фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, но без транскрипции *'el šadday*. Всего мы знаем шестнадцать рукописей с транскрипцией *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, и в двенадцати из них имеется также и транскрипция фразы *'el šadday* (см. Приложение к настоящей работе)⁴³.

масоретского текста (см. ниже, § 3.4 и примеч. 70). Между тем *'el šadday* переводится здесь как Θεός (см. ниже, примеч. 55).

⁴⁰ Именно поэтому, может быть, глосса «Ель шаддаи» в рукописи РГБ, ф. 98 / Егор., № 648 (л. 105) дается как отсылка к слову «сыи». См. ниже, примеч. 80.

⁴¹ В указанных рукописях, за исключением списка Пятикнижия Архива древних актов (РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790), слово «эль» во фразе «Эль шаддаи» пишется под титлом.

В Погодинском Пятикнижии (РНБ, Погод. № 1435) графема, воспроизводящая букву алеф в выражении *'el šadday* (которую мы передаем знаком Э), совпадает по начертанию с буквой *л* (славянской буквой «люди», см. [Успенский 2012: 101–102]). Соответственно, *'el šadday* передается здесь как «лль шаддаи»; при этом первая буква *л*, в отличие от второй такой же буквы, не имеет фонетического значения.

⁴² Ср., однако, формы «елшаддаи», «Сльшаддаи» (без надстрочной буквы *đ*) в рукописях: РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 84, РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 137 об. и РГБ, ф. 98 / Егор., № 648, л. 105.

⁴³ Исключения составляют рукописи РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803 и РНБ, F.I.I. Ср. также рукописи БАН, № 17.16.33 и РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27; в последних двух рукописях фраза, воспроизводящая *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, представлена в маргинальной глоссе, а не в основном тексте (см. выше, § 2.2) – следовательно, эта фраза отсутствовала у этих рукописей в прологе.

В тех случаях, когда в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) прослеживаются элементы транслитерации еврейской фразы и когда еврейский алеф передается с помощью какой-то особой графемы (см. выше, § 2.2), та же буква, как правило, используется и при передаче алефа в выражении *'el šadday* ([Успенский 2012: 105, ср. 101–104 (илл. IV–IX); 2013: 103–107 (илл. 20–29)]). Таким образом, как в том, так и в другом случае соответствующая фраза первоначально могла быть, по-видимому, написана еврейскими буквами.

Еврейские фразы в кириллической транскрипции или транслитерации (воспроизводящие *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, просто *'ehyeh* как обособленное имя Бога или *'el šadday*) могли, по-видимому, вызывать подозрение в ереси у русских книжников, и нам известны две рукописи Пятикнижия, где они стерты или смыты: таковы рукописи Иосифо-Волоколамского монастыря 1493 г. (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 8, л. 102 об., 108) и Кирилло-Белозерского монастыря рубежа XV–XVI вв. (РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 131–131 об., 137 об.) (см. [Успенский, 2012: 100, 105]).

2.6. Воспроизведение всех этих фраз в их исходной, еврейской форме – *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14), *'ehyeh* в поручении Моисею (Исх. III, 14), *'el šadday* в словах Господа, открывающего свое имя «Яхве» (Исх. VI, 3), – наблюдается в разных версиях арамейского таргума. По всей вероятности, это объясняется тем, что данные фразы воспринимаются как имена собственные, которые при этом не нуждаются в переводе или же вообще признаются непереводаемыми.

Так, в наиболее известном и представительном таргуме Онкелоса (известном также под именем Вавилонского таргума) – стандартном таргуме на Пятикнижие, который был принят в синагогальном богослужении⁴⁴, – ответ Бога Моисею (*'ehyeh 'ašer 'ehyeh*) в книге Исход (Исх. III, 14) оставлен без перевода, т.е. дан по-еврейски, а не по-арамейски; равным образом не переведено здесь и слово *'ehyeh* в следующем затем поручении Моисею: «Так скажи сынам Израилевым: *'ehyeh* послал меня к вам» [Sperber, I: 93; Berliner, I: 62]⁴⁵. Между тем в таргуме Неофитов (названном так по своему происхождению из Collegio dei Neofiti в Риме; он известен также как Палестинский таргум) по-еврейски представлен ответ Бога, тогда как слово *'ehyeh* во второй фразе (в поручении Моисею) в основном тексте дано в интерпретационном парафраза⁴⁶; вместе с тем это слово написано по-еврейски в глоссах на полях текста [Díez Macho 1968–1979, II: 15]; см. в этой связи [McNamara et al. 1994: 19–20 и примеч. 13; Hayward 1981: 18–19]⁴⁷.

⁴⁴ В свое время таргум Онкелоса читался в синагогах после прочтения на еврейском языке отрывка из Пятикнижия. Эта практика по сей день сохраняется у йеменских евреев.

Вавилонский талмуд предписывает евреям каждую неделю два раза читать Тору (на еврейском языке) и один раз таргум Онкелоса. Таргум Онкелоса пользовался особым авторитетом: по утверждению Раши (1040–1106 гг.), он был открыт Моисею на Синайской горе; другие средневековые книжники заявляли, что текст Торы не может быть понят без перевода Онкелоса (см. [Drazin 2013: 506–507]).

⁴⁵ Так обстоит дело в большинстве списков таргума Онкелоса. В некоторых списках в первой фразе эти слова даны в переводе, однако таких списков относительно меньше; вместе с тем даже и в этих списках по-еврейски воспроизводится слово *'ehyeh* во второй фразе [Grossfeld 1988: 8–9, примеч. 16]. Можно предположить, таким образом, что вариант с сохранением еврейских слов в обеих фразах является более древним.

⁴⁶ В то же время, когда Бог говорит: «...буду при устах твоих» (Исх. IV, 12), слово *'ehyeh* 'буду' дается в таргуме Неофитов по-еврейски, без перевода на арамейский [Díez Macho 1968–1979, II: 21], ассоциируясь, очевидно, с Божественным именем, сообщенным ранее Моисею (Исх. III, 14). См. [Hayward 1981: 20].

⁴⁷ О еврейском языке в таргуме Неофитов говорится вообще как о «lingua sacra». Когда Бог окликает Моисея по имени (Исх. III, 4), Моисей – отмечается здесь – «отвечал на языке святилища [букв.: 'язык дома святости']» (см. [Díez Macho 1968–1979, III: 31*–32*; Hayward 1981: 16; McNamara 1992: 58, примеч. 23]); такого рода слов нет в еврейской Библии, это интерполяция таргумиста. Ответ Моисея וַיֹּאמֶר 'вот я' приводится при этом по-еврейски, а не в арамейском переводе [Díez Macho 1968–1979, II: 13]. Таким же точно образом отвечают Богу или же ангелу Авра-

Добавим еще так называемый Фрагментарный таргум, в одном из списков которого (Ватик. библи., Ebr. 440) как слова 'ehyeh 'asher 'ehyeh в ответе Бога, так и слово 'ehyeh в поручении Моисею также оставлены без перевода [Klein, I: 164; II: 123; Díez Macho 1977–1988, II: 14]⁴⁸. Остается отметить, что еврейские слова в обоих случаях воспроизводятся также в самаритянском таргуме, написанном на самаритянском арамейском [Tal, I: 228–229; Brüll, II: 65]; то же имеет место в персидской Библии, написанной еврейскими буквами на так называемом иудео-персидском языке, которая могла, видимо, служить аналогом таргума для персидских евреев [Paret, II: 59]⁴⁹ и, наконец, в сирийской «Пешитте» [Pschitta, I: 76].

Совершенно так же и еврейское ('el) *šadday* в Пятикнижии во всех случаях остается непереуведенным в арамейском таргуме – в таких его версиях, как таргум Онкелоса или таргум Псевдо-Ионатана (т.е. в Вавилонском и Иерусалимском таргуме)⁵⁰. То же самое

ам и Иаков (Быт. XXII, 1, 11, XXXI, 11, XLVI, 2); и в этих случаях в таргуме Неофитов – в основном тексте или иногда в глоссах на полях – сохраняется еврейская фраза, и она характеризуется как речь «на языке святилища» [Díez Macho 1968–1979, I: 125, 127, 203, 307]. Итак, выражение «язык святилища» относится именно к еврейскому языку. Вместе с тем, в начале рассказа о строительстве Вавилонской башни, где говорится, что сначала у всех людей на земле был один язык (Быт. XI, 1), в таргуме Неофитов добавлено, что они общались «на языке святилища, которым мир был создан в начале» ([Díez Macho 1968–1979, I: 57]; аналогично в таргуме Псевдо-Ионатана, известном также как Иерусалимский таргум [Díez Macho 1977–1988, I: 67]); ясно, что речь идет о сотворении мира, когда Бог называет свет «днем», тьму «ночью», твердь «небом», сушу «землею» и собрание вод «морями» (Быт. I, 1–31; ср.: Пс. XXXII, 6 [XXXIII, 6]). Далее, согласно книге Бытия, после сотворения человека и животных, Бог приводит их к человеку, «чтобы видеть, как он назовет их» (Быт. II, 19). В таргуме Неофитов добавляется, что Адам назвал их «на языке святилища», и так появились их имена [Díez Macho 1968–1979, I: 11].

Характеристика еврейского языка как «языка святилища» отличает прежде всего таргум Неофитов, хотя встречается также в таргуме Псевдо-Ионатана и так называемом Фрагментарном таргуме [Maheer 1992: 49, примеч. 2, 3]. Относительно еврейской фразы 'שן 'וּת י' и ее передачи в Септуагинте и в славянской Библии см. [Елеонский 1905: 489–492].

⁴⁸ Иначе в таргуме Псевдо-Ионатана (Иерусалимском таргуме): интересующие нас еврейские слова здесь не воспроизводятся, а пересказываются: дается интерпретация этих слов, далекая от буквального перевода [Díez Macho 1977–1988, II: 15]; ср. [Grossfeld 1988: 9, примеч. 16]. То же и в парижском списке Фрагментарного таргума (Париж. нац. библи., Hébr. 110) [Klein, I: 70; II: 36]. Впрочем, в фрагменте Иерусалимского таргума, который приводит Этеридж, слово 'ehyeh в поручении Моисею оставлено без перевода: «ΕΝΕΥΕΝ hath sent me unto you» [Etheridge 1968: 450].

⁴⁹ Так обстоит дело в большинстве переводов Пятикнижия на иудео-персидский язык. Из четырех текстов, которые вошли в сводное издание Геберта Пейпера [Paret, I–V], в трех случаях интересующие нас слова даны по-еврейски, а не по-персидски, а именно, в рукописи Ватик. библи. (Pers. 61; см. изд. [Paret 1965–1968, XXIX: 78]), в константинопольском издании Иакова бен-Иосифа Тавуса 1546 г. (см. переиздание в арабской транскрипции [Walton 1657/1964: 107 шестой пагинации]) и в новейшем переводе Шимона Хахама, опубликованном в Иерусалиме в 1904 г.

⁵⁰ См. в таргуме Онкелоса [Sperber, I: 22, 44, 58, 74, 83, 86, 97, 265, 266; Berliner, I: 15, 29, 39, 49, 56, 58, 65, 177, 178] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3, XLIX, 25; Исх. VI, 3; Чис. XXIV, 4, 16), в таргуме Псевдо-Ионатана [Díez Macho 1977–1988, I: 103, 191, 253, 325, 367, 397; II: 31; IV: 231, 237] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3, XLIX, 25; Исх. VI, 3; Чис. XXIV, 4, 16).

В таргуме Неофитов наименование ('el) *šadday* в книгах Бытия и Исход не воспроизводится, а переводится как «Бог небес» [Díez Macho 1968–1979, I: 89, 175, 237, 285, 321, 337; II: 31] (ср. [McNamera 1992: 100, примеч. 1, 138, примеч. 1; Drazin 1990: 81, примеч. 3]); оно воспроизводится, однако, в книге Чисел [Díez Macho 1968–1979, IV: 231, 237]. Так же обстоит дело и в так называемом Фрагментарном таргуме: так, в фрагментах Быт. XLIX, 25 Парижской нац. библи. (Hébr. 110) и Исх. VI, 2 Ватиканской библи. (Ebr. 440) ('el) *šadday* переводится как «Бог небес»; между тем в книге Чисел (Чис. XXIV, 4, 16) это наименование в обеих рукописях воспроизводится в еврейской форме [Klein, I: 68, 165, 104, 203; II: 33, 124, 75, 162]. Именно такой перевод слова *šadday* представлен в книге псалмов Септуагинты: τὸν ἐλουράνιον 'Небесный' (Пс. LVII, 15 [LVIII, 14]), τοῦ Θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ 'Бог небес' (Пс. XC, 1 [XCI, 1]); Септуагинта, возможно, могла быть одним из источников таргумической традиции.

в самаритянском таргуме, в сирийской «Пешитте» и в переводах Библии на иудео-персидский язык⁵¹.

Мы вправе полагать, таким образом, что соответствующие наименования Бога в славянских списках книги Исход (воспроизводящие в кириллической транскрипции еврейские фразы *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, просто *'ehyeh* как обособленное имя Бога и *'el šadday*) восходят не непосредственно к масоретскому тексту Библии, а именно к арамейскому таргуму (см. подробнее [Успенский 2012: 115–116]).

3.1. В еврейском Пятикнижии (и, соответственно, в таргуме) выражение (*'el*) *šadday* как наименование Бога встречается не только в книге Исход (Исх. VI, 3), но также в книгах Бытия (Быт. XVII, 1; XXVIII, 3; XXXV, 11; XLIII, 14; XLVIII, 3; XLIX, 25) и Чисел (Чис. XXIV, 4, 16)⁵², однако в рассмотренных нами списках славянского Пятикнижия воспроизведение еврейской формы представлено исключительно в книге Исход. Едва ли это случайно: наименование *'el šadday*, воспроизводящее еврейскую форму в кириллической транскрипции, встречается только в тех рукописях, где в той же книге Исход представлена еврейская форма ответа Бога Моисею (*'ehyeh 'ašer 'ehyeh*); ясно, что дело идет об одной традиции, которая частично сохранилась в дошедших до нас списках этого текста (см. Приложение к настоящей работе)⁵³.

В то же время в целом ряде восточнославянских рукописей слово *šadday* иным образом отразилось в двух стихах книги Бытия (Быт. XXXV, 11 и Быт. XLIX, 25) – а именно, здесь представлена не транскрипция, а перевод этого слова. При этом в исходном тексте греческого Пятикнижия (Септуагинты) слово это не переведено (о позднейших версиях Септуагинты будет сказано ниже)⁵⁴; соответственно, отсутствует оно и в южнославянских списках, отражающих древнейшую традицию славянского библейского текста⁵⁵.

⁵¹ См. изд. самаритянского таргума [Tal, I: 50, 108, 144, 184, 206, 214, 240] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3, XLIX, 25; Исх. VI, 3); [Brüll, I: 32, 42, 53, 59, 61; II: 68] (Быт. XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3, XLIX, 25; Исх. VI, 3). Аналогично в «Пешитте» [Pschitta, I: 8, 36, 48, 61, 69, 71, 79] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3, XLIX, 25; Исх. VI, 3). Относительно переводов Библии на иудео-персидский язык см. сводное изд. [Paper, I: 399, 776, 1022, 1290, 1434, 1478; II: 124; IV: 804, 816] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3, XLIX, 25; Исх. VI, 3; Числа XXIV, 4, 16); [Walton 1657/1964: 28, 52, 68, 86, 95, 99, 111] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3, XLIX, 25; Исх. VI, 3). Так, впрочем, обстоит дело не во всех переводах на иудео-персидский язык: например, в рукописи Ватик. библи. (Pers. 61) *šadday* воспроизводится только в Исх. VI, 3 [Paper 1965–1968, XXIX: 82].

⁵² В преобладающем большинстве случаев в книге Бытия (Быт. XVII, 1; XXVIII, 3; XXXV, 11; XLIII, 14; XLVIII, 3), так же как и в книге Исход (Исх. VI, 3), слово *šadday* встречается в составе выражения *'el šadday*, т.е. выступает как определение к слову *'el* 'Бог'. Между тем в Быт. XLIX, 25, а также в книге Чисел (Чис. XXIV, 4, 16) *šadday* предстает как самостоятельное наименование, означая само по себе имя Бога: 'Всемогущий'.

⁵³ Транскрипция еврейского *'el šadday* наблюдается в большинстве списков книги Исход, где приведена форма ответа Бога Моисею (*'ehyeh 'ašer 'ehyeh*). Исключение составляют рукописи РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803 и РНБ, F.I.1, а также рукописи БАН, № 17.16.33 и РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27 – в этих двух рукописях, как уже отмечалось, фраза, воспроизводящая *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, представлена в маргинальной глоссе, а не в основном тексте (ср. выше, примеч. 32, 43).

⁵⁴ Мы пользовались наиболее авторитетным гёттингенским изданием Септуагинты (в серии: «Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum»). См. изд. книги Бытия [Wevers 1974a]; книги Исход [Wevers 1991]; книги Чисел [Wevers 1982]; Псалтыри [Rahlfs 1979]; книги Иезекииля [Ziegler 1977]; книги Малых Пророков [Ziegler 1984]. Книги Царств и Судей мы цитируем по изд. [Rahlfs, I].

⁵⁵ В греческом (Септуагинты) переводе Пятикнижия в случае сочетания *'el šadday* слово *šadday* вообще не переводится или же, может быть, переосмысливается как местоименная форма. Так, в книге Бытия *'el šadday* переводится как ὁ Θεός σου 'Бог твой' (Быт. XVII, 1; XXXV, 11) или ὁ Θεός μου 'Бог мой' (Быт. XXVIII, 3; XLIII, 14; XLVIII, 3), где Θεός является переводом слова *'el* 'Бог'. Сходным образом при отсутствии *'el* – в качестве обособленного наименования –

Кажется вероятным, что перевод этого слова в русских (восточнославянских) списках славянской Библии появляется как результат интерполяции, сделанной еврейскими книжниками⁵⁶. Такой перевод указывает на сверку славянского текста Библии непосредственно с еврейской Торой, а не с арамейским таргумом.

3.2. Так, в тексте Быт. XXXV, 11 (слова Бога, обращенные к Иакову) в ряде восточнославянских списков Библии читаем: «Азь есмь Б[ог]ъ силенъ твои расти и множиса» (БАН, № 17.16.33, л. 53 об.; аналогично: ГИМ, Муз. 3479, л. 71; РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 52; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 8, л. 62–62 об.; РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803, л. 14 об.; РНБ, F.I.1, л. 98 об. / л. 95 об. верхней фолиации; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 47 об.; РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453, л. 86; РНБ, Q.I.1407, л. 85 об.; Библия. Лит. акад., F19-51, л. 51; РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 74). Ср. в Пятикнижии Антониева Сийского монастыря: «Азь Есмь Б[ог]ъ силенъ расти и множиса» (БАН, Арх. Д17, л. 92), причем к слову «силенъ» на полях дан вариант: «твой»⁵⁷; аналогично в Пятикнижии Кирилло-Белозерского собрания (РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 85 об.). В некоторых рукописях вместо «Б[ог]ъ силенъ твои» читается «Б[ог]ъ твои силенъ» (так, например, в списке: РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 74). Определение «силенъ», по-видимому, представляет собой не что иное, как перевод слова *šadday*, которое читается в этом стихе в еврейском тексте Библии (в составе выражения *'el šadday*).

Слово *šadday* непосредственно не отразилось в исходном тексте Септуагинты: вместо него здесь появляется местоимение σου 'тебя, твой' (которого нет в еврейском тексте). Соответственно, это слово отсутствует в южнославянских списках Библии, так же как и в некоторых восточнославянских, сохранивших исконный южнославянский текст. Вот как выглядит этот стих в русской Библии собрания Ундольского, последней четв. XV в.: «Азь есмь Б[ог]ъ твои расти и множиса» (РГБ, ф. 310/Унд., № 1, л. 28 об.), ср.: Ἐγὼ ὁ Θεὸς σου· αὐξάνου καὶ πληθύνου⁵⁸; аналогично в южнославянских списках [Михайлов 1900–1908: 290]. Надо полагать, что слово «силенъ» первоначально появилось как глосса на полях, призванная заменить слово «твой», что отразилось в Пятикнижии Антониева Сийского (БАН, Арх. Д17, л. 92) и Кирилло-Белозерского монастырей (РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 85 об.), где эти слова поменялись местами (см. выше). В других случаях оно попадает в основной текст, не заменяя слово «твой», но сочетаясь с ним.

Следует оговориться, что, не будучи представлено в исходном тексте Септуагинты (который послужил основой для славянского перевода Библии), в позднейших греческих ее списках слово *šadday* иногда переводится как ἰκανός 'достаточный, достаточно сильный, способный'. Этот перевод восходит, видимо, к Гексапле Оригена, который, как известно, сличил текст Септуагинты с текстом еврейской Библии и вставил недостающие

šadday передается здесь как ὁ Θεὸς ὁ ἐμὸς 'Бог мой' (Быт. XLIX, 25). Между тем в книге Исход *'el šadday* передается как θεός (Исх. VI, 3); так же передается *šadday* (без *'el*) в книге Чисел (Чис. XXIV, 4, 16).

О возможном переосмыслении слова *šadday* переводчиками Септуагинты см.: «The word $\tau\theta$ was apparently analyzed as consisting of τ plus θ , i. e. a relative particle plus an Aramaic particle meaning "of, belong to", so the name [$\tau\theta$ κ] is either "my God" or "your God" depending on the context» [Wevers 1996: 105].

⁵⁶ В Вульгате в указанных стихах *šadday* каждый раз передается как «omnipotens» (соответственно, *'el šadday* переводится как «Deus omnipotens»).

⁵⁷ А.В. Михайлов читает эту глоссу как «ти» [Михайлов 1900–1908: 290, примеч. 124].

⁵⁸ В древнейшем русском списке Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 1) это место испорчено, а именно, объединены вместе два стиха: Быт. XXXV, 10 и Быт. XXXV, 11. Здесь читаем: «Азь есмь Г[о]с[под]ь Б[ог]ъ твои не прозветса имѧ тебѧ Ишкоковъ [sic!]. но Изр[аи]ль будеть имѧ твое. р[а]сти и оумножиса» (л. 38). Слова «Азь есмь Г[о]с[под]ь Б[ог]ъ твои <...> р[а]сти и оумножиса» относятся к Быт. XXXV, 11; вставленные же в этот текст слова «не прозветса имѧ тебѧ Ишкоковъ [sic!]. но Изр[аи]ль будеть имѧ твое» взяты из Быт. XXXV, 10.

слова, пометив их астериском. Помимо рукописей, прямо представляющих эту традицию (интерполяции Оригена)⁵⁹, известна только одна рукопись, где *šadday* переведено как ἰχθύς⁶⁰. Едва ли можно предположить, что глосса «силень» в восточнославянских списках Библии восходит к этим греческим рукописям. Мы не знаем случаев справки с греческим текстом Библии на восточнославянской территории (корректирующих южнославянскую версию Библии), и, вместе с тем, в восточнославянских рукописях, как мы видели, обнаруживается несомненное знакомство с еврейской книжной традицией (см. выше, § 2.1–2.4). По-видимому, мы должны признать эту глоссу гебраизмом.

Итак, слово «силень» в рассматриваемом стихе – несомненное добавление, появившееся, по-видимому, в результате сверки славянского текста с еврейским. Очевидно, что сверка эта была произведена на восточнославянской территории.

3.3. Между тем в тексте Быт. XLIX, 25 (завещание Иакова) в значительном количестве списков мы находим: «И поможет ти Б[ог]ъ мои силамъ и бл[аго]с[ло]вит' тѧ» (БАН, № 17.16.33, л. 87; аналогично: ГИМ, Муз. 3479, л. 107 об.; РГБ, ф. 256/Румянц., № 27, л. 107; РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 75 об.; РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 8, л. 95 об.; РГАДА, ф. 181/МГАМИД, № 354/803, л. 35; РНБ, Солов. № 74/74, л. 58 об./л. 60 об. старой фолиации; БАН, Арх. Д17, л. 134; РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 122; РНБ, F.1.1, л. 141 об./л. 137 об. верхней фолиации; РГАДА, ф. 188/Рук. собр. ЦГАДА, № 790, л. 61; РГБ, ф. 256/Румянц., № 28, л. 37 об.; РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 7, л. 70; РГБ, ф. 299/Тихонр., № 453, л. 115 об.; РНБ, Q.I.1407, л. 124 об.; Библия. Лит. акад., F19–51, л. 73; РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 107; РГБ, ф. 98/Егор., № 648, л. 94 об.). Ср. в Библейском лицевом своде XVI в.: «И поможет[ъ] ти Б[ог]ъ мои Б[ог]ъ силамъ. и бл[аго]с[ло]вит[ъ] тѧ» (ГИМ, Муз. № 358, л. 148; см. изд. [Музейский сб., I: 295]. К перечисленным рукописям надо прибавить Библию Нило-Столбенской пустыни, местонахождение которой в настоящее время не известно⁶¹; по указанию А.В. Михайлова, и в ней есть слово «силамъ» [Михайлов 1900–1908: 433].

В данном случае определением к слову «богъ» является не «силень», а «силамъ»⁶². Так же, как и в предыдущем случае, оно появляется на месте еврейского слова *šadday*, которое само по себе не отражено в греческом тексте Септуагинты: оно заменяется здесь словами ὁ Θεός ὁ ἐμός 'Бог мой'⁶³.

Исходный славянский перевод этого места представлен в Пятикнижии Троице-Сергиевой лавры, XIV – нач. XV в.: «И поможет ти Б[ог]ъ мои и благословить тѧ» (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 1, л. 55)⁶⁴. Он отвечает тексту, который читается в южно-

⁵⁹ См. указания [Wevers 1974a: 56 (ср. 67); Wevers 1974b: 50].

⁶⁰ Парижская нац. библиотека, Coisl. 4 (XIII в.). См. [Wevers 1974a: 14 (№ 46)].

⁶¹ Ср. в этой связи [Викторов 1890: 197, № 1; Бельчиков и др. 1963: 132, № 1].

⁶² Дательный падеж представляет собой здесь дательный определения, который соответствует по своему значению родительному в греческом, а также в славянских синтаксических конструкциях, выступающих как калька с греческого (см. [Успенский 2002: 451, § 17.3.1]).

Мелетий Смотрицкий отмечает в своей грамматике: «Вместо родительнаго многажды [т.е. часто] дательный существительный существителну свойственнѧ сочиняется; яко <...> “Боже и Господи силамъ, вся твари содѣтелю” вмѣсто “силъ”» [Мелетий Смотрицкий 1619: л. w/3 об.; 1648: л. 295]. Имеется в виду начало молитвы св. Василия Великого, читаемой за богослужением на шестом часе; в настоящее время читается: «Боже и Господи силь».

⁶³ По смыслу это соответствует переводу *'el šadday* как ὁ Θεός μου 'Бог мой' в других стихах книги Бытия (Быт. XXVIII, 3; XLIII, 14; XLVIII, 3) (см. выше, примеч. 55). В одном случае слово θεός сочетается с притяжательным местоимением, в других случаях – с личным местоимением (в родительном падеже).

⁶⁴ Такое же чтение в Библиях собрания Барсова XV в. (ГИМ, Барс. № 1, л. 54; ГИМ, Барс. № 2, л. 63), в Библии собрания Уварова XV в. (ГИМ, Увар. № 18/3–1, л. 48 об.), в Библии Московской духовной академии второй пол. XV в. (РГБ, ф. 173/Моск. дух. акад., № 12, л. 54/л. 52 старой фолиации), в Библии собрания Ундольского последней четв. XV в. (РГБ, ф. 310/Унд., № 1, л. 40 об.), в Геннадиевской Библии 1499 г. (ГИМ, Син. № 915, л. 32), в Библиях Троице-Сер-

славянских списках [Михайлов 1900–1908: 433]. И в этом случае слово «силамъ», соответствующее еврейскому *šadday*, появляется исключительно в восточнославянских списках Библии.

Славянский перевод этого стиха уже в южнославянских списках несколько отличается от греческого перевода Септуагинты. В греческом значит: Παρὰ Θεοῦ τοῦ πατρὸς σου, καὶ ἐβοήθησέν σοι ὁ Θεὸς ὁ ἐμός καὶ εὐλόγησέν σε.

Таким образом, уже в южнославянских переводах исчезает первая часть этой фразы (παρὰ Θεοῦ τοῦ πατρὸς σου). Эта опущенная часть греческой фразы (не отразившаяся в славянских переводах) отвечает еврейскому (масоретскому) тексту Библии. Вместе с тем в еврейском тексте нет слов, которые прямо соответствовали бы словам ὁ Θεὸς ὁ ἐμός в Септуагинте (и которые нашли отражение в славянских переводах): вместо них здесь стоит *šadday*.

Перед нами результат контаминации, наложения друг на друга двух фраз: фразы «Богъ мой», которая восходит к греческому тексту Библии (но не к еврейскому оригиналу!) и которая исходно присутствовала в славянских переводах этого стиха, и фразы «Богъ <...> силамъ», которая, напротив, приближается к еврейскому оригиналу (где слово «силамъ» передает *šadday* и выступает как добавление в славянский текст).

Естественно предположить, что слово «силамъ» первоначально появляется в славянских списках Библии как глосса на полях. По всей видимости, это слово призвано было заменить другое определение слова «богъ» – слово «мой», которое отвечает греческому переводу, но не еврейскому оригиналу. Так образовалось сочетание «Богъ силамъ», где «богъ» восходит к греческому ὁ Θεός, а «силамъ» восходит к еврейскому *šadday* (выступая при этом в качестве определения, а не в качестве самостоятельного имени). В результате «Богъ силамъ» в Быт. XLIX, 25 (как и «Богъ силенъ» в тексте Быт. XXXV, 11) кажется переводом еврейского *'el šadday* – при том что в еврейском тексте в данном случае стоит *šadday*, а не *'el šadday*⁶⁵.

Так или иначе, оба определения слова «богъ» – «мой» и «силамъ» – остались в тексте, образуя сочетание «Богъ мой силамъ» (или в одном случае «Богъ мой Богъ силамъ»); ср. аналогичную ситуацию со словом «силенъ» в Быт. XXXV, 11 (см. выше, § 3.2).

Также и в этом случае известна рукопись Септуагинты, где *šadday* переведено как ἰχάνος (см. выше, § 3.2). Если в отношении Быт. XXXV, 11 теоретически можно предположить, что перевод слова *šadday* восходит к греческой традиции, хотя это представляется маловероятным, в данном случае такая возможность лишена какой бы то ни было вероятности. Действительно, рукопись, о которой идет речь, – это так называемый «Codex Ambrosianus», унциальный кодекс V в. из Амброзианской библиотеки в Милане (под шифром S. P. 51; прежний шифр: A.147 inf.), причем слово ἰχάνος не находится в основном тексте рукописи, а относится ко второму слою правки; корректоры, которым принадлежит эта правка, вносявшие дополнения минускульным или курсивным письмом (как предполагается, в IX в.), по-видимому, были связаны с еврейской средой; в этой же рукописи существуют как более ранние, так и более поздние добавления⁶⁶. Едва

гиевой лавры XV в. (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 44, л. 51 об.) и XVI в. (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 45, л. 53 об.), а также в Библии собрания Погодина третьей четв. XVI в. (РНБ, Погод. № 76). Ср. [Михайлов 1900–1908: 433].

⁶⁵ Можно допустить, что еврейские книжники, редактировавшие славянский текст Библии, в этом месте (Быт. XLIX, 25) домыслили недостающее слово *'el*, исходя из знакомого им сочетания *'el šadday*. Такие случаи, по-видимому, возможны: так, в арамейском таргуме Псевдо-Йонатана (Иерусалимском таргуме) на книгу Чисел форма *šadday* масоретского текста Библии (Чис. XXIV, 4, 16) воспроизводится в еврейской форме; в одном из этих случаев (Чис. XXIV, 4) в арамейском тексте появляется сочетание *'el šadday*, при том что слово *'el* отсутствует в еврейском оригинале [Diez Macho 1977–1988, IV: 231, 237]. Слово *'el* 'Бог', вообще говоря, может быть как еврейским, так и арамейским, но кажется более вероятным видеть здесь часть еврейского выражения *'el šadday*.

⁶⁶ См. об этой рукописи, ее составе и различных слоях правки в ней [Swete 1914: 135–136]. Относительно второго слоя правки см. специально [Wevers 1993; Fernández Marcos 2000: 175–177; Boyd-Taylor 2008: 28–30].

ли можно думать, что исправления в славянских рукописях восходят к этому уникальному слою интерполяций. Таким образом, рассматриваемое явление следует считать гебраизмом.

Наличие переводов слова *šadday* как в греческих, так и в славянских списках книги Бытия не объясняется влиянием одной традиции на другую. Это результат одной и той же практики: практики сличения переводного текста Библии с еврейским оригиналом.

3.4. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сочетание «Господь силамъ» или «Господь силъ» (где дательный определения и родительный определения выступают в одном и том же значении) в других случаях предстает в славянской Библии как перевод имени *yahveh tseba'ot* (Господь Саваоф), что буквально означает 'господин воинств'⁶⁷; это отвечает тому, как передается это имя в Септуагинте: Κύριος τῶν δυνάμεων; см.: Пс. XXIII, 10 [XXIV, 10], XLV, 8, 12 [XLVI, 7, 11], XLVII, 9 [XLVIII, 8], LXVIII, 7 [LXIX, 6], LXXXIII, 2, 4, 13 [LXXXIV, 1, 3, 12]; III Цар. XVIII, 15; IV Цар. III, 14; Зах. I, 3 (вариантное чтение); в Зах. VII, 4 (вариантное чтение): Κύριος παντοκράτορος τῶν δυνάμεων. Ср.: Κύριος ὁ Θεὸς τῶν δυνάμεων при передаче *yahveh 'elohim tseba'ot*: Пс. LVIII, 6 [LIX, 5], LXXIX, 5, 20, ср. 8, 15 [LXXX, 4, 19, ср. 7, 14], LXXXIII, 9 [LXXXIV, 8]⁶⁸. Как бы то ни было, в соответствующем месте еврейской Библии (Быт. XLIX, 25) стоит не *tseba'ot* (תְּצַבָּא), а *šadday* (שָׁדַי).

В некоторых русских списках Пятикнижия транскрипция еврейской фразы *'ehyeh 'asher 'ehyeh* в книге Исход (Исх. III, 14), т.е. имени Бога, открытого Моисею на Синайской горе (см. выше, § 2.2), сопровождается на полях глоссой «адонаи [или: аданаи] Г[оспод]ь силамъ»; таковы рукописи: РНБ, Солов. № 74/74 (л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации); РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28 (л. 40 об.); РНБ, Погод. № 1435 (л. 455 об. / л. 454 об. старой фолиации), см. [Успенский 2012: 101, 103 (илл. IV, VI, VIII); 2013: 104, 105, 107 (илл. 22, 24, 28)]. Эти три списка принадлежат к той особой группе рукописей, которая была выделена нами ранее на основании целого ряда общих признаков (см. § 2.2, 2.3, 2.4, 3.4)⁶⁹.

Выражение «Господь силамъ» в этой последней глоссе, вне всякого сомнения, относится к имени Бога Саваофа (а не к имени *'el šadday*). Слово «адонаи ≈ аданаи» с вероятностью указывает здесь на еврейскую традицию. В самом деле, еврейское *'adonay*, как и *yahveh*, передается в Септуагинте как Κύριος, и, соответственно, в славянской Библии это слово переводится как «Господь»⁷⁰. Слово αδωναί в Септуагинте почти не

⁶⁷ Соответствующий перевод имени Саваофа очень распространен. В славянской Библии определение обычно стоит в родительном падеже множественного числа, но встречается и дательный множественного. См., например, в старославянской Синайской псалтыри: «Г[оспо]дъ силамъ: ть есть ц[ѣса]ръ сл[а]вѣ» (Син. пс., л. 28b; Пс. XXIII, 10 [XXIV, 10]), при том что во всех других случаях мы встречаем здесь форму родительного множественного, ср., например: «Г[оспо]дъ силъ съ нами» (Син. пс., л. 60a; Пс. XLV, 8, 12 [XLVI, 7, 11]); «въ градѣ Г[оспо]дѣ силъ» (л. 61a; Пс. XLVII, 9 [XLVIII, 8]); «Г[оспо]дѣ силъ» (л. 112a, 112b; Пс. LXXXIII, 2, 4 [LXXXIV, 1, 3]); «Г[оспо]дѣ Г[оспо]дѣ силъ» (л. 82b; Пс. LXVIII, 7 [LXIX, 6]). Во всех этих случаях в еврейском тексте стоит *yahveh tseba'ot*, в последнем случае *'adonay yahveh tseba'ot* (Пс. LXVIII, 7 [LXIX, 6]). Ср. в сборнике литургических песнопений 1642–1645 гг. (РГБ, ф. 379 / Разум. № 46): «Господь силам, тои есть царь славы» (л. 84); в настоящее время этот стих читается: «Господь силъ...».

В I Цар. I, 11 сочетанию *yahveh tseba'ot* соответствует в Септуагинте Αδωναί Κύριε Ελωαι Σαβαωθ, но это, конечно, нельзя считать переводом масоретского текста: в Септуагинте отразилась иная (более ранняя?) версия еврейской Библии. Ср. ниже, примеч. 71.

⁶⁸ Ср. в византийских ономастиконах: Σαβαωθ τῶν δυνάμεων [Lagarde 1887: 211 (184, 48), 212 (185, 80), 222 (198, 50)], Σαβαωθ δύναις [Ibid.: 227 (204, 37–38)].

⁶⁹ К этой группе принадлежит также рукопись РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790, но в ней отсутствует указанная глосса на полях (л. 65).

⁷⁰ Отсюда сочетание *'adonay yahveh* (или *yahveh 'adonay*) в Септуагинте может переводиться как Κύριος Κύριος (в других случаях это сочетание переводится просто как Κύριος), см., например: Пс. LXVIII, 7 [LXIX, 6], CVIII, 21 [CIX, 21], CXXIX, 3 [CXXX, 3], CXXXIX, 8 [CXL, 7], CXL,

встречается, за исключением поздних (вариантных) чтений в книге Иезекииля; существенно, что оно полностью отсутствует в Пятикнижии и в Псалтири⁷¹. Равным образом и в славянской Библии почти не встречается слово «адонаи ≈ аданаи», за исключением той же книги Иезекииля⁷². Итак, это слово в рассматриваемой глоссе едва ли могло появиться без обращения к еврейской Библии. Сама же глосса может восходить к Псалтири, представляя собой перевод выражения *'adonay yahveh tseba 'ot* (Пс. LXVIII, 7 [LXIX, 6]), ср. в Септуагинте: Κύριε, Κύριε τῶν δυνάμεων⁷³.

Перед нами – богословская глосса, поясняющая ответ Бога Моисею. Кажется, что глоссатор в данном случае знал обе традиции – еврейскую и греко-славянскую: греко-славянское наименование Бога Саваофа было им взято в готовом виде (вероятнее всего, из Псалтири) и перенесено в еврейский культурный контекст.

Между тем на другом – по-видимому, более раннем – этапе определение «силамъ» было добавлено в славянской Библии к слову «богъ» (в Быт. XLIX, 25) для передачи значения еврейского *šadday*. Выражения «Богъ силамъ» (соответствующее *'el šadday*) и «Господь силамъ» (соответствующее *yahveh tseba 'ot*) очень близки по форме и содержанию, но они относятся, скорее всего, к разным временным пластам. Следует ли видеть здесь случайное совпадение или, напротив, усматривать в выражении «Богъ силамъ» (Быт. XLIX, 25) ассоциацию имен *'el šadday* и *yahveh tseba 'ot*? Мы хотели бы оставить

8 [CXLI, 8], Суд. XVI, 28. См. в этой связи [Rahlf's, II: 772 (примеч. к Иез. II, 4); Wevers, Fraenkel 2003: 84; Успенский 2012: 107 (примеч. 45)].

⁷¹ Отметим единичные случаи, относящиеся к другим частям Библии: 1. Ἀδωναὶ Κύριε Ελωαὶ Σαβαωθ (обет Анны, матери Самуила: I Цар. I, 11; в масоретском тексте: *yahveh tseba 'ot*); 2. Κύριε Ἀδωναὶ (молитва Маноя, отца Самсона, Суд. XIII, 8; в масоретском тексте: *'adōnay* (scriptio plena: אֲדֹנָי); 3. Ἀδωναὶ Κύριε (молитва Самсона: Суд. XVI, 28; в масоретском тексте: *'adonay yahveh*). В славянских печатных библиях соответственно: «Аданаи Г[оспод]ь Ел'ло Саваоѡ» (I Цар. I, 11 [Библия 1581: л. 123 об.]; ср. [Библия 1663: л. 100; Библия 1751: стлб. 420]); «Адонаи Г[оспод]и Г[оспод]и силъ» (Суд. XVI, 28 [Библия 1581: л. 118]; ср. [Библия 1663: л. 95 об.; Библия 1751: стлб. 403]). Слово *адωναѡ* в Суд. XIII, 8 здесь не воспроизводится: Κύριε Ἀδωναὶ переводится как «Г[оспод]и» [Библия 1581: л. 116 об.]; ср. [Библия 1663: л. 94; Библия 1751: стлб. 397]. Аналогично в древнейшем списке книги Судей (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 2; см. выше примеч. 10): «Адонаи Г[оспод]и Г[оспод]и силъ» в Суд. XVI, 28 (л. 99); «Г[оспод]и» в Суд. XIII, 8 (л. 90 об.). Как видим, сочетание Ἀδωναὶ Κύριε в молитве Самсона (Суд. XVI, 28), соответствующее еврейскому *'adonay yahveh*, переводится в славянских библиях подобно тому, как переводится имя Бога Саваофа («Господи силъ»). Характерно, что все три случая относятся к прямой речи, воспроизводящей молитвенное обращение.

В Изборнике 1073 г. приводится отрывок из слова Феодорита (Кирского?) «О св. Троице», где комментируется обет Анны (I Цар. I, 11: «нечистии же кретици кврѣскыи <...> именъ съказаниѡ не разумѣвъше различны мнѣша боги сѣшта. Адонаи и елои и Саваоѡ» [Изб. 1073 г.: л. 244]).

⁷² В славянском переводе книги Иезекииля слово «адонаи ≈ аданаи» употребляется регулярно – как правило, в сочетании со словом «господь» («адонаи господь»). Полный текст этой книги с толкованиями Феодорита Кирского дошел до нас в болгарском списке Библии 1350–1370 гг. (РНБ, F.1.461, см. изд. [Тасева, Йовчева 2003]). Вместе с тем, фрагменты южнославянского перевода – с этим словом – известны в списках XI–XIII вв., см.: «живоу азъ гл[агол]ет[ь] адонаи Г[оспод]ь...» [Изб. 1073 г.: л. 103 об.]; ср.: Иез. XVII, 16, XVIII, 3; «(так) гл[агол]еть аданаи Г[оспод]ь» [Григ. пар.: л. 71 об., 79–79 об.]; Иез. II, 4, XXXVII, 5, 9, 12, 14; ср. [Успенский 2012: 107]. В Септуагинте соответствующее греческое слово (*αδωναὶ*) представлено лишь в вариантных чтениях к основному тексту (исходному тексту, реконструируемому исследователями, см. изд. [Ziegler 1977]). Надо полагать, таким образом, что древнейший славянский перевод книги Иезекииля основывался на относительно поздних греческих списках.

⁷³ Ср. в Синайской псалтири: «Г[оспод]и Г[оспод]и силъ» (Син. пс., л. 82b; см. выше, примеч. 67). Аналогично в Острожской, Московской и Елизаветинской библиях [Библия 1581: л. 13; Библия 1663: л. 238 об.; Библия 1751: стлб. 964].

в стороне этот вопрос⁷⁴. Для нас достаточно констатировать, что определение «силамъ» в восточнославянских списках Библии появляется на месте слова *šadday* – как перевод этого последнего слова.

Добавим к сказанному, что в ряде рукописей глосса «адонай» читается на полях в следующем стихе книги Исход (Исх. III, 15) – в том месте, где Бог повторяет свое поручение Моисею (см. выше, § 2.2). Эта глосса относится к словам «Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѿ[те]цъ ваших...», ср.: Κύριος ὁ Θεός τῶν πατέρων ἡμῶν. Словам «Господь Богъ» (греч. Κύριος ὁ Θεός) в еврейском тексте Библии соответствуют имена *yahveh 'elohim*. И в этом случае глосса «адонай» свидетельствует, очевидно, об обращении к еврейской традиции.

Указанная глосса («адонай») представлена и в рукописях, о которых только что шла речь, а именно, в Погодинском Пятикнижии (РНБ, Погод. № 1435, л. 455 об./л. 454 об. старой фолиации) и Румянцевском Восьмикнижии (РГБ, ф. 256/Румянц., № 28, л. 40 об.); таким образом, слово «адонай» («аданаи») появляется в этих рукописях дважды – один раз в составе глоссы «адонай [или: аданаи] Господь силамъ» (которая относится к ответу Богу Моисею, Исх. III, 14), другой раз в виде самостоятельной глоссы «адонай» (которая относится к повторению поручения Моисею, Исх. III, 15)⁷⁵. То же имеет место и в Соловецком Пятикнижии (РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об./л. 64 об. старой фолиации), с той только разницей, что глосса «адонай» не дана в этом случае на полях, а внесена в текст (перед словами «Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѿ[те]цъ ваших...» и при этом зачеркнута (см. [Успенский 2012: 101–103 (илл. IV, VI, VIII); 2013: 104–105, 107 (илл. 22, 24, 28)]). Данная глосса встречается (на полях) и в других рукописях, например, РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 7 (л. 74 об.; см. [Успенский 2012: 100 (илл. III); 2013: 103 (илл. 20)]); также: БАН, № 17.16.33 (л. 94), РНБ, Кир.-Бел. № 2/7 (л. 80 об.), РНБ, F.I.1 (л. 150/л. 146 верхней фолиации), РГБ, Егор., № 648 (л. 100 об.); см. подробнее [Успенский 2012: 98–100].

И в этом случае (как и в рассмотренном ранее) слово «адонай» соответствует имени *yahveh*, что отвечает еврейской традиции, запрещающей произносить это имя и предписывающей произносить вместо него *'adonay*⁷⁶.

Особый интерес среди только что упомянутых рукописей представляет Пятикнижие Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. (РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.), где к словам «сыи ма» в поручении Моисея («Сыи ма поусти к вамъ», Исх. III, 14) дается на полях глосса «агее азъ»⁷⁷, а к следующим затем словам «Г[оспод]ь Б[ог]ъ» в повторении этого поручения (Исх. III, 15) – глосса «адонай» (см. [Успенский 2012: 99–100 (илл. III); 2013: 103 (илл. 20)]). Первая глосса соответствует еврейскому слову *'ehyeh* (выступающему как имя собственное), вторая – имени *yahveh*. Что касается мес-

⁷⁴ Отметим в этой связи, что как *tseba'ot*, так и *šadday* могут переводиться в Септуагинте одинаково как λαυτοκράτωρ (см. [Hatch, Redpath 1897: 1053–1054]). Вместе с тем ни в Пятикнижии, ни в Псалтири такой перевод не встречается. Перевод *šadday* как λαυτοκράτωρ наблюдается только в книге Иова.

⁷⁵ В Румянцевском Восьмикнижии (РГБ, ф. 256/Румянц., № 28, л. 40 об.) эта глосса как будто написана другим почерком, нежели глосса к Исх. III, 14 («аданаи Г[оспод]ь силамъ»), хотя скорее всего писец имитирует разные почерки встретившихся ему глосс; этому отвечает и разница в правописании в слове «адонай».

⁷⁶ Имя *yahveh* в большинстве случаев передается как «адонай ≈ аданаи» в рукописи Библ. Лит. акад., ф. 19/Виленск. публ. б-ка, № 262, нач. XVI в., представляющей собой перевод библейских книг на белорусский язык, выполненный в еврейской конфессиональной среде. См. изд. [Altbauer 1992] (Руфь, II, 4, 12, III, 13, IV, 11, 12, 13; Плач Иеремии, I, 12, 17, 18, 20, II, 6, 8, 9, 17, III, 24, 25, 40, 50, 55, 63, 64, IV, 11, V, 1, 19, 21). В других случаях это имя передается словами «господь» или «богъ».

⁷⁷ Менее вероятно чтение «лгее азъ», теоретически возможное, ср. в Погодинском Пятикнижии: «лгее лшеръ лгее» на месте *'ehyeh 'aser 'ehyeh* (РНБ, Погод. № 1435, л. 455 об./л. 454 об. старой фолиации, см. [Успенский 2012: 101–102 (илл. IV); 2013: 106–107 (илл. 28)]). См. вместе с тем в Пятикнижии РНБ, F.I.1 «агее Еше агее» (л. 150/л. 146 верхней фолиации).

тоимения «азъ» в первой глоссе, то оно является, по-видимому, переводом слова «агее», передающего еврейское *'ehyeh* ('я есмь').

4.1. Итак, как прилагательное «силенъ» (Быт. XXXV, 11), так и определение «силамъ» (Быт. XLIX, 25) не имеют соответствия в тексте Септуагинты и являются прямым переводом еврейского слова *šadday*.

Достоин внимания, что выражение «Богъ силамъ» в тексте Быт. XLIX, 25 присутствует в преобладающем большинстве восточнославянских списков четвѣй Библии. При этом во всех случаях, когда в тексте Быт. XXXV, 11 представлено выражение «Богъ силенъ», в той же рукописи мы находим в тексте Быт. XLIX, 25 выражение «Богъ силамъ» (см. Приложение к настоящей работе). Вместе с тем обратное неверно: существуют списки с чтением «Богъ силамъ» в Быт. XLIX, 25 при отсутствии чтения «Богъ силенъ» в Быт. XXXV, 11. Таковы рукописи: РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27; РНБ, Солов. № 74/74; РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790; РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28; ГИМ, Муз. № 358; РГБ, ф. 98 / Егор., № 648; сюда же относится и Библия Нило-Столбенской пустыни, вероятно, утраченная (мы можем судить о ней по изд. [Михайлов 1900–1908: 290, 433]).

Некоторые из упомянутых рукописей отсутствуют в перечне А.А. Пичхадзе, где приведены списки Библии с глоссами и исправлениями по еврейскому тексту (см. [Пичхадзе 1996: 21]). Можно сказать, что рукописи с переводом (*'el*) *šadday* существенно расширяют наши представления о масштабе еврейского влияния на текст славянской Библии⁷⁸.

4.2. Наличие разных переводов еврейского выражения (*'el*) *šadday* заставляет думать, что в русских списках Библии отражаются разные слои сверки с еврейским оригиналом. Представляется очевидным при этом, что выражение «Богъ силамъ» (Быт. XLIX, 25) отражает более ранний слой книжной sprawy, нежели выражение «Богъ силенъ» (Быт. XXXV, 11).

В общем и целом вырисовывается следующая картина (ср. Приложение к настоящей работе).

На определенном, относительно раннем этапе – назовем его этапом А – слово *šadday* в тексте Быт. XLIX, 25 было переведено словом «сила» в дательном падеже множественного числа, и в результате появилось сочетание «богъ силамъ», соответствующее выражению *'el šadday*. Известен двадцать один список книги Бытия с таким чтением,

⁷⁸ А.А. Пичхадзе исследовала текст книги Исход по двадцати восьми восточнославянским спискам и выделила из них шестнадцать рукописей, которые содержат глоссы и исправления по еврейскому тексту (см. [Пичхадзе 1996: 21]; ср. выше, примеч. 7). К ним следует добавить еще четыре списка, а именно: РНБ, Кир.-Бел. № 3/8 (еврейские формы здесь стерты); РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790; РНБ, Кир.-Бел. № 1/6; РНБ, Погод. № 1435. Еще в двух рукописях еврейское влияние не прослеживается в книге Исход, но наблюдается в книге Бытия: таковы рукописи ГИМ, Муз. 3479; БАН, Арх. Д17 (Библия Антониева Сийского монастыря). Сюда же относится и Библия Нило-Столбенской пустыни, в настоящее время недоступная, знания о которой ограничиваются книгой Бытия.

Среди восточнославянских списков Библии, не учтенных А. А. Пичхадзе, оказываются также Библия ГИМ, Увар. № 18/3–1 (рукопись XV в.) и Виленский хронограф, Библ. Лит. акад., ф. 19, № 109 (рукопись ок. 1556 г.; относительно датировки см. [Мещерский 1955: 385]); еврейское влияние в них не обнаруживается. Таким образом, нам известно тридцать шесть восточнославянских списков Библии (с текстом книг Пятикнижия), и в двадцати двух из них наблюдается еврейское влияние. С учетом Библии Нило-Столбенской пустыни таких рукописей можно насчитать двадцать три. В двух рукописях, свидетельствующих по указанию А.А. Пичхадзе о еврейском влиянии – РНБ, Погод. № 76 (рукопись третьей четв. XVI в.) и РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 279 (рукопись первой четв. XVI в.), – мы не обнаружили материала, относящегося к нашей теме (т.е. к отражению *nomina sacra*). Данные остальных двадцати одной рукописи представлены в Приложении к настоящей работе.

из которых двадцать рукописей нам знакомы непосредственно (*de visu*), а одна рукопись (Библия Нило-Столбенской пустыни) – по изданию А.В. Михайлова. Мы вправе предположить, что все эти списки восходят к одному протографу, т.е. к одной рукописи, где первоначально появилась такого рода глосса. Иначе говоря, эта правка на исходном уровне принадлежала, по-видимому, одному человеку, неизвестному нам еврейскому книжнику. Рукописи с такой правкой копировались и дошли до нас в преобладающем большинстве восточнославянских списков книги Бытия.

Эти списки разделяются на несколько групп, объединяемых общими признаками.

На следующем этапе – этапе *B* – в большей части этих рукописей (но не во всех) в тексте Быт. XXXV, 11 была произведена дополнительная сверка с еврейским оригиналом, и выражение *'el šadday* было переведено как «Богъ силенъ». До нас дошло тринадцать списков книги Бытия с таким чтением, т.е. рукописей, где *šadday* переведено как в Быт. XLIX, 25, так и в Быт. XXXV, 11.

Известны семь рукописей, где это второе исправление не имело места (т.е. слово *šadday* переведено здесь в Быт. XLIX, 25, но осталось непереверденным в Быт. XXXV, 11). Шесть из них нам непосредственно знакомы, тогда как Библия Нило-Столбенской пустыни, как было сказано, оказалась недоступной для исследовательского анализа.

Среди этих шести рукописей выделяется компактная группа списков, сходных между собой по ряду значимых параметров (РНБ, Солов. № 74/74; РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790; РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28). Эти рукописи принадлежат к особой группе, о которой мы неоднократно говорили выше (см. § 2.2, 2.3, 2.4, 3.4). В этих рукописях во фразе *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14), в слове *'ehyeh* в поручении Моисею (Исх. III, 14) и, наконец, в выражении *'el šadday* (Исх. VI, 3) алеф передается буквой, варьирующейся между буквами *л* (славянская буква «люди») и *э* («э оборотное»); мы передаем ее знаком **Э** (см. § 2.2). При этом как слово, воспроизводящее имя *'ehyeh* в поручении Бога Моисею (Исх. III, 14), так и слово, воспроизводящее фразу *'el šadday* (Исх. VI, 3), не сочетаются со словом «сыи» (как это имеет место в других рукописях), а заменяют его (см. выше, § 2.3, 2.4). К выделенной нами группе рукописей относится и Пятикнижие Погодинского собрания (РНБ, Погод. № 1435; см. [Успенский 2012: 101–102 (илл. IV, V); 2013: 106–107 (илл. 28, 29)]), но в нем утрачена книга Бытия, и мы не знаем, как здесь читались интересующие нас стихи этой книги (Быт. XXXV, 11 и Быт. XLIX, 25). Поскольку Погодинское Пятикнижие, как мы видели, обнаруживает явное сходство с только что названными тремя рукописями (РНБ, Солов. № 74/74; РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790; РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28), с вероятностью можно думать, что и в нем, так же как в этих трех рукописях, выражение *'el šadday* было представлено (в недошедшей до нас книге Бытия) как «Богъ силамъ» в тексте Быт. XLIX, 25 и вообще никак не отразилось в тексте Быт. XXXV, 11. Наконец, в этих рукописях (за исключением списка РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790) еврейская фраза, воспроизводящая *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* (Исх. III, 14), сопровождается на полях глоссой «адонаи (аданаи) Господь силамъ» (см. § 3.4)⁷⁹. В целом эта группа рукописей отражает, видимо, правку, которая произошла на этапе *C* – более позднем, чем этап *A*, но независимом по отношению к этапу *B* (может быть, и более раннем по отношению к нему).

Три оставшиеся рукописи, где *šadday* переведено лишь в Быт. XLIX, 25, но не переведено в Быт. XXXV, 11 – таковы рукописи РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27; ГИМ, Муз. № 358; РГБ, ф. 98 / Егор., № 648, – также могут рассматриваться как особая группа. Их объединяет то, что в основном тексте здесь нет еврейских фраз, соответствующих *'ehyeh 'ašer*

⁷⁹ В этих же рукописях имеется глосса «адонаи», которая относится к словам «Г[оспод]ь Б[ог]ъ» во фразе «Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѿ[те]цъ ваших...» (Исх. III, 15). Однако такая же глосса наблюдается и в других рукописях, не являясь значимой характеристикой выделенной нами группы. См. выше, § 3.4.

Рукопись Архива древних актов (РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790) выделяется из данной группы рукописей еще по одному признаку: слово «Эль» во фразе «Эль шаддаи» не пишется здесь под титулом (см. выше, примеч. 41).

'ehyeh в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14), 'ehyeh в поручении Моисею (Исх. III, 14) или 'el šadday в книге Исход (Исх. VI, 3). Правда, указанные фразы могут воспроизводиться здесь в глоссах на полях⁸⁰, но в самом тексте они отсутствуют, что означает, что их не было в протографе этих рукописей. Таким образом, перевод слова šadday в Быт. XLIX, 25 является в их протографе единственным гебраизмом со значением имени Бога.

4.3. Итак, имя šadday в восточнославянских списках Пятикнижия может быть представлено как в транскрипции (в книге Исход: Исх. VI, 3 или в одном списке Исх. VI, 6), так и в переводе (в книге Бытия: Быт. XXXV, 11, XLIX, 25). Транскрипция слова šadday восходит, по-видимому, не непосредственно к масоретскому тексту Библии, а к арамейскому таргуму (см. выше, § 2.6); между тем перевод этого слова восходит именно к масоретскому тексту, отражая разные слои сверки славянского Пятикнижия с еврейской Торой. Можно предположить, что сначала имела место сверка с Торой, а потом – с таргумом.

В арамейских таргумах – Онкелоса и Псевдо-Йонатана (т.е. в Вавилонском и Иерусалимском таргумах) – имя ('el) šadday в Пятикнижии во всех случаях не переводится на арамейский, но воспроизводится в еврейской форме (см. выше, § 2.6). Это, по-видимому, и отразилось в восточнославянских рукописях книги Исход, где это имя также воспроизводится по-еврейски – в кириллической транскрипции, с элементами транслитерации (см. выше, § 2.2–2.4). Если бы книга Бытия сверялась на Руси с таргумом, а не с Торой, мы ожидали бы в славянском тексте не перевод еврейского слова, а его воспроизведение, как это и произошло в книге Исход. Перевод этого слова (а не его транскрипция) говорит о том, что в интересующих нас случаях (Быт. XXXV, 11, XLIX, 25) славянский текст Библии сверялся именно с еврейским текстом Торы, а не с текстом арамейского таргума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1988 – А.А. Алексеев. Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации (София. Сентябрь 1988) / Под ред. И.И. Костюшко. М., 1988.
- Алексеев 1999 – А.А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Алексеев 2010 – А.А. Алексеев. Библейский канон на Руси // ТОДРЛ. Т. LXI. СПб., 2010.
- Алексеев 2013 – А.А. Алексеев. Adversus ioudaeos: восточнославянская версия XI–XV веков // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб., 2013 (= «Россия – Запад – Восток: Литературные и культурные связи». Вып. 1).
- Алексеев в печати – А.А. Алексеев. Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи: Результаты и перспективы исследования // Jews and Slavs. Vol. XXIV (в печати).
- Бельчиков и др. 1963 – Н.Ф. Бельчиков, Ю.К. Бегунов, Н.П. Рождественский. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.; Л., 1963.
- Беляев 1911 – И.С. Беляев. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. 2-е изд., испр. и доп. М., 1911.
- Библия 1581 (Острожская библия) – Библия сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта, по ѡзыкъ словенскѣ. Острог, 1581.
- Библия 1663 (Московская печатная библия) – Библия. М., 1663.
- Библия 1751 (Елизаветинская библия) – Библия, сирѣчь книги Священнаго писанія Ветхаго и Новаго завѣта. СПб., 1751. Все последующие издания славянской четвѣй Библии воспроизводят этот текст.
- Биргегорд 2010 – У. Биргегорд. Эмбрион универсального алфавита славянских языков // S. Bertolissi, R. Salvatore (eds). Forma formans: Studi in onore di Boris Uspenskij. Vol. I. Napoli, 2010.

⁸⁰ Так, в рукописи РГБ, ф. 98/Егор., № 648 к слову «сыи» во фразе «Азь есмь сыи» (Исх. III, 14) дается на полях глосса «ЄгеЄсь. ашерь. ЄгеЄ», а во фразе «Сыи ма поусти к вамъ» (Исх. III, 14) – глосса «ЄгеЄсь» (л. 100 об.); к слову «сыи» во фразе «Азь Г[осподь] ѡвихса Авраамоу и Исаакоу и Іаковоу Б[ог]ъ сыи их...» (Исх. VI, 2–3) на полях дается глосса «Єльшадаи» (л. 105). В рукописи РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27 фраза «Азь есмь сыи» (Исх. III, 14) сопровождается на полях глоссой «азь ѡгиЄ. ашерь. ѡгеЄ» (л. 114 об.; см. [Успенский 2012: 99, 105, 96–97 (илл. 1)]).

- Букварь 1618 – Букварь. Евье, 1618.
 Букварь 1667 – Букварь. М., 1667.
 Булыко 1970 – *А.М. Булыка*. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мінск, 1970.
 Ван Вейк 1957 – *Н. Ван Вейк*. История старославянского языка / Пер. с нем. В.В. Бородич. М., 1957.
 Викторов 1890 – *А.Е. Викторов*. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890.
 Востоков 1842 – Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музея, составленное *Александром Востоковым*. СПб., 1842.
 Гарднер, I–II – *И.А. Гарднер*. Богослужбное пение русской православной церкви: сущность, система и история. Т. I–II. Jordanville (NY), 1978–1982.
 Гаркави 1865 – *А.Я. Гаркави*. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей (из Исследований об истории евреев в России). СПб., 1865. Извлечено из «Трудов Восточного отделения имп. Археологического общества».
 Гиппиус в печати – *А.А. Гиппиус*. «Сакральная грамматика» Преславской книжной школы (в печати).
 Горский 1860 – [*А.В. Горский*]. О славянском переводе Пятикнижия Моисеева, исправленном в XV веке по еврейскому тексту // Прибавления к изданию творений святых Отцев в русском переводе. Ч. XIX. М., 1860.
 Горский, Невоструев, I–III – [*А.В. Горский, К.И. Невоструев*]. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отд. I–III. М., 1855–1917.
 Григ. пар. – Григоровичев паремейник XII – нач. XIII в. (РГБ, ф. 87/Григор., № 2 = Муз. № 1685). См. изд. З. Рибарова, З. Хауптова. Григоровичев паримейник, I. Текст со критички апарат. Скопје, 1998.
 Евсеев 1902 – *И.Е. Евсеев*. Григорий пресвитер, переводчик времени болгарского царя Симеона // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. VII. 1902. Кн. 3.
 Елеонский 1905 – *Ф. Елеонский*. Древнеславянский перевод Исх. I, 7 и III, 4 // Христианское чтение. Т. ССХIX. 1905, апрель.
 Елизаветинская библия – см. [Библия 1751].
 Живов, Успенский 1997 – *В.М. Живов, Б.А. Успенский*. Grammatica sub specie theologiae: Претеритные формы глагола *быти* в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997.
 Зернова 1958 – *А.С. Зернова*. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог. М., 1958.
 Зогр. ев. – Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus... / Edidit V. Jagić. Berolini, 1879.
 Золтан 2014 – *А. Золтан*. Западнорусско–великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. // А. Золтан. Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М., 2014.
 Иванова 1976 – *Т.А. Иванова*. У истоков славянской письменности (К переводческой деятельности Мефодия) // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиция. М., 1976.
 Иванова-Мирчева 1971 – *Д. Иванова-Мирчева*. Иоан Екзарх Български. Слова. Т. I. София, 1971. Изб. 1073 г. – Изборник 1073 г. (ГИМ, Син. № 1043). См. изд. Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное изд. / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
 Ин. Экз. – Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна ексарха Болгарского. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки буква в букву и слово в слово / Публ. О.М. Бодянского с предисл. А.Н. Попова. М., 1878. Оттиск из изд.: Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете (Москва). 1877. Кн. 4.
 Иннокентий 1990 – *Иннокентий (Павлов)*. Славянская традиция Священного Писания и Острожская библия // Острожская библия: Сборник статей. М., 1990.
 Карский, I–III – *Е.Ф. Карский*. Белорусы: Язык белорусского народа. Вып. I–III. М., 1955–1956. (Вып. I: Исторический очерк звуков белорусского языка; Вып. II: Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып. III: Очерки синтаксиса белорусского языка).
 Карский 1928 – *Е.Ф. Карский*. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. (Репринт: М., 1979.)

- Катехизис 1628 – ΚΑΤΗΧΗΣΙΣ си есть грѣческое слово. А по рѣски именѣтсѧ кр[и]стьянское оучение перечнем, что ч[е]л[овѣ]кѣ подобает преже всего оучитисѧ и вѣдати о сп[а]сеніи д[ѣ]ши свои. В' Стокол'не, 1628.
- Ковтун 1963 – Л.С. Ковтун. Русская лексикография эпохи Средневековья. Л., 1963.
- Костюхина 1974 – Л.М. Костюхина. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974.
- Кулик 2008 – А. Кулик. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // *Ruthenica*. 2008. Vol. VII.
- Лавров 1915 – П.А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. СПб., 1915 (= «Энциклопедия славянской филологии». Вып. 4.1).
- Лавров 1930 – П.А. Лавров. Материалы для истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930 (= «Труды Славянской комиссии АН СССР». I).
- Мар. ев. – Памятник глаголической письменности: Маринское евангелие с примечаниями и приложениями. Codex Marianus glagoliticus / Труд И.В. Ягича. Berlin; Sankt-Petersburg, 1883. Репринт: Graz, 1959.
- Мелетий Смотрицкий 1619 – *Мелетій Смотрицькій*. Грамматіки Славенскія правильное Свнтагма. Евъе, 1619. Репринт: *Мелетій Смотрицькій*. Грамматика. Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ, 1979.
- Мелетий Смотрицкий 1648 – [*Мелетій Смотрицькій*]. Грамматика. М., 1648.
- Мещерский 1955 – Н.А. Мещерский. К вопросу о датировке Виленского хронографа // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955.
- Михайлов 1900–1908 – А.В. Михайлов. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе: Приложение к книге «Опыт изучения книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе». Вып. I–IV. Варшава, 1900–1908⁸¹.
- Михайлов 1912 – А.В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. I: Паримейный текст. Варшава, 1912.
- Московская библия – см. [Библия 1663].
- Музейский сб., I–II – Музейский сборник. Ч. I–II. М., 2006 (= Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. I). Факс. изд. рукописи ГИМ, Муз. № 358.
- Мякишев 2008 – В. Мякишев. Язык Литовского статута 1588 года. Kraków, 2008.
- Надсон 1973 – А. Надсон. Еѹеўскі буквар 1618 г. // Божым шляхам. Год XXI. 1973. № 1 (135).
- Никольский 1896 – Н. Никольский. Речь тонкословия греческого: Русско-греческие разговоры XV–XVI века. СПб., 1896 (= «Общество любителей древней письменности: Памятники древней письменности», CXIV).
- Острожская библия – см. [Библия 1581].
- Пичхадзе, 1996 – А.А. Пичхадзе. К истории четъего текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. Т. XLIX. СПб., 1996.
- Сав. кн. – Саввина книга: Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Ч. I (Рукопись. Текст. Комментарий. Исследование) / Изд. подгот. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М., 1999.
- Син. евх. (Синайский евхологий) – *Euchologium Sinaiticum: starocerkvenoslovanski glagolski spomnik / Izdajo priredil R. Nahtigal, del I (Fotografski posnetek) – II (Tekst s komentarjem)*. Ljubljana, 1941–1942 (= Akademija znanosti i umetnosti v Ljubljani. Filozofsko-filološko-historični razred, dela I–II).
- Сменцовский 1899 – М. Сменцовский. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
- Соболевский 1903 – А.И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903 (= Сб. ОРЯС, т. LXXIV, № 1). Репринты: Köln; Wien, 1989 (= «Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven», Bd 34); Leipzig, 1989.
- Срезневский 1868 – И.И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. СПб., 1868.
- Сырку 1897 – Краткий отчет о занятиях за границей доцента имп. С.-Петербургского университета П.А. Сырку в летние месяцы 1893 и 1894 гг. // Сб. ОРЯС. Т. LXIII. СПб., 1897.

⁸¹ Вып. I, главы I–XII – 1900; вып. II, главы XIII–XXV – 1901; вып. III, главы XXVI–XXXVI – 1903; вып. IV, главы XXXVII–L – 1908. Продолжающаяся пагинация во всех выпусках. В последнем (IV) выпуске есть вклейка: «Вып. V, который готовится к печати, будет содержать введение, описание рукописей и два словаря – славяно-греческий и греко-славянский». Вып. V в свет не выходил. Книга является приложением к труду, лишь первая часть которого была опубликована (см. [Михайлов 1912]); здесь на с. I–LXXXIX раскрываются сиглы рукописей, воспроизведенных в приложении, и дается их описание.

- Тасева, Йовчева 2003 – Старобългарският превод на Стария Завет / Под общия ред. и с въведение от С. Николова. Т. II. Книга на пророк Иезекиил с тълкования. Изданието е подгот. от Л. Тасева, М. Йовчева. Подбор на гръцкия текст Т. Илиева. София, 2003.
- Турилов 2006 – А.А. Турилов. Григорий // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006.
- Турилов 2013 – А.А. Турилов. Был ли переводчик Симеоновой эпохи пресвитер Григорий монахом? // Славяноведение. 2013. № 2.
- Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
- Успенский 1996 – Б.А. Успенский. Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. 2-е изд., испр. и перераб. М., 1996.
- Успенский 1997 – Б.А. Успенский. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997.
- Успенский 2002 – Б.А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Успенский 2012 – Б.А. Успенский. Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси) // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Успенский 2013 – Б.А. Успенский. Буква Э в древнерусских певческих текстах и в списках библейской книги Исход // Вопросы языкознания. 2013. № 6.
- Флоровский 1961 – А.В. Флоровский. Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961.
- Флоря 1981 – Сказания о начале славянской письменности / Вступит. ст., пер. и коммент. Б.Н. Флоры. М., 1981.
- Хрэстоматыя, I–II – Хрэстоматыя по гісторыі беларускай мовы. Ч. I–II. Мінск, 1961–1962.
- Шустова 2010 – Ю.Э. Шустова. Азбука в печатных кириллических букварях южнославянской и восточнославянской традиции в XVI – начале XVIII в. // Очерки феодальной России. Вып. XIV. М.; СПб., 2010.
- Щепкин 1918 – В.Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918 (на обложке: М., 1920).
- Яцимирский 1921 – А.И. Яцимирский. Описание южнославянских и русских рукописей зарубежных библиотек. Т. I (Вена – Берлин – Дрезден – Лейпциг – Мюнхен – Прага – Люблина). Пг., 1921 (= Сб. ОРЯС. Т. XCVIII).
- Altbauer 1992 – The five biblical scrolls in a sixteenth-century Jewish translation into Belorussian (Vilnius codex 262) with introduction and notes by M. Altbauer. Concordance compiled by M. Taube. Jerusalem, 1992.
- Arranz 1991 – M. Arranz. Une traduction du tétragramme divin dans quelques textes liturgiques slaves // «Homo imago et amicus Dei». Miscellanea in honorem Ioannis Golub / Curavit editionem Ratko Perić. Roma, 1991.
- Arranz 1993 – M. Arranz. Une traduction du tétragramme divin dans quelques textes liturgiques slaves // W. Moskovich, Sh. Shvarzband, A. Alekseev (eds). Jews and Slavs. Vol. I. Jerusalem; St. Petersburg, 1993.
- Berliner, I–II – Targum Onkelos / Hrsg. und erläutert von A. Berliner. Th. I–II. Berlin; Frankfurt am Main; London, 1884 (I: Text, nach editio Sabioneta v. J. 1557; II: Noten, Erleitung und Register).
- Birgegård 1992 – U. Birgegård. Соображения о русском языке в письменном наследии И.Г. Спарвенфельда // A. Sjöberg, L. Đurovič, U. Birgegård (eds). Доломоносовский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language (Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992 (= Slavica suecana. Series B – studies. Vol. 1).
- Boyd-Taylor 2008 – C. Boyd-Taylor. The Greek Bible among Jews and Christians in the Middle Ages. The evidence of Codex Ambrosianus // K.H. Melvin, K.H. Peeters (eds). XIII Congress of the International organizations for Septuagint and cognate studies (Ljubljana, 2007). Leiden, 2008 (= Septuagint and cognate studies series. 55).
- Brüll, I–V – Das samaritanische Targum zum Pentateuch. Zum erstenmale in hebräischer Quadratschrift nebst einen Anhang textkritischen Inhaltes hrsg. von A. Brüll, Theile I–V (und Anhänge I–II). Frankfurt am Main, 1873–1876 (I. Genesis, 1873; II. Exodus, 1874; III. Leviticus, 1874; IV. Numeri, 1874; V. Deuteronomium, 1874; I. Anhang: Kritische Studien über Oxforder Manuscript-Fragmente, 1875; II. Anhang: Zur Geschichte und Literatur der Samaritaner nebst Varianten zum Buche Genesis, 1876). Репринт: Sieben Teile in einem Band. Hildesheim; New York, 1971.
- Cleminson 1988 – R. Cleminson. East Slavonic primers to 1700 // Australian Slavonic and East European studies (Formerly «Melbourne Slavonic studies»). 1988. Vol. 2. № 1.

- David 1690 - [*Georgius David, S. J.*]. Exemplar characteris moscovitico-Ruthenici duplicis biblicis et usualis. Nissa, 1690.
- Diels 1963 - *P. Diels*. Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einer Wörterbuch. Teil I. Grammatik. 2. Aufl. Heidelberg, 1963 (= «Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher», I. Reihe: Grammatiken, 6. Altkirchenslavische Grammatik. Teil I).
- Diez Macho 1968-1979, I-VI - *A. Diez Macho*. Neophyti 1. Targum Palestinense, ms de la Biblioteca Vaticana. Edición príncipe, introducción y versión Castellana. T. I-VI. Madrid; Barcelona, 1968-1979 (= «Textos y estudios», 7-11, 20) (I. Génesis, 1968; II. Éxodo, 1970; III. Levítico, 1971; IV. Números, 1974; V. Deuteronomio, 1978; VI. Apéndices, 1979).
- Díez Macho 1977-1988, I-V - Targum Palaestinense in Pentateuchum. Additur Targum Pseudojonatan ejusque hispanica versio, L[ibros] I-V. Editio critica curante Alexandro Diez Macho... Matriti, 1977-1988 (= «Biblia Polyglotta Matritensia», Series IV, 1-5) (I. Genesis, 1988; II. Exodus, 1980; III. Leviticus, 1980; IV. Numeri, 1977; V. Deuteronomium, 1980).
- Drazin 1990 - *I. Drazin*. Targum Onkelos to Exodus. An English translation of the text with analysis and commentary (based on A. Sperber and A. Berliner editions). New York, 1990.
- Drazin 2013 - *I. Drazin*. Nachmanides introduced the notion that Targum Onkelos contains Derash // *Oqimta*. 2013. № 1.
- Etheridge 1968 - The Targums of Onkelos and Jonathan Ben Uzziel on the Pentateuch with the fragments of the Jerusalem Targum / From the Chaldee by J.W. Etheridge. Vol. I. Genesis and Exodus. New York, 1968. First published: 1862.
- Jagić 1879 - *V. Jagić*. Prolegomena // Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani... / Edidit V. Jagić. Berolini, 1879.
- Fernández Marcos 2000 - *N. Fernández Marcos*. The Septuagint in context: Introduction to the Greek version of the Bible / Transl. by W.G.E. Watson. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Florovskij 1965 - *A.V. Florovskij*. Introduction // *Georgius David, S. J.* Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae / Ed. with introduction and explanatory notes by A.V. Florovskij. London; The Hague; Paris, 1965 (= «Slavistic Printings and Reprintings». Vol. LIV).
- Grossfeld 1988 - The Targum Onkelos to Exodus / Transl., with apparatus and notes by B. Grossfeld. Edinburgh, [1988] (= «The Aramaic Bible». Vol. 7).
- Hatch, Redpath 1897 - *E. Hatch, H.A. Redpath*. Concordance to the Septuagint and the other Greek versions of the Old Testament (including the Apocryphal books). Vol. I-II. Oxford, 1897. Cp.: H.A. Redpath. Supplement. Oxford, 1906.
- Hayward 1981 - *R. Hayward*. Divine Name and Presence: The Memra. Totowa, 1981.
- Kjellberg 1951 - *L. Kjellberg*. Catalogue des imprimés slavons des XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles conservés à la Bibliothèque de l'Université royale d'Uppsala. Uppsala, 1951.
- Klein, I-II - *M.L. Klein*. The Fragment Targums of the Pentateuch according to their extant sources. Vol. I-II. Rome, 1980 (= «Analecta biblica». Vol. 76) (I. Texts, indices and introductory notes; II. Translation).
- Kulik 2012 - *A. Kulik*. Jews from Rus' in Medieval England // *The Jewish quarterly review*. Vol. CII. 2012. № 3.
- Kulik 2014 - *A. Kulik*. Jews and the language of Eastern Slavs // *The Jewish quarterly review*. Vol. CIV. 2014. № 1.
- Lagarde 1887 - *Onomastica sacra Pauli de Lagarde: Studio et sumptibus. Alterum edita. Gottingae, 1887.*
- Maher 1992 - Targum Pseudo-Jonathan: Genesis / Transl., with introduction and notes by M. Maher. Edinburgh, 1992 (= «The Aramaic Bible». Vol. 1B).
- Mathiesen 1983 - *R. Mathiesen*. The typology of Cyrillic manuscripts (East Slavic vs. South Slavic Old Testament manuscripts) // M.S. Flier (ed.). American contributions to the Ninth international congress of Slavists (Kiev, 1983). Vol. I: Linguistics. Columbus (Ohio), 1983.
- McNamara 1992 - Targum Neofiti 1: Genesis / Transl., with apparatus and notes by M. McNamara. Edinburgh, [1992] (= «The Aramaic Bible». Vol. 1A).
- McNamara et al. 1994 - Targum Neofiti 1: Exodus / Transl., with introduction and apparatus by M. McNamara and notes by R. Hayward; Targum Pseudo-Jonathan: Exodus / Transl. with notes by M. Maher. Edinburgh, [1994] (= «The Aramaic Bible». Vol. 2).
- Paper, I-V - *H.H. Paper*. Biblia Judaeo-Persica: editio variorum, I-V. [Ann Arbor], 1973 (University microfilms. A XEROX company). Микрофильм в пяти частях (I. Genesis; II. Exodus; III. Leviticus; IV. Numbers; V. Deuteronomium).
- Paper 1965-1968, XXVIII-XXXI - *H.H. Paper*. The Vatican Judeo-Persian Pentateuch: Vatican Judeo-Persian Bible translation [Vat. Pers. 61] // *Acta orientalia ediderunt Societates orientales danica norvegica svecica*. Vol. XXVIII-XXXI. Hauniae, 1965-1968. Genesis - vol. XXVIII, № 3-4, 1965; Exodus and Leviticus - vol. XXIX, № 1-2, 1965-1966; Numbers - vol. XXIX, № 3-4, 1966; Deuteronomy - vol. XXXI, 1968.

- PL, I–CCXXI – Patrologiae cursus completus. Accurante J.-P. Migne. Series latina. T. I–CCXXI. Paris, 1844–1965.
- Pschitta, I–III – Biblia sacra juxta versionem simplicem quae dicitur PSCHITTA. Vol. I–III. Beryti, 1951.
- Rahlfs, I–II – Septuaginta id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes / Edidit A. Rahlfs. Vol. I–II. Stuttgart, 1935. Репринт: Stuttgart, 1979.
- Rahlfs 1979 – Psalmi cum odis. / Edidit A. Rahlfs. 3., unveränd. Aufl. Göttingen, 1979 (= «Septuaginta: Vetus Testamentum graecum auctoritate Academiae scientiarum Gottingensis editum». Vol. 10).
- Sjöberg 1975 – A. Sjöberg. Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Алфabetum rutenorum» // Slavica lundensia. 3(р). Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 1975.
- Sperber, I–IV – A. Sperber (ed.). The Bible in Aramaic based on old manuscripts and printed texts. Vol. I–IV. Leiden, 1959–1973 (I. The Pentateuch according to Targum Onkelos, 1959; II. The Former Prophets according to Targum Jonathan, 1959; III. The Latter Prophets according to Targum Jonathan, 1962; IVA. The Hagiographia: Transition from translation to Midrash, 1968; IVB. The Targum and the Hebrew Bible).
- Swete 1914 – H.B. Swete. An introduction to the Old Testament in Greek. Revised by R.R. Ottley. Cambridge, 1914.
- Tal, I–III – A. Tal. The Samaritan Targum of the Pentateuch: A critical edition. Pt. I–III. Tel Aviv, 1980–1983 (= «Texts and studies in the Hebrew language and related subjects» / Ed. by A. Dotan. Vol. IV–VI) (I. Genesis, Exodus, 1980; II. Leviticus, Numeri, Deuteronomium, 1981; III. Introduction, 1983).
- Thomson 1998 – F.J. Thomson. The Slavonic translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible – Interpretation der Bibel – Interprétation de la Bible – Interpretacija Svetega pisma. Ljubljana; Sheffield, 1998.
- Walton 1657/1964 – Triplex targum, sive versio Pentateuchi: I. Chaldaica Jonathani ben Uziel ascripta. II. Chaldaica hicrosolymitana. III. Persica Jacobi Tawusi. Cum versionibus singularum latinis // Biblia sacra polyglotta... / Edidit Brianus Waltonus. T. IV. Londini, 1657. Репринт: Graz, 1964.
- Wevers 1974a – Genesis / Edidit J.W. Wevers. Göttingen, 1974 (= «Septuaginta: Vetus Testamentum graecum auctoritate Academiae scientiarum Gottingensis editum». Vol. 1).
- Wevers 1974b – J.W. Wevers. Text history of the Greek Genesis. Göttingen, 1974 (= «Mitteilungen der Septuaginta Unternehmens», Hft. 11 – «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse», 3 Folge, № 1).
- Wevers 1982 – Numeri / Edidit J.W. Wevers, adiuvante U. Quast. Göttingen, 1982 (= «Septuaginta: Vetus Testamentum graecum auctoritate Academiae scientiarum Gottingensis editum». Vol. 3/1).
- Wevers 1991 – Exodus / Edidit J.W. Wevers, adiuvante U. Quast. Göttingen, 1991 (= «Septuaginta: Vetus Testamentum graecum auctoritate Academiae scientiarum Gottingensis editum». Vol. 2/1).
- Wevers 1993 – J.W. Wevers. A secondary text in Codex Ambrosianus of the Greek Exodus // R. Gryson (Hrsg.). Philologia sacra: Bibliche und Patristische Studien für H.J. Frede und W. Thiele zu ihrem siebenzigsten Geburtstag. Bd I. Freiburg, 1993.
- Wevers 1996 – J.W. Wevers. The interpretative character and significance of the Septuagint version // Hebrew Bible – Old Testament: The history of its interpretation. Vol. I. From the beginnings to the Middle Ages (Until 1300). Pt. I. Antiquity / Ed. by M. Sæbø. Göttingen, 1996.
- Wevers, Fraenkel 2003 – J.W. Wevers, D. Fraenkel. Studies in the text histories of Deuteronomy and Ezekiel. Göttingen, 2003 (= «Mitteilungen der Septuaginta Unternehmens», Hft. 26 – «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse», 3 Folge, № 256).
- Ziegler 1977 – Ezechiel / Edidit J. Ziegler. Mit einem Nachtrag von D. Fraenkel. Göttingen, 1977 (= «Septuaginta: Vetus Testamentum graecum auctoritate Academiae scientiarum Gottingensis editum». Vol. 16/1).
- Ziegler 1984 – Duodecim prophetae / Edidit J. Ziegler. Göttingen, 1977 (= «Septuaginta: Vetus Testamentum graecum auctoritate Academiae scientiarum Gottingensis editum». Vol. 13).

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ КНИГОХРАНИЛИЩ

- БАН – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
 Библ. Лит. акад. – Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских (Вильнюс)
 ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гебраизмы, обозначающие имя Бога, в славянских рукописях Пятикнижия:

		I	II
РУКОПИСЬ	ДАТА	ИСХ. III, 14 (Ответ Моисею) 'ehyeh 'ašer 'ehyeh	ИСХ. III, 14 (Поручение Моисею) 'ehyeh
ГИМ, Муз. 3479	XV в.		
БАН, № 17.16.33	втор. пол. XV в.	+ (гlossa)	
РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27	втор. пол. XV в.	+ (гlossa)	
РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803	трет. четв. XV в.	+	
РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 8	1493 г.	+ (стерто)	+ (стерто)
БАН, Арх. Д17	1490-е гг.		
РНБ, Кир.-Бел. № 2/7	конец XV в.	+ (гlossa)	
РНБ, Кир.-Бел. № 3/8	XV–XVI вв.	+ (стерто)	+ (стерто)
РНБ, Солов. № 74/74	XV–XVI вв.	+	+
РНБ, Ф.1.1	XV–XVI вв.	+	
РНБ, Погод. № 1435	XVI в.	+	+
РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453	XVI в.	+	+
РНБ, Q.1.1407	XVI в.	+	+
РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28	XVI в.	+	+
ГИМ, Муз. № 358	XVI в.		
Библи. Лит. акад., F19–51	1514 г.		
РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790	перв. четв. XVI в.	+	+
РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7	перв. треть XVI в.	+	+ (гlossa)
Библия Нило-Столбенской пустыни ***	перв. пол. XVI в.	?****	?****
РНБ, Кир.-Бел. № 1/6	сер. XVI в.	+	+
РГБ, ф. 98 / Егор., № 648	XVI–XVII вв.	+ (гlossa)	+ (гlossa)

* Глосса дана к тексту Исх. VI, 6, а не к Исх. VI, 3, как во всех прочих случаях.

** В рукописи утрачена Кн. Бытия.

*** Рукопись утрачена. Кн. Бытия издана [Михайлов 1900–1908].

**** Рукопись утрачена. Кн. Исход не издана.

сводная таблица

III	IV	V
Исх. VI, 3(6) <i>'el šadday</i>	Быт. XXXV, 11 <i>силен</i>	Быт. XLIX, 25 <i>силам</i>
	+	+
	+	+
		+
	+	+
+ (стерто)	+	+
	+	+
+ (гlossa)*	+	+
+ (стерто)	+	+
+		+
	+	+
+	?**	?**
+	+	+
+	+	+
+		+
	+	+
+		+
+	+	+
?****		+
+	+	+
+ (гlossa)		+

В таблице отмечаются:

I. Воспроизведение еврейской формы имени Бога *'ehyeh 'ašer 'ehyeh* в ответе Бога Моисею (Исх., III, 14).

II. Воспроизведение еврейской формы имени Бога *'ehyeh* в поручении Бога Моисею (Исх., III, 14).

III. Воспроизведение еврейской формы имени Бога *'el šadday* (Исх., VI, 3 или VI, 6).

IV. Перевод определения *šadday* как «силен» (Быт. XXXV, 11).

V. Перевод определения *šadday* как «силам» (Быт. XLIX, 25).

В таблице указаны только те рукописи, в которых наблюдается хотя бы одно из обозначенных явлений.

Крестик (+) отмечает наличие соответствующего выражения в рукописи.

Знак вопроса (?) означает, что рукопись в целом или соответствующая ее часть не была нам доступна (утрачена и не издана).

Соответственно, незаполненная клетка (отсутствие знака + или ?) означает, что соответствующее выражение в данной рукописи не представлено.

Слово «гlossa» всегда означает гlossу на полях.

Сведения об авторе:

Борис Андреевич Успенский
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
borisusp@gmail.com

Статья поступила в редакцию 18.02.2014.

© 2014 г. А.Л. ПОЛЯН

ИВРИТ III–XIX ВВ. Н.Э. КАК «СПЯЩИЙ ЯЗЫК»*

В статье анализируются существующие подходы к определению понятия «мертвый язык» и рассматривается возможность их применения к ивриту той эпохи, когда он практически не употреблялся в устном общении. Делается вывод о необходимости введения в русскоязычной литературе дополнительного термина «спящий язык». Язык, обозначаемый этим термином, участвует в ситуации диглоссии в качестве высокого языка и обладает определенным набором функциональных характеристик. Кроме того, предложено новое понимание соотношения понятий «мертвого» и «живого» языка не как бинарной эквивалентной оппозиции, а как континуума состояний языка.

Ключевые слова: сохранность языков, мертвый язык, спящий язык, диглоссия, иврит

The paper at hand focuses on existing definitions of the notion 'dead language' and analyzes possibility to apply them to Hebrew when not being a principal vehicle of oral communication. I suggest to introduce a Russian analogue of the term 'dormant language' / 'sleeping language'. Such a language exists in a situation of diglossia (an H-language) and can be defined according to a set of functional characteristics. Besides, the paper proposes to interpret the opposition of 'dead' and 'alive language' not as a binary equipollent one, but rather as a continuum of language states.

Keywords: language viability, dead language, dormant language, sleeping language, diglossia, Hebrew

Иврит перестал употребляться в повседневной устной коммуникации приблизительно в III в. н.э. и снова стал разговорным языком на рубеже XIX и XX вв. Как охарактеризовать существование иврита на протяжении этих более полутора тысячелетий? Можно ли утверждать, что он являлся мертвым языком? Для ответа на этот вопрос необходимо пояснить, что мы понимаем под «мертвым языком» и «языковой смертью».

В «Словаре социолингвистических терминов» термин «смерть языка» определен следующим образом:

1. Прекращение использования языка с исчезновением народа-носителя данного языка либо в результате завоевания и/или полной ассимиляции этноса (напр., исчезновение языка айнов), либо в результате исторического процесса распада этнического образования и возникновении на его базе новых этнических общностей, сопровождавшегося распадом языка и образованием новых идиомов. Такие процессы могли занимать достаточно долгое время (напр., исчезновение древнерусского языка и образование на его базе новых восточнославянских языков заняло около трех веков). 2. Отказ от использования данного языка (при сохранении этнической идентичности) и переход этноса на другой язык, обусловленный различными экстралингвистическими факторами. Напр., процесс перехода кетов на русский язык на современном этапе [Словарь 2006: 195].

Это определение перечисляет причины, по которым язык выходит из употребления, и предполагает тесную связь между языком и этносом. Развивая предложенное опре-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

Самая искренняя благодарность автора – Н.М. Азаровой и С.Ю. Бочавер за внимание к работе и плодотворное ее обсуждение. Автор также благодарен рецензенту журнала «Вопросы языкознания» за его в высшей степени компетентные замечания, которые помогли устранить ряд недочетов работы.

деление, мы постараемся уточнить, каковы функциональные характеристики языковой смерти, т.е. определить, в какой ситуации можно констатировать смерть языка. Это потребуется для описания случая иврита и для дальнейших теоретических выводов.

Обзор точек зрения по вопросу, в каких ситуациях язык можно считать мертвым, приводится в работе Т. Цуноды «Угрожаемые языки и языковое возрождение». Перечисляются следующие критерии:

1) прекращение изменений, происходящих в языке (сам автор не считает этот критерий релевантным, утверждая, что даже язык, который принято считать мертвым, продолжает изменяться);

2) прекращение передачи языка следующим поколениям в обществе в целом (при этом могут оставаться отдельные семьи, в которых эта передача по-прежнему происходит);

3) прекращение устной коммуникации на языке в обществе в целом;

4) прекращение передачи языка следующим поколениям во всех семьях без исключения;

5) прекращение устной коммуникации на языке во всех семьях общества;

6) смерть последних носителей.

Сам Цунода предлагает считать язык «мертвым» со смертью последнего частичного носителя [Tsunoda 2006: 36–39].

Принцип определения языковой смерти через перечисление ряда критериев, которые характеризуют разные ее этапы, лежит в основе работы Х.-Ю. Зассе «Теория языковой смерти» ([Sasse 1992]; русский перевод [Зассе 2012]). Зассе приводит континуум ситуаций, которые объединены процессом **сдвига основного языка** (primary language shift), начиная с решения общества прекратить передавать язык детям (разрыва в передаче языка) [Зассе 2012: 441] и заканчивая полной заменой одного языка другим [Там же: 448]. Смерть языка Зассе предлагает констатировать в тот момент, когда на языке прекращается регулярная коммуникация, что понимается как окончание производства устной речи на нем [Там же: 450]. В этот момент еще не происходит полного вытеснения этого языка. Автор отмечает:

У мертвого языка возможны разные виды «останков». Он может продолжать существовать как язык обрядов, как тайный язык, как профессиональный жаргон и т.д. От него иногда остается кодифицированный вариант, который может использоваться в ритуальных и иных целях [Зассе 2012: 447].

Исследователь также рассматривает характерные для процесса вымирания и **распада языка** (language decay) структурные изменения в языке упрощение и редукцию.

Кроме того, Зассе вычленяет еще один важный фактор, который влияет на языковую смерть и определяет ее тип, – статусное положение языка в диглоссии. Различаются «постепенная смерть», когда «язык теряется в результате постепенного сдвига в сторону доминирующего языка в ситуации языкового контакта», и «смерть “снизу вверх”» так называемая «латинская модель», в которой «язык утрачивается сначала в контексте семейного общения и остается только в высоких ритуальных сферах» [Зассе 2012: 452].

В этом отношении Зассе следует за работой Х. Рабина «Языковое возрождение и языковая смерть»¹ [Rabin 1986], для которой понятие диглоссии является ключевым. Он противопоставляет возрождение высокого языка (который мало подвержен изменению) возрождению вернакуляра (меняющегося гораздо более интенсивно): механизмы этих процессов разные [Ibid.: 550, 552]. Возрождение понимается как «увеличение социальной территории языка в пределах той географической территории и той этнической группы, где он использовался и раньше» [Ibid.: 546], т.е. как расширение сфер употребления языка, языковая смерть как их сужение. И то и другое является преодолением ситуации диглоссии.

¹ Перевод названий статей и цитат здесь и далее наш.

Рабин выделяет несколько путей исчезновения языка:

Язык не выходит из употребления в одночасье, он теряет отдельные сферы использования: он может перестать быть разговорным языком, но оставаться языком письменным или наоборот; он может уйти из публичного общения и хозяйственной деятельности, но продолжать использоваться в качестве домашнего языка, и т.д. От него могут отказаться носители, принадлежащие к определенному социальному классу, при том что он будет продолжать использоваться в других классах... [Rabin 1986: 551]

Для нас важны именно те пограничные ситуации, когда язык «теряет отдельные сферы использования», но не выходит из употребления полностью. Попробуем выделить критерии, определяющие язык как мертвый².

Все они указывают на сферы употребления, которые утрачиваются языком:

1. Прекращение передачи языка от родителей к детям, т.е. отсутствие в молодом поколении людей, для которых он был бы родным (при этом язык продолжает использоваться в письменной и даже устной коммуникации), – так обычно происходит, когда один разговорный язык утрачивается в пользу другого, более престижного (например, некоторые языки малых народов России, некоторые языки индейцев США и аборигенов Австралии, языки «старой родины» в эмигрантских общинах).

2. Отсутствие порождения спонтанной устной речи на языке (при этом тексты на нем речитируются, создается письменная продукция) – классический арабский, санскрит и латынь в Средневековье.

3. Отсутствие какой бы то ни было устной речи на языке, в том числе рецитации древних текстов (при наличии письменного функционирования языка), – латынь в странах, где церковь перешла на местные языки, взънянь.

4. Отсутствие порождения письменной продукции на языке (старые тексты могут транслироваться, в том числе путем рецитации) – геэз в современной Эфиопии.

5. Отсутствие и порождения, и чтения письменных текстов на языке – шумерский, аккадский, древнеегипетский, древнегреческий языки.

Проявления этих признаков зависят от статуса языка в диглоссии. Если утрачивается вернакуляр, то обычно имеют место все пять признаков. Если же умирает высокий язык, то третье, четвертое и пятое условия не выполняются. Характер соотношения устного и письменного бытования языка не всегда коррелирует с его статусом: так, для двух языков, являющихся священными в двух регионах, – санскрита в Индии и взъняня в китаецентричном регионе, – значения этого параметра совершенно различны. В Средневековье взънянь бытовал исключительно письменно (устная рецитация текстов на нем происходила в рамках фонологии китайских диалектов), в то время как санскрит почти исключительно устно, так как письменная фиксация священных текстов и научных трактатов в Индии долгое время была маргинальна.

Насколько можно признать мертвым язык, положение которого характеризуется только первыми двумя признаками, остается нерешенным вопросом. Засе, как мы продемонстрировали, согласен с таким подходом, Х. Рабин нет. Он отмечает, что стремление считать такой язык мертвым «основывается на концепте XIX века о примате разговорного языка», и утверждает, что оно коренится в «борьбе за преподавание в школе современных иностранных языков, которые считались “живыми языками” (в противоположность латыни и греческому языкам “мертвым”)» [Rabin 1986: 545]. Речь идет о лингвистической идеологии романтизма, которой свойственно противопоставление устного и «живого» языка как принадлежащего народу и письменного и «мертвого» как лишенного *Volkgeist*³. В статье «Мертвый язык» «Словаря социолингвистических терминов» читаем:

² Автор выражает глубокую благодарность В.М. Алпатову за его устное замечание, на основе которого разработана данная классификация, и за обсуждение статьи с автором.

³ Автор благодарит В.М. Алпатову за консультацию по этому вопросу.

Некоторые лингвисты (В.К. Журавлев) ставят под сомнение применение понятия «мертвый язык» по отношению к языку, получившему в свое время письменную форму существования. Они считают, что этот язык не умирает, а продолжает жить на книжной полке, оставаясь нередко неиссякаемым источником развития живых литературных языков, как книжнославянский для русского, грабар для современного армянского, латынь и древнегреческий для европейских языков, санскрит для южноазиатского культурно-исторического ареала [Словарь 2006: 117].

Случай иврита вызывает споры среди теоретиков. Зассе считает иврит в те эпохи, когда он не был в разговорном употреблении, классическим мертвым языком. Отмечая, что на стадии прекращения коммуникации на языке еще возможно его возродить, если существует «тезаурусно кодифицированный материал языка», Зассе пишет: «самый яркий пример такого возрождения – язык иврит, современный еврейский язык, созданный на базе языка священных текстов более чем 2 000 лет спустя после прекращения регулярной передачи языка» [Зассе 2012: 451]⁴. У авторов «Словаря лингвистических терминов» правомерность употребления термина «мертвый язык» в данном случае вызывает сомнение:

Такой [имеющий письменную форму] «мертвый» язык в определенных условиях теоретически можно «оживить», однако на практике это происходит в исключительных случаях: напр., «ожил» иврит, получив и устные сферы общения в Израиле [Словарь 2006: 117].

Х. Рабин пишет, что взгляд на возрождение иврита как на исключительное явление неверен:

Нам не известно ни одного случая, когда язык был возрожден после того, как был полностью мертв, т.е. не использовался ни одной частью языкового сообщества ни в какой функции. Можно встретить утверждение, что иврит умер примерно в 200 г. н.э., когда перестал быть разговорным, и его возрождение было уникальным событием, фактически чудом. Этот взгляд игнорирует хорошо известный факт, что на протяжении промежуточного периода большинство мужчин молились на иврите, могли понимать по крайней мере сакральные тексты, огромное множество книг на иврите было написано и читалось широкой аудиторией. <...> Не является исключением и превращение прежде письменного языка в разговорный: мы можем наблюдать это явление в постепенном проникновении литературного немецкого (Hochdeutsch) и стандартного итальянского в разговорный узус в последние несколько лет [Rabin 1986: 545–546].

Еще один пример возвращения разговорной функции языку, утратившему ее (на этот раз вернакуляр), – это возрождение корнского языка [Ibid.: 546]. Менее успешный случай – попытка возрождения айнского языка.

Очевидно, что наиболее подробно проблема существования иврита в III–XIX вв. обсуждалась в израильских лингвистических кругах. Прослеживается простая эволюция взглядов на эту проблему. Утверждение, что между III в. и временем возрождения иврита в качестве разговорного языка в Палестине иврит был мертв, сформулировано Элизером Бен-Йегудой в конце XIX в. и стало с тех пор частью государственной идеологии и образовательной риторики. Уже современники Бен-Йегуды писатели Н. Соколов, Х.Н. Бялик, Ш.Й. Агнон, Б. Динур высказывали несогласие с ним [Haramati 1992: 16–19]. В 1951 г. Х. Розен оспаривает этот тезис: исследователь пишет, что нельзя утверждать, что иврит был оживлен, поскольку и до деятельности Бен-Йегуды он был живым языком [Rozen 1951: 3–4]. С тех пор утверждение Бен-Йегуды опровергалось многократно: в работах [Fellman 1974; Haramati 1991; 1992; Rozen 2003; Morag 2004; Eliog 2013]. При этом выдвигаются два основных аргумента:

⁴ Трудно согласиться с датировкой языковой смерти иврита, приведенной Зассе. Русский редактор не соглашается и с диагнозом: «Регулярная передача иврита окончательно не прерывалась; другое дело, что эта передача осуществлялась не от матери к ребенку, а от учителя к ученику, и не с помощью обычных “стратегий передачи языка”, а через письменный текст» [Зассе 2012: 451, сноска 23].

1. Язык, который можно безоговорочно признать мертвым, не может быть возрожден. Таким образом, возрождение иврита само по себе свидетельствует о том, что он не был мертвым языком.

2. На протяжении указанного периода иврит проявлял признаки жизни, причем его использование было достаточно интенсивным.

Наконец, в 1990-х гг. появляется ревизионистская школа, представленная, прежде всего, двумя основными работами: [Hogvath, Wexler, 1997] и [Zuckerman 2008], которая соглашается с Бен-Йегудой в том, что иврит был мертв, но отрицает его возрождение, утверждая, что израильский иврит не является не только продолжением библейского и мишнаитского иврита, но и вообще семитским языком и между ним и прежними изводами иврита нет полноценной преемственности; они выступали в качестве языков-лексификаторов для него, но настоящими его «родителями» являются европейские языки (прежде всего, идиш).

Рассмотрим бытование иврита в III–XIX вв. н.э. в аспекте оппозиции «мертвый язык» «живой язык» и сформулируем ряд соображений, по которым иврит можно отнести к мертвым языкам, и ряд соображений, по которым иврит следует охарактеризовать как язык живой.

Из перечисленных выше пяти признаков мертвого языка два, вне всякого сомнения, для иврита нерелевантны: это п. 3, отсутствие рецитации классических текстов, и п. 5, отсутствие чтения письменных текстов на рассматриваемом языке.

Древние тексты на иврите транслировались, причем не только читались, но и регулярно звучали. Эта традиция была заложена с появлением раннесредневекового пюта [Rabin 1960: 43] – стихотворений, представлявших собой центон из классических текстов и исполнявшихся в синагогальном богослужении, – и не прерывалась с тех пор. Еврейские классические тексты написаны на иврите и арамейском (большинство на иврите), и как литургия, так и индивидуальная молитва включают постоянное устное их произнесение: молитвенника и Библии при чтении в синагоге и индивидуально, Мишны, Талмуда, комментариев и средневековых законодательных сочинений при учебе.

Устная реализация этих текстов не была гомогенной. Во-первых, от общины к общине варьировала мера знакомства с классическими текстами [Morag 2004: 331–332]. Во-вторых, существовало множество региональных традиций произношения иврита, черты которых определяются исторически (диалектом иврита в той местности Палестины, в которой предки общины проживали до миграции в другой регион; а также фонологией местного общинного языка-вернакуляра). Однако с уверенностью можно сказать, что постоянная устная реализация текстов на иврите была принадлежностью всех традиционных еврейских общин без исключения.

Рассмотрим остальные критерии языковой смерти в применении к ивриту: прекращение передачи языка от родителей к детям (п. 1), отсутствие спонтанной устной речи (п. 2) и отсутствие порождения письменных текстов на рассматриваемом языке (п. 4).

1. Передача языка от родителей к детям

В этом отношении иврит в наибольшей степени удовлетворяет определению мертвого языка. Действительно, на протяжении III–XIX вв. иврит не был ни для кого родным языком – неслучайно Г. Цукерман, представитель ревизионистской школы, прибегает именно к этому критерию, когда утверждает, что в Средние века и Новое время иврит был мертвым [Zuckerman 2008: 13].

Исключения появляются только во второй половине XIX в., когда несколько гебраистов независимо друг от друга решают вырастить своих детей исключительно ивритоязычными. Первый такой эксперимент был предпринят в 1886 г. в Минске Шмуэлом-Зелигом Бернштейном: его сын был первым в Новое время ребенком, для которого иврит был родным языком. Вторым таким человеком стал Нохум Слушч, родившийся в 1872 г. в Сморгони и выросший в Одессе, в дальнейшем писатель и историк. Третьим

и самым известным – сын Бен-Йегуды Итамар (год рождения 1882) [Haramati 1992: 165–168]. Наконец, первая девочка, для которой иврит был родным языком, – дочь Генриха Лёве Гадасса – родилась в 1901 г. в Берлине [Schaefer 2002: 69–70].

Традиционное образование обеспечивало ситуацию, при которой все еврейские мальчики могли прочесть текст на иврите. Однако в некоторых общинах было распространено и знание маленькими детьми иврита как разговорного языка. В Испании, Танжере и Италии было принято обучать мальчиков с самого раннего детства словам на иврите. Этот обычай опирался на толкование комментатором Раши (рабби Шеломо Ицхаки, 1040–1105) стиха из Торы: **וְלַמּוֹלֵד לְבָנָיו לְדַבֵּר עִבְרִית** (Втор 11:19, в синодальном переводе «И учите им сыновей своих, говоря о них»). Стих был известен всем взрослым иудеям без исключения, так как он вошел в текст основной иудейской молитвы «Шема Исраэль», речь в нем идет о словах Бога, которым каждый верующий еврей обязан обучить своих детей. Традиция, отраженная, в частности, в синодальном переводе этого стиха, понимает оборот **וְלַמּוֹלֵד לְבָנָיו** как обстоятельство образа действия: «и учите им ... говоря о них». Раши же интерпретирует этот оборот как дополнение: «и учите своих детей говорить ими» [Haramati 1991: 7].

Существовали словари повседневной лексики, включавшие по 600–1000 слов (названия предметов одежды, овощей и фруктов, продуктов, посуды и т.п.) «Диббур тов» (Краков, 1590), «Хиннух катан» (Краков, 1640), «Ор луз» (Венеция, 1681), «Ор лустро» (Венеция, 1684) и др. Считается, что они использовались для обучения маленьких детей [Haramati 1992: 164–165].

2. Спонтанная устная речь

В III–XIX вв. иврит не был естественным средством устной коммуникации. Однако были весьма распространены случаи разговора на иврите в особых видах дискурса или в тех ситуациях, когда использование иврита было вынужденной мерой: при отсутствии другого языка-посредника или при необходимости прибегнуть к ивриту как к криптоязыку.

Не раз отмечается, что евреи из разных стран говорили между собой на иврите.

Именно на иврите говорили посланцы из Палестины, которые посещали еврейские общины в диаспоре и собирали пожертвования [Elior 2013: 65].

Наиболее явной необходимостью общения на иврите была в Палестине. Еще Агнон в 1946 г. отмечал, что в Палестине, где собрались представители 17 диаспор, не было другого общего языка, на котором можно было бы говорить.

Иврит употреблялся в качестве криптоязыка, преимущественно в торговле. Сохранилось и такое драматичное свидетельство: корабль, на котором плыли первый испанский раввин Моше бен Ханох (конец X в.) и его жена, оказался захвачен пиратами; жена раввина, боясь изнасилования, спросила мужа, ожидает ли ее посмертное вознаграждение, если она совершит самоубийство, и, получив утвердительный ответ, бросилась в море. И вопрос, и ответ были произнесены на иврите [Haramati 1992: 64].

Сферой устной коммуникации на иврите были также особые виды дискурса. Существовали общины, в которых на иврите говорили по субботам из соображений святости: например, в кругу каббалиста Й. Каро (Палестина, XVI в.) единственным языком для устного общения в субботу был иврит [Elior 2013: 61; Rabin 1971: 32].

Нередко иврит становился основным языком ученого дискурса. В Йемене и Марокко было принято говорить на иврите в иешивах [Morag 2004: 6].

Использование иврита интенсифицировалось всякий раз с появлением мессианских течений. Лжемессии Эльдад га-Дани (IX в.) и Давид Реувени (XVI в.) говорили только на иврите: Эльдад объявил, что иврит – единственный язык колена Дана, к которому он принадлежит, Давид Реувени утверждал, что это его родной язык. Прибыв из арабоязычного региона в Италию, Реувени разговаривал там только на иврите, и с ним могли поддержать разговор. В XVII в. мессианским течением, обратившимся к ивриту

как языку проповеди, стало саббатрианство [Haramati 1991: 6-7]. Poleмические тексты против саббатрианства также создавались на иврите [Elior 2013: 64].

Способность членов общины свободно изъясняться на иврите была предметом гордости. Центрами устной речи на иврите были Палестина, Голландия и Италия. Интенсивное употребление иврита для устной коммуникации в Палестине и Голландии легко объяснимо, так как оба региона были местом сосуществования разных еврейских общин, Палестина множества, Голландия двух (ашкеназов и изгнанных из Испании в конце XV в. сефардов). Таким образом, иврит был единственным языком общения между еврейскими диаспоральными группами.

Пример Италии является более неожиданным: кроме Северной Италии, где собственно итальянские евреи жили бок о бок с ашкеназами, в Италии не было регионов, где длительно проживали бы разные группы евреев, сохранявшие свои диаспоральные языки. Тем не менее использование разговорного иврита в Италии было более интенсивным, чем в других общинах, кроме Палестины и Голландии. Когда Давид Реувени произносил речи на иврите в Венеции, местное население его понимало. Итальянский раввин Овадья Бартенура, приехав в Иерусалим, дважды в месяц читал проповеди на иврите [Haramati 1991: 6-7]. Автор XVI-XVII вв. Менахем бен Йефуда Луццано писал: «Тот, кто молится на языке, привычном ему, на том, которым пользуется в повседневной жизни, облегчает свою задачу. Тот, кто молится на другом языке, не облегчает, несмотря на то что Бог его все равно поймет. Таким образом, тот, кто сможет приучить себя говорить на святом языке с товарищами, да сделает это и умудрится» [Lunzano 1931: 98]. Раввин и поэт Шемуэль-Давид Луццано (1800-1865 гг.) преподавал в раввинском семинаре в Падуе на иврите. Именно итальянский автор XVIII в. Моше-Хаим Луццано считается родоначальником современного иврита.

В историографии зафиксирована точка зрения, согласно которой итальянская община сохраняла иврит в качестве разговорного языка вплоть до XIX в. и лишь в XIX в., с объединением Италии и утверждением литературного итальянского языка в качестве средства общения, единого для всех регионов страны, она стала италоязычной [Elior 2013: 47]. Однако, скорее всего, она не соответствует действительности: существовал еврейско-итальянский язык диаспоральный вернакуляр; умение говорить на иврите было распространено среди образованных мужчин, прочие же группы населения затруднялись говорить на нем [Haramati 1991: 7].

Одной из возможных причин повышения роли иврита в качестве устного языка послужила ситуация «иврит – *lingua franca* в прошлом», во время миграции в Италию евреев после изгнания из Испании.

Некоторые случаи, которые рассматриваются в историографии как свидетельства устной спонтанной речи на иврите, таковыми, на наш взгляд, не являются. Речь идет о двух группах ситуаций:

1. Случай использования иврита в образовательном процессе (например, [Morag 2004: 6]). По нашему мнению, произнесение гебраизмов учителями и учениками в процессе изучения священных книг нельзя считать доказательствами устной речи на нем. Изучение и толкование классических текстов предполагают использование особого регистра языка-вернакуляра (в применении к идишу он получил отдельное название – *lamdoniše šprach*, 'ученый язык'), где все значимые слова, в первую очередь обсуждаемые понятия, имена и названия, а также логические кванторы, обозначаются словами и целыми синтагмами на иврите, в то время как местоимения и большинство служебных частей речи, а также синтаксис предложений относятся безусловно к вернакуляру. Несмотря на большое количество гебраизмов, такой регистр является разновидностью именно вернакуляра, а не иврита.

2. Случай, когда в источниках употребляется глагол דַבֵּר 'говорить'. Нередко этот глагол, используемый средневековыми авторами, свидетельствует не о спонтанной устной речи на иврите, а об устной реализации гебраизмов и цитат из классических текстов.

Приведем три примера из работы [Haramati 1992] – три пассажа из источников, которые принято интерпретировать как свидетельства употребления иврита в спонтанной устной коммуникации:

1. Аарон бар-Ашер, современник Саади Гаона, писал о произношении жителей города Тверия в Палестине и отмечал удвоенный согласный [r] «при чтении Библии и разговоре» (в классическом иврите /r/ не удваивается). Речь на иврите «в устах мужчин, женщин и детей». Не вполне понятно, насколько речь идет именно о живом разговорном иврите, а не о произношении гебраизмов в еврейском арамейском языке [Haramati 1992: 28].

2. Саадия Гаон и испанский еврейский грамматист конца X в. Ибн-Джанах жалуются на упадок знания иврита, замечая, что каждый «говорит, как ему вздумается», не соблюдая грамматических правил и т.п. Из объяснений следует, что под грамматическими правилами имеется в виду фонетически точное произношение звуков, которые отсутствуют в устном языке региона, и соблюдение фонетических переходов. Сам Ш. Гарамати допускает что, возможно, речь идет об отдельных гебраизмах, вошедших в еврейско-арабский язык [Ibid.: 30–32].

3. Испанский автор XII в. Шеломо бен Пархон писал, что в его регионе в странах арабского завоевания языком общения между евреями из разных местностей является арабский и поэтому использование иврита для разговора редко, в то время как в христианской Европе, где отсутствует общий разговорный язык, роль *lingua franca* выполняет именно иврит. Это свидетельство можно поставить под сомнение: ведь Шеломо бен Пархон пишет об этом, находясь в арабской Испании, и ситуацию в еврейских общинах христианской Европы, скорее всего, знает лишь понаслышке ([Haramati 1992: 66–67]; также [Morag 2004: 6]).

Наконец, возможно, что упоминание об устной речи на иврите было отражением не реальности, а представлений о том, как должно быть. Гарамати упоминает обнаруженный Б. Бишофом иврит-латинский разговорник X в. (руководство для христианских паломников в Палестину). Возможно, что этот разговорник фиксирует живой язык, но вероятнее, что это искусственный жанр: разговорник был составлен в Европе исходя из теоретических предположений о языке, на котором говорят в Палестине.

Вернемся к свидетельствам об устном бытовании иврита, которые представляются нам бесспорными, – спорадическому употреблению иврита в качестве языка-посредника и в определенных дискурсивных практиках.

Факта существования устной речи на иврите не отрицал и создатель представления об иврите как о мертвом языке Бен-Йегуда: «В Иерусалиме и в других святых городах с существенным еврейским населением столкновение людей из разных общин, людей, которые не знали языков друг друга, обусловило необходимость разговаривать на святом языке, который более-менее знали все жители, в особенности мужчины» [Ben Yehuda 1918: 24]. Интересно то, как он оценивает этот факт:

Эта необходимость привела к тому, что даже полные невежды, которые с трудом читали молитвенник, могли выражать на святом языке простые вещи... и так в течение поколений сложился своего рода язык для простой речи, и нет сомнения, что этот язык – пусть он был беден, ограничен и узок – проложил путь для возрождения разговорного иврита в Палестине и облегчил задачу пионерам на этом поприще [Ibid.].

Это замечание Бен-Йегуды, вполне тенденциозное по своей сути, затрагивает важную проблему статуса иврита накануне возрождения. Бытование иврита в Средние века было нормально для ситуации диглоссии. Х. Рабин [Rabin 1971: 32] напоминает, что в Средние века обычно писали не на том языке, на котором говорили, и сравнивает положение иврита с положением латыни, древнегреческого, классического арабского и санскрита: на всех этих языках не только писали и рецитировали классические тексты, но и иногда говорили (произносили речи, проповеди и т.д.). При этом в ситуации диглоссии высокий язык воспринимается как старинный, красивый и утонченный. Бен-Йегуда в данном случае делает обратное утверждение, говоря, что священный

язык может быть примитивным, некрасивым и неприспособленным для коммуникации [Haramati 1992: 19], а значит, о расширении сферы употребления иврита и, в сущности, преодолении диглоссии еще до декларируемого возрождения.

3. Порождение письменной продукции

На протяжении веков, когда иврит не был основным средством устного общения, письменная коммуникация на нем была интенсивна. В Средневековье это являлось прямым следствием ситуации диглоссии, когда для письма и говорения использовались разные языки, и иврит в этом отношении не был уникален (такие же пары составляли латынь – европейские языки, китайский – корейский, китайский – вьетнамский, арабский – разговорные языки исламского региона, санскрит – разговорные индийские языки и т. п.). Именно иврит был языком постоянно производившихся общинных документов, судебной документации, писем; религиозных, философских и нравоучительных сочинений, историографии, полемических текстов, научных трактатов, художественной прозы. Наконец, на протяжении всего рассматриваемого периода на иврите создавалась поэзия.

Как любой письменный язык в ситуации диглоссии, иврит был средством связи между поколениями и регионами.

Однако и в Новое время, когда у многих народов для литературного творчества начинают использоваться бывшие вернакуляры, в еврейской литературе основным языком остается иврит, и вплоть до конца XIX в. идея создания письменной продукции на вернакуляре казалась неочевидной (например, [Miron 1973: 1–14, 34–66]).

Среди литераторов XIX в., писавших на иврите, бытовала точка зрения, что они пишут на мертвом языке. В качестве основного критерия они принимали наличие / отсутствие устной речи на языке – в этом аспекте иврит, действительно, не был живым языком. Для них «неразговорность» иврита была положительным моментом: она препятствовала интерференции с местными языками, т. е. «порче» языка, и замедляла расщепление иврита на диалекты и вообще его изменение [Haramati 1997: 221].

Авторы, полемизирующие с Бен-Йегудой, подчеркивают, что письменный характер существования иврита никак не отрицает его бытования как живого языка и его погруженности в жизнь. Современник и оппонент Бен-Йегуды Бенцион Динур утверждает: «В течение многих поколений иврит выполнял эмоциональные функции в жизни индивида и социальные в жизни еврейского общества» [Dinur 1946: 6]. Похожую аргументацию встречаем в полемической работе [Elior 2013]:

Полным абсурдом было бы утверждать, что тысячи страниц, которые были написаны во всех регионах еврейской диаспоры, изучались во всех общинах и отражали сохранение памяти, теоретические рассуждения, [страниц.] содержащих философские и грамматические сочинения, каббалу и поэзию, законы и литургические тексты, дневники и письма, воспоминания и хроники, историографию и науку, травелоги и мистические дневники, биографии, написаны на мертвом языке и предназначены для чтения на мертвом языке. По мнению читателей и авторов, учеников и молящихся, иврит отражал богатую и бурную жизнь, диалог между поколениями евреев, для которых иврит был сакральным языком, языком культуры, творчества... полемике и культурной связи между поколениями [Elior 2013: 63].

Автор отмечает использование иврита для ведения религиозных споров и в сатирических текстах как свидетельство его эмоциональной нагруженности и заключает: «Иврит всегда был живым языком, растущим, обновляющимся, языком культуры и творчества, жизни и полемики» [Elior 2013: 72].

Таким образом, если следовать перечисленным выше критериям, в III–XIX вв. иврит был мертвым языком только с точки зрения отсутствия людей, для которых он был бы родным. С определенным допущением мы можем счесть его мертвым и в отношении наличия устной спонтанной речи: свидетельства, которые до нас дошли, показывают, что устно иврит использовался либо в той ситуации, когда другого языка-посредника не было, либо тогда, когда этого требовала обрядовая практика. Иными словами, устная коммуникация на иврите была маргинальна.

Х. Рабин приводит интересную интерпретацию этого обстоятельства: иврит не употреблялся в устной повседневной коммуникации не потому, что его не знали, а потому, что это считалось неправильным, неподобающим [Rabin 1971: 32]. Одним из признаков языковой смерти является снижение уровня владения языком. В данном же случае речь идет не об утрате языковой компетенции, а о нежелательности употребления языка в повседневной речи из-за его слишком высокого престижа. Таким образом, Рабин высказывает аргумент в поддержку признания иврита III–XIX вв. живым языком.

Письменные тексты на иврите постоянно порождались, и с этой точки зрения тоже иврит Средневековья и Нового времени живой язык. Спорный вопрос, насколько прагматическая направленность, использование в полемических целях и эмоциональность сами по себе могут быть аргументом за или против отнесения того или иного языка к живым или мертвым. Эти факторы приобретают значение, когда рассматривается изменение языка.

Не имея цепочки передачи от родителей к детям, язык изменяется иначе, чем языки, которые передаются естественным путем, – это аргумент в пользу отнесения иврита III–XIX вв. к мертвым языкам.

Преимущественно письменное бытование языка и постоянная ориентация на классические письменные тексты могут быть сочтены такими аргументами, только если исходить из представления об обязательном устном бытовании живого языка [Rabin 1986: 545].

Признать иврит мертвым языком не позволяет то обстоятельство, что в разные эпохи на иврите решались коммуникативные задачи, типичные для живого языка (сами эти задачи были разного характера в разные эпохи и в разных местностях). Еще два аргумента против – это развитие в иврите регистра, который делал возможной письменную коммуникацию на повседневные темы (и в конечном итоге послужил подготовительным этапом к возрождению иврита в качестве разговорного языка), и сама возможность возрождения языка.

Итак, бытование иврита в период, когда он не был основным разговорным языком евреев Палестины, характеризуется следующими чертами:

- 1) он не передается от родителей к детям, т.е. не является родным ни для кого;
- 2) устная коммуникация на нем маргинальна или отсутствует вовсе;
- 3) он участвует в ситуации диглоссии и выполняет роль высокого (письменного и престижного) языка, и именно это обстоятельство препятствует его использованию в повседневной устной коммуникации;
- 4) продолжается трансляция и рецитация древних текстов на нем;
- 5) на нем создается новая письменная продукция.

Этими же свойствами обладали латынь, классический арабский, вэньянь, с некоторой оговоркой – санскрит вплоть до конца XIX в.

Такие языки мы предлагаем именовать спящими по аналогии с термином «спящий вулкан» и выражением «спящий компьютер».

В англоязычной литературе существуют несколько терминов, в основе которых лежит похожая метафора. Х. Рабин говорит о «*language hibernation*» для обозначения состояния языка перед возрождением [Rabin 1986: 553], Л. Хинтон предлагает использовать термин «*sleeping languages*» [Hinton 2001], К. Лобо, Н. Варнер, К. Луна и Л. Батлер – «*dormant languages*» [Lobo 2001; Warner et al. 2007]. Мы предлагаем использовать этот термин в русскоязычных работах для обозначения языка, состояние которого характеризуется пятью перечисленными выше признаками.

Возрождение для «спящего» языка будет означать приобретение им функций вернакуляра.

В этом смысле рассматриваемый нами случай можно назвать в некоторой степени уникальным. Особенность иврита заключается не в том, что он долгое время почти не использовался в устной коммуникации, а потом вернулся в эту функциональную сферу (это происходило, например, с корнским языком, с некоторыми языками аборигенов Австралии и Америки). Более того, она даже не в том, что это вернувшийся в сферу устной

коммуникации не-вернакуляр (классический арабский язык, который в XX в. перестал быть исключительно письменным языком, тоже не был вернакуляром). Случай иврита уникален тем, что еще до возрождения, когда иврит был языком по преимуществу письменным, в нем происходили процессы, направленные на преодоление диглоссии, и он, не теряя статуса сакрального языка и не переставая идеализироваться, начал использоваться в тех сферах, которые традиционно были закреплены за вернакулярами.

Поставленный вопрос позволяет также переосмыслить оппозицию живого и мертвого языка. Традиционная модель предполагает, что язык может быть либо живым, либо мертвым, и отнести его к одной из групп можно в зависимости от того, удовлетворяет ли он сформулированным выше условиям (есть ли носители, для которых этот язык является родным, порождается ли на нем спонтанная устная речь и печатная продукция и т. п.). При этом исследователь (или публицист) волен выбрать любой параметр из перечисленных в качестве наиболее релевантного и, таким образом, установить определенный порог: если язык имеет определенный набор сфер употребления, то его можно считать живым, а если нет – то невозможно. Выбор такого параметра (скажем, наличие спонтанной речи на этом языке) – т. е. выбор точки отсчета – может быть удобен для установления определенных рамок исследования или в риторических целях (особенно для риторики языкового возрождения). Но, по нашему мнению, этот подход не вполне продуктивен.

Нам кажется более предпочтительной модель континуума ситуаций: от состояния, когда язык не используется вообще, до ситуации его использования во всех сферах коммуникации⁵. Все промежуточные ситуации характеризуются отсутствием у языка той или иной сферы использования. На этот континуум накладывается ситуация диглоссии, и заметна довольно простая корреляция: чем более маргинальна для языка сфера устной коммуникации, тем более высок его статус. Крайний случай этого явления – сакрализация языка – возможен только тогда, когда язык из устной коммуникации вышел практически полностью. Однако нельзя сказать, что эта зависимость взаимнооднозначна: утрата функций (т. е. смещение языка в сторону мертвого) характерна как для престижных языков, так и для вернакуляров.

Таким образом, на наш взгляд, более продуктивен подход, воспринимающий оппозицию «живого» и «мертвого» языка, которая традиционно понималась как эквивалентная, как оппозицию градуальную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зассе 2012 – Х.-Ю. Зассе. Теория языковой смерти // Н.Б. Вахтин (ред.). Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2012.
- Словарь 2006 – Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006.
- Ben Yehuda 1918 – E. Ben Yehuda. Arba' ha rishonot // Luah Ahi'ever. 1918. V. 1.
- Dinur 1946 – B. Dinur. Mefalese derekh. Tel Aviv, 1946.
- Elior 2013 – R. Elior. 'ivrit mi-kol ha-'avarim // Y. Benziman (ed.). Leshon rabim: ha-'ivrit ki-sefat tarbut. Jerusalem, 2013.
- Fellman 1974 – J. Fellman. The revival of a Classical tongue: Eliezer ben Yehuda and the Modern Hebrew language. The Hague, 1974.
- Haramati 1991 – Sh. Haramati. Arba'a she-qadmu le-Ven Yehuda ba-mea ha-19. Jerusalem, 1991.
- Haramati 1992 – Sh. Haramati. 'Ivrit haya bi-merutsat ha-dorot. Rishon le-Tsion, 1992.
- Haramati 1997 – Sh. Haramati. 'Ivrit mi-«siah sefatayim» le-lashon leumit. Tel Aviv, 1997.

⁵ Схожая модель предложена Т. Цунодой: «Сохранность и, напротив, угрожаемое состояние языков составляют континуум, и тот или иной язык может быть сочтен мертвым в любой точке этого континуума» [Tsunoda 2006: 48]. Мы же предлагаем не только отказаться от бинарной оппозиции живых и мертвых языков, но и от практики выбора «точки отсчета» в описываемом континууме ситуаций.

- Hinton 2001 – *L. Hinton*. Sleeping languages: Can they be awakened? // L. Hinton, K. Hale (eds). The green book of language revitalization in practice. San Diego, 2001.
- Horvath, Wexler 1997 – *J. Horvath, P. Wexler* (eds). Relexification in creole and non-creole languages with special attention to Haitian creole, Modern Hebrew, Romani, and Romanian (Mediterranean language and culture monograph series. V. 13). Wiesbaden, 1997.
- Lobo 2001 – *K. Lobo*. Bringing a 'dead' language back to life: Beginning language instruction for dormant languages. MA Thesis. Berkeley, 2001.
- Lunzano 1931 – *M. Lunzano*. Derekh hayim. Lvov, 1931.
- Miron 1973 – *D. Miron*. A traveler disguised. A study in the rise of Modern Yiddish fiction in the nineteenth century. New York, 1973.
- Morag 2004 – *Sh. Morag*. 'Iyunim ba-'ivrit, ba-aramit u-vi-leshonot ha-yehudim. Jerusalem, 2004.
- Rabin 1960 – *Ch. Rabin*. Toldot ha-lashon. Reshimot lefi hartsaotav. 'arkha R. Rozenberg. Jerusalem, 1960.
- Rabin 1971 – *Ch. Rabin*. 'Iqare toldot ha-safa ha-'ivrit. Jerusalem, 1971.
- Rabin 1986 – *Ch. Rabin*. Language revival and language death // J. Fishman, A. Tabouret-Keller, M. Clyne, Bh. Krishnamurti, M. Abdulaziz (eds). The Fergusonian impact. In honor of Charles A. Ferguson on the occasion of his 65th birthday. Berlin; New York; Amsterdam, 1986. V. 2.
- Rozen 1951 – *Ch. Rozen*. Tahalikheshon // Leshonenu la-'am. 1951. № 25.
- Rozen 2003 – *Ch. Rozen*. Qawim la-ḥamishim shenot mada' ha-lashon ba-ḥamishim shenoteha shel medinat Israel. Ha-aqademya ha-leumit ha-isreelit la-mada'im. Jerusalem, 2003.
- Sasse 1992 – *H.-J. Sasse*. Theory of language death // M. Brenzinger (ed.). Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa. Berlin; New York, 1992.
- Schaefer 2002 – *B. Schaefer*. Hebräisch im zionistischen Berlin // B. Michael (ed.). Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert. Göttingen, 2002.
- Tsunoda 2006 – *T. Tsunoda*. Language endangerment and language revitalization: An introduction. Berlin, 2006.
- Warner et al. 2007 – *N. Warner, Q. Luna, L. Butler*. Ethics and revitalization of dormant languages: The Mutsun language // Language documentation and conservation. 2007. V. 1.
- Zuckerman 2008 – *G. Zuckerman*. Israelit safa yafa (Israeli, a beautiful language: Hebrew as myth). Tel Aviv, 2008.

Сведения об авторе:

Александра Леонидовна Полян
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН
alexandra.polyan@gmail.com

Статья поступила в редакцию 23.02.2014.

© 2014 г. П.М. АРКАДЬЕВ

КРИТЕРИИ ФИНИТНОСТИ И МОРФОСИНТАКСИС ЛИТОВСКИХ ПРИЧАСТИЙ

В статье обсуждаются морфосинтаксические признаки литовских причастий, соотносящиеся с принятыми в типологии критериями противопоставления финитных и нефинитных глагольных форм: выражение времени, согласование с субъектом, допустимость и падежное оформление субъекта и т.п. Анализ материала различных употреблений литовских причастий в позиции независимого сказуемого эвиденциальных конструкций, в функции сказуемого актанных, обстоятельственных и атрибутивных зависимых предикаций и в качестве лексического компонента аналитических глагольных форм показывает, что в разных конструкциях причастия демонстрируют существенно разную степень (не)финитности и что морфосинтаксические свойства причастий предопределяются конструкциями, в которых они выступают. Понятия «финитность» и «нефинитность», тем самым, являются неэлементарными и скорее эпифеноменальными.

Ключевые слова: литовский язык, причастия, критерии (не)финитности, конструкции, глагольные и именные категории

The paper discusses the morphosyntactic properties of Lithuanian participles in the light of the cross-linguistic criteria distinguishing between finite and nonfinite verbal forms, i. e. marking of tense, agreement with the subject, expression and case marking of the subject etc. An analysis of the major uses of Lithuanian participles, i. e. as independent predicates of evidential constructions, as heads of subordinate clausal arguments, adjuncts and relative modifiers, and as lexical components of periphrastic verbal forms, shows that in different constructions Lithuanian participles show varying degrees of (non) finiteness and that their morphosyntactic properties are largely determined by the constructions in which they appear. Thus, the notions «finite» and «nonfinite» are shown to be non-elementary and to some extent epiphenomenal.

Keywords: Lithuanian, participles, criteria of (non) finiteness, constructions, verbal and nominal categories

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена признакам финитности и нефинитности причастий литовского языка в различных их употреблениях. Перед тем как переходить к собственно изложению и анализу литовского материала, необходимо остановиться на теоретических и типологических проблемах изучения финитности в современной лингвистике. Именно теоретические и методологические сложности, возникающие при применении понятия «финитность» к материалу конкретных языков, мотивируют нетривиальность поставленной в настоящем исследовании задачи¹.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01345 «Синтаксис нефинитной глагольной предикации». Данная статья основана на докладе, прочитанном на 1-й конференции-школе «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», Институт языкознания РАН, Москва 20–22 сентября 2012 г. Я благодарю участников этой конференции за интересное обсуждение, а также Бьёрна Вимера, Ксению Шагал и анонимного рецензента за чрезвычайно ценные замечания, которые я постарался учесть при подготовке окончательного текста. Все ошибки и неверные трактовки остаются на совести автора.

В традиции описания индоевропейских языков разграничение финитных и нефинитных глагольных форм считается однозначным и основывается на сочетании морфологического и дистрибуционного критериев: финитные («личные») формы содержат показатели лично-числового согласования с подлежащим и способны возглавлять независимое предложение, в то время как нефинитные («неличные») формы лишены показателей лица и не могут выступать в качестве независимого сказуемого, ср. [Brugmann 1892: 836–837; Meier-Brügger 2003: 184; Kortjevskaja-Tamm 1999: 146]. В то же время еще младограмматики осознавали, что с синтаксической точки зрения данное разграничение не является строгим, поскольку нефинитные формы могут «получать те же функции, что и формы с личными флексиями»² [Brugmann 1892: 842]. Один из типичных случаев исторического развития нефинитных форм в финитные в индоевропейских языках – превращение в восточнославянских языках общеславянских л-причастий в формы прошедшего времени при утрате вспомогательного глагола.

Напротив, в современной грамматической типологии, см., например, [Калинина 1998; 2001; Givón 2001: Ch. 18; Cristofaro 2003; 2007; Nikolaeva 2007a; 2013; Creissels 2009], понятие финитности в основном рассматривается как градуальное, а не бинарное и дискретное. Степень (не)финитности той или иной глагольной формы или конструкции определяется на основании ряда признаков, таких как согласование с актантами, выражение глагольных (вида, времени, модальности и т.п.) или именных (число, падеж, род/класс, определенность и т.п.) грамматических категорий, наличие специальных показателей подчиненного синтаксического статуса, особенности кодирования актантов и т.п. (ср. также понятие «шкалы номинализации», см. [Lehmann 1988; Malchukov 2004]). Иной точки зрения придерживается В. Бизанг, в работах которого [Bisang 2001; 2007] предлагается рассматривать финитность как грамматикализованное выражение независимого статуса предикации³; при этом, однако, Бизанг эксплицитно отрицает универсальный статус противопоставления финитности и нефинитности, говоря, что при отсутствии в языке грамматикализованного противопоставления независимых и зависимых предикаций в нем нет и различия финитных и нефинитных форм.

В формальных теориях грамматики, например в минимализме, понятие финитности также рассматривается как неэлементарное (см., в частности, [Landau 2004; Adger 2007]). Финитность обычно сводят к комбинации таких в принципе традиционных параметров, как наличие независимой темпоральной интерпретации и согласования с субъектом по лицу, с которыми связывают признаки референциальной независимости субъекта, непрозрачности клаузы для синтаксических операций извне и ряд других. Нефинитные предикации в минимализме обычно трактуются, во-первых, как имеющие отрицательное значение одного или обоих основных признаков финитности, и во-вторых, как лишенные тех или иных фрагментов характерной для независимых клауз функциональной структуры (например, ряда проекций так называемой «развитой левой периферии», *extended left periphery* [Rizzi 1997], или тех или иных уровней проекции глагольной группы, см., например, [Wurmbrand 2001]).

Вне зависимости от принятых в конкретной грамматической теории формальных или неформальных механизмов трактовки финитности, практически все современные подходы к этой проблеме сходятся в том, что, во-первых, понятие финитности не является элементарным, и, во-вторых, что нефинитные структуры в языках могут быть весьма разнообразны и в том числе различаться по степени своей нефинитности (ср. «есть более одного способа быть нефинитным» [Adger 2007: 26]⁴). При этом очень

² <...> zwischen *verbum finitum* und *verbum infinitum* insofern keine scharfe Grenze zu ziehen ist, als Formen des letzteren dieselbe Function bekamen, die die Formen mit echter Personalendung hatten».

³ «If a language has an overt morphosyntactic marker from which the human parser can derive the independent status of a grammatical structure that language makes a finite/nonfinite distinction» [Bisang 2007: 116].

⁴ «[T]here is more than one way to be non-finite».

важно подчеркнуть, что, поскольку морфосинтаксические критерии (не)финитности, вообще говоря, индивидуальны для каждого конкретного языка, ни один такой признак (например, выражение лица, времени или иллокутивной силы) сам по себе не может рассматриваться в качестве универсального (ср. уже упоминавшиеся восточнославянские языки, где несомненно финитные формы прошедшего времени согласуются с субъектом не по лицу, а, подобно прилагательным в позиции предиката, по роду). Более того, различные параметры (не)финитности необязательно коррелируют между собою, как в пределах конкретноязыковой системы, так и типологически, что привело ряд исследователей к отрицанию типологической значимости этого понятия вообще (ср., в частности, [Cristofaro 2007]).

Возможное решение проблемы (не)финитности было предложено в недавней статье И. Николаевой [Nikolaeva 2013], в которой в рамках так называемого «канонического» подхода к типологии [Corbett 2005; Brown et al. 2013] предлагается набор разнородных критериев, структурирующих типологическое пространство (не)финитных глагольных форм и конструкций. Канонический подход к определению типологических понятий состоит в том, что каждому понятию сопоставляется целый ряд критериев (в общем случае логически независимых) вида «канонический X обладает свойством P», задающих, с одной стороны, «канонический идеал» некоторого явления, удовлетворяющий всем релевантным критериям, и, с другой стороны, пространство типологических возможностей, содержащее явления, по тем или иным признакам отклоняющиеся от «канона». Критерии «канонической финитности» И. Николаевой приведены ниже; запись «A > B» означает «финитная форма канонически обладает признаком A, а не признаком B».

Морфологические критерии:

(C1) маркирование времени > нет маркирования времени

(C2) согласование с субъектом > нет согласования с субъектом

(C3) маркирование наклонения и/или иллокутивной силы > нет маркирования наклонения и/или иллокутивной силы

(C4) маркирование вежливости > нет маркирования вежливости

(C5) маркирование эвиденциальности > нет маркирования эвиденциальности

(C6) нет маркирования переключения референции > маркирование переключения референции

(C7) номинативный субъект > неноминативный субъект

Синтаксические критерии:

(C8) независимая предикация > зависимая предикация

(C9) допустим субъект > нет субъекта

(C10) морфосинтаксическое выражение коммуникативной структуры > нет морфосинтаксического выражения коммуникативной структуры

Семантические критерии:

(C11) ассерция > нет ассерции

(C12) независимая временная референция > нет независимой временной референции

(C13) коммуникативная расчлененность > нет коммуникативной расчлененности

Грамматическая форма или конструкция, демонстрирующая положительные значения всех перечисленных признаков (C1)–(C13), является «канонической», несомненной финитной формой; формы и конструкции, для которых те или иные признаки принимают отрицательные значения или оказываются нерелевантными, тем самым отклоняются в большей или меньшей степени от «идеала» финитности. Наибольший интерес с точки зрения типологии (не)финитности, по-видимому, представляют случаи несоответствий между целыми группами признаков, в частности ситуации, когда формы, нефинитные по морфологическим критериям, демонстрируют семантическое и синтаксическое поведение, характерное для финитных форм (о таких случаях см., в частности, [Калинина 1998; 2001; Nikolaeva 2007b; Evans 2007; Creissels 2009]).

В настоящей работе типологический многофакторный подход к понятиям финитности и нефинитности и в частности критерии, предложенные И. Николаевой, применяются к материалу литовского языка – одного из «классических» индоевропейских языков, обладающего богатым набором глагольных форм, традиционно трактуемых как нефинитные. Глагольные формы литовского языка, традиционно называемые «причастиями», демонстрируют весьма нетривиальное поведение, в разных своих функциях выступая, как будет показано, с разным набором признаков финитности и нефинитности. Основная задача данной статьи – проанализировать морфосинтаксические признаки (не)финитности литовских причастий в разных классах их употреблений и показать, во-первых, что эти глагольные формы нельзя рассматривать как однозначно нефинитные, и во-вторых, что морфосинтаксические признаки литовских причастий определяются конкретными конструкциями, в которых они выступают.

В разделе 1 дается краткий обзор литовских причастий, их основных морфологических особенностей и важнейших контекстов употребления. В разделах 2–4 последовательно рассматриваются морфосинтаксические признаки причастий в трех основных типах употребления: в позиции независимого сказуемого эвиденциальных конструкций, в позиции сказуемого зависимых предикаций и в составе аналитических глагольных форм. В разделе 5 результаты исследования сводятся воедино и обсуждаются.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ЛИТОВСКИХ ПРИЧАСТИЯХ

Сравнительно с другими современными индоевропейскими языками (включая его ближайших родственников латышский, см. [Nau 1998: 42–47], и латгальский, см. [Nau 2011: 57–62]) литовский обладает весьма богатой системой неличных (т.е. не имеющих показателей лично-числового согласования с подлежащим) глагольных форм. Сюда относятся: инфинитив с суффиксом *-ti*, согласуемые конвербы с суффиксами *-dam(as)* (см. [Вимер 2004] и также § 4) и *-in(as)* (см. [Gliwa 2003]), продуктивное отглагольное имя с распределенными по словоизменительным классам глаголов суффиксами *-im(as)/-um(as)*, герундив ('такой, который должен быть подвергнут действию V') с суффиксом *-tin(as)* и, наконец, целая система причастий, о которых см., в частности, [Klimas 1987; Амбразас 1990; Wiemer 2001; Вимер 2007: 201–216]. Ниже речь пойдет по преимуществу о причастиях.

Причастия в литовском языке традиционно определяются как глагольные формы, обладающие категориями времени и залога и, подобно прилагательным (но с рядом формальных особенностей, см. ниже), способные изменяться по роду, числу, падежу и определенности, но не имеющие свойственных морфологически финитным глагольным формам категорий наклонения и лица. Активные причастия подразделяются на согласуемые и несогласуемые. Образование причастий в литовском языке абсолютно продуктивно: полная парадигма причастий всех времен обоих залогов образуется (по крайней мере, потенциально) от любого глагола вне зависимости от его аспектуального класса или переходности. В принципе корректным является сугубо формальное определение причастий как глагольных форм со следующими показателями: *-nt-* (активные причастия настоящего и будущего времени), *-us-* (активные причастия прошедшего времени), *-m-* (пассивные причастия настоящего и будущего времени) и *-t-* (пассивные причастия прошедшего времени). Все эти показатели присоединяются к основам соответствующих времен, за исключением суффикса *-t-*, присоединяющегося непосредственно к корню или словообразовательному суффиксу (о литовских глагольных основах см. [Arkadiev 2012a]). К причастиям также примыкает и вступает с ними в парадигматические отношения уже упомянутый конверб с суффиксом *-dam-*, который используется в обстоятельственных клаузах со значением таксиса одновременности и субъектом, обязательно совпадающим с номинативным подлежащим вышестоящей предикации. Об этой форме по необходимости пойдет речь в п. 4.1, однако ее свойства с точки зрения критериев финитности изучаться не будут, так как в силу своей функциональной ограниченности конверб на *-dam-* демонстрирует гомогенный набор признаков нефинитности.

Таблица 1

Парадигма литовских причастий (глагол *sakyti* 'сказать')

	Активные		Пассивные (m)
	согласуемые (m, f)	несогласуемые	
презенс	<i>sakąs, sakanti</i>	<i>sakant</i>	<i>sakomas</i>
претерит	<i>sakęs, sakiusi</i>	<i>sakius</i>	<i>sakytas</i>
хабитуальное прошедшее	<i>sakydavęs, sakydavusi</i>	<i>sakydavus</i>	–
футурум	<i>sakysiąs, sakysianti</i>	<i>sakysiant</i>	<i>sakysimas</i>

Схематическая парадигма причастий литовского глагола приведена в таблице 1 на примере глагола *sakyti* 'сказать'. В таблицах 2–5 приведены полные парадигмы склонения согласуемых активных причастий настоящего и прошедшего времени, пассивного причастия прошедшего времени, а также, для сравнения, одна из парадигм склонения прилагательных. Как видно из таблиц, пассивные причастия склоняются в точности как прилагательные, а активные причастия имеют особые («короткие») формы в номинативе обоих чисел мужского рода; при этом у причастий настоящего и будущего времени эти особые формы типа *sakąs* выступают в основном в предикативных синтаксических контекстах, в то время как в атрибутивной позиции используются «длинные» формы типа *sakantis*.

Таблица 2

Парадигма склонения активного причастия настоящего времени

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>sakąs ~ sakantis</i>	<i>saką ~ sakantys</i>	<i>sakanti</i>	<i>sakančios</i>
Gen	<i>sakančio</i>	<i>sakančių</i>	<i>sakančios</i>	<i>sakančių</i>
Dat	<i>sakančiam</i>	<i>sakantiems</i>	<i>sakančiai</i>	<i>sakančioms</i>
Acc	<i>sakantį</i>	<i>sakančius</i>	<i>sakančią</i>	<i>sakančias</i>
Ins	<i>sakančiu</i>	<i>sakančiais</i>	<i>sakančia</i>	<i>sakančiomis</i>
Loc	<i>sakančiame</i>	<i>sakančiuose</i>	<i>sakančioje</i>	<i>sakančiose</i>
форма дефолтного согласования: <i>saką</i>				

Таблица 3

Парадигма склонения активного причастия прошедшего времени

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>sakęs</i>	<i>sakę</i>	<i>sakiusi</i>	<i>sakiusios</i>
Gen	<i>sakiusio</i>	<i>sakiusių</i>	<i>sakiusios</i>	<i>sakiusių</i>
Dat	<i>sakiusiam</i>	<i>sakiusiems</i>	<i>sakiusiai</i>	<i>sakiusioms</i>
Acc	<i>sakiusį</i>	<i>sakiusius</i>	<i>sakiusią</i>	<i>sakiusias</i>
Ins	<i>sakiusiu</i>	<i>sakiusiais</i>	<i>sakiusia</i>	<i>sakiusiomis</i>
Loc	<i>sakiusiame</i>	<i>sakiusiuose</i>	<i>sakiusioje</i>	<i>sakiusiose</i>
форма дефолтного согласования: <i>sakę</i>				

Таблица 4

Парадигма склонения пассивного причастия прошедшего времени

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>sakytas</i>	<i>sakyti</i>	<i>sakyta</i>	<i>sakytos</i>
Gen	<i>sakyto</i>	<i>sakytu</i>	<i>sakytos</i>	<i>sakytu</i>
Dat	<i>sakytam</i>	<i>sakytiems</i>	<i>sakytai</i>	<i>sakytoms</i>
Acc	<i>sakytą</i>	<i>sakytus</i>	<i>sakytą</i>	<i>sakytas</i>
Ins	<i>sakytu</i>	<i>sakytais</i>	<i>sakyta</i>	<i>sakytomis</i>
Loc	<i>sakytame</i>	<i>sakytuose</i>	<i>sakytoje</i>	<i>sakytose</i>
форма дефолтного согласования: <i>sakyta</i>				

Таблица 5

Парадигма склонения прилагательного *aukštas* 'высокий'

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>aukštas</i>	<i>aukšti</i>	<i>aukšta</i>	<i>aukštos</i>
Gen	<i>aukšto</i>	<i>aukštų</i>	<i>aukštos</i>	<i>aukštų</i>
Dat	<i>aukštam</i>	<i>aukštiems</i>	<i>aukštai</i>	<i>aukštoms</i>
Acc	<i>aukštą</i>	<i>aukštus</i>	<i>aukštą</i>	<i>aukštas</i>
Ins	<i>aukštu</i>	<i>aukštais</i>	<i>aukšta</i>	<i>aukštomis</i>
Loc	<i>aukštame</i>	<i>aukštuose</i>	<i>aukštoje</i>	<i>aukštose</i>
форма дефолтного согласования: <i>aukšta</i>				

Необходимо остановиться на нетривиальном противопоставлении несогласуемых причастий и форм дефолтного согласования. Первые представлены лишь у активных причастий и в традиционной грамматике называются «деепричастиями» (ср. [Амбразас 1985: 317–321]; в англоязычной грамматике [Ambrzas 1997: 339–340] наряду с термином «gerund» «деепричастие» используется термин «несклоняемое активное причастие» «indeclinable active participle»). Несогласуемые причастия содержат показатель причастия (-*nt* или -*us*) в «голом виде», без каких-либо флексий рода-числа-падежа, и употребляются лишь в функции вершины актантной или обстоятельственной предикации, субъект которой не совпадает с номинативным субъектом матричной клаузы⁵ (подробнее см. раздел 4), ср. пример (1) (аккузативный субъект причастного актанта подчеркнут).

⁵ В этом смысле использование по отношению к этим формам русского термина «деепричастие» кажется крайне неудачным с точки зрения как теории, так и практики преподавания языка, поскольку русские деепричастия и литовские несогласуемые активные причастия, в силу одно-субъектности первых и разносубъектности вторых, практически никогда не служат переводными эквивалентами друг друга.

- (1) Prisi~~min~~-ia~~u~~ sen-ę sak-ius,
вспомнить-PST.1SG старуха-ACC.SG сказать-PST.PA
kad joki~~u~~ būdu neičia~~u~~ pro užpakalines duris].
'Я вспомнил, что старуха говорила, чтобы я ни за что не ходил через заднюю дверь'⁶.

Напротив, формы дефолтного согласования (традиционно именуемые формами «среднего рода», см. [Амбразас 1985: 114–116]), которые в литовском языке имеются не только у всех причастий, но также у всех прилагательных, содержат специальный показатель (= форма мужского рода единственного числа без конечного /s/) и используются в позиции предиката или компонента аналитической глагольной формы при отсутствии в клаузе допустимого контролера согласования, т.е. в общем случае именной группы в номинативе, охарактеризованной по признаку рода. В частности, форма дефолтного согласования появляется в конструкциях с субъектом, выраженным клаузой, пример (2), неодушевленными указательными, неопределенными или вопросительно-относительными местоимениями, пример (3), а также при характерных для литовского языка предикатах без актанта в номинативе (см. о них, в частности, [Holvoet 2013; Wiemer, Bjaradóttir 2014]), пример (4).

- (2) Mums bu~~v~~-o sak~~y~~-t-a, kad niek-am - nė žodži-o.
мы:DAT AUX-PST(3) сказать-PST.PP-DF что никто-DAT ни слово-GEN.SG
'Нам было сказано, что никому – ни слова'.
- (3) Du mylimiausi mokiniai ... – Ananda ir Upalis –
padiktav-o, k-as Mokytoj-o bu~~v~~-o sak~~y~~-t-a.
продиктовать-PST(3) что-НОМ учитель-GEN.SG AUX-PST(3) сказать-PST.PP-DF
'Два любимых ученика – Ананда и Упал – продиктовали, что было сказано Учителем'.
- (4) ...j-iems bū-tų reikėj-ę daug laik-o..
3-DAT.PL.M AUX-IRR(3) быть.нужным-PST.PA.DF много время-GEN.SG
'...им было бы нужно много времени...'

Синтаксических контекстов, в которых несогласуемые причастия конкурировали бы с дефолтными формами, в литовском языке очень мало; один из них – конструкция с фазовым глаголом *liautis* 'перестать', которая будет рассмотрена в разделе 5.

Причастия в литовском языке способны к лексикализации, которой сопутствуют адъективация и субстантивация, ср. *suaugęs* 'взрослый', букв. «выросший» (вырасти:PST.PA), *suprantamas* 'понятный', букв. «понимаемый» (понять:PRS.PP), *sekantis* 'следующий', (следовать:PRS.PA); некоторые литовские прилагательные исторически являются пассивными причастиями прошедшего времени от непереходных глаголов изменения состояния, ср. *baltas* 'белый' < *balti* 'становиться белее', *šaltas* 'холодный' < *šalti* 'становиться холоднее'. Адъективированные пассивные причастия способны, подобно качественному прилагательному, изменяться по степеням сравнения, ср. *suprant-am-esn-is* 'более понятный' (понять-PRS.PP-COMP-NOM.SG.M), *suprant-am-iaus-ias* 'самый понятный' (понять-PRS.PP-SPRL-NOM.SG.M). Активные причастия, насколько можно судить, не допускают изменения по степеням сравнения даже в случае сильной лексикализации⁷.

⁶ В дальнейшем все примеры, если не указано иное, взяты из корпуса литовского языка, <http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/>

⁷ В грамматике А. Шлейхера [Schleicher 1856: 148] упоминается форма *pavarg-esn-is* 'более усталый' (устать.(PST.PA)-COMP-NOM.SG.M < *pavargęs* 'усталый', букв. «уставший») в качестве «редкой»; за пределами этого труда данная форма, однако, не встретилась. Стоит обратить внимание, что в отмеченной Шлейхером форме показатель активного причастия прошедшего времени, строго говоря, отсутствует. Выражение соответствующего значения, разумеется, возможно с помощью лексических средств, например обстоятельства степени *labiau*, ср. *dar labiau išsigandęs* 'еще более испуганный'.

Литовские причастия исключительно полифункциональны (обзоры употреблений причастий см. в уже упомянутых работах) и, как будет показано ниже, в разных контекстах демонстрируют различную степень (не)финитности в принятом здесь ее градуальном понимании. Можно выделить три основных класса употреблений причастий (лишь отчасти пересекающиеся с классификацией, принятой в литуанистике, см., например, [Амбразас 1990]), в соответствии с которыми будет строиться дальнейшее изложение:

(i) причастия в функции независимого сказуемого в эвиденциальных конструкциях;

(ii) причастия в функции зависимого сказуемого актантных, обстоятельственных и атрибутивных предикаций;

(iii) причастия в функции лексического компонента аналитических глагольных форм.

При анализе признаков (не)финитности литовских причастий я буду опираться на приведенный выше список критериев, предложенный И. Николаевой. Из этих критериев меня будут в первую очередь интересовать морфосинтаксические параметры, как-то: (C1) полная vs. редуцированная парадигма времен (как синтетических, так и аналитических) и (C12) независимая темпоральная интерпретация, (C2) характер согласования с субъектом (хотя причастия не имеют категории лица, они способны согласоваться с субъектом по числу и роду, и это согласование наличествует не во всех случаях), (C7) падежное оформление субъекта и (C9) допустимость выраженного субъекта, а также такой критерий собственно нефинитности, как полнота парадигмы именного склонения; критерии (C4) (маркирование вежливости) и (C5) (маркирование эвиденциальности) к литовскому материалу неприменимы, поскольку в литовском отсутствует грамматическое кодирование вежливости, а для выражения эвиденциальности используются сами причастия; по критерию (C3) (маркирование наклонения и иллокутивной силы) литовские причастия во всех своих употреблениях имеют отрицательное значение (см., правда, замечания в § 2). Критерий (C6) (маркирование переключения референции, *switch reference*, см. [Haiman, Munro 1983]) оказывается релевантен для употреблений причастий в позиции сказуемого зависимой предикации и также будет рассмотрен. Семантические критерии (C11) и (C13), связанные с ассертивностью и коммуникативной структурой, исследоваться не будут. Не входящий в список И. Николаевой, но применимый к литовскому материалу критерий сочетаемости с отрицанием также не рассматривается, поскольку литовские причастия во всех своих употреблениях (за рядом исключений, не связанных напрямую с другими критериями финитности) свободно сочетаются с использующимся для отрицания личных форм префиксом *ne-*, также как и с другими «внешними» (словоизменительными) префиксами – рестриктивным *te-* [Arkadiev 2010; Аркадьев в печати а] и континуативным *be-* [Arkadiev 2011; Аркадьев 2012: 85–88].

2. «ФИНИТНЫЕ» ПРИЧАСТИЯ В ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Причастия в литовском языке могут выступать в позиции основного сказуемого (без связки или вспомогательного глагола в личной форме) для выражения косвенной эвиденциальности (репортативной, инферентивной и адмиративной), см. подробнее [Амбразас 1985: 231–235; Litvinow 1989; Gronemeyer 1997; Wiemer 1998; 2006a; Вимер 2007; Holvoet 2001; 2007: Ch. 4, 5]. Употребление нефинитных форм в эвиденциальной функции является ареальной чертой восточной Балтии, будучи представлено также в латышском и эстонском языках, см. [Wälchli 2000; Kehayov 2008]; кодирование не прямой эвиденциальности или иных значений, связанных с пониженной степенью ассертивности [Калинина 2001: 202], при помощи морфологически нефинитных форм довольно широко распространено в языках мира, см. [Aikhenvald 2004: 117–119]. В литовском выделяется два типа эвиденциальных конструкций, которые можно назвать «нейтральными» и «безлично-пассивными». Ниже меня будут интересовать лишь морфосинтаксические особенности литовских эвиденциальных конструкций, от семантики которых я буду полностью отвлекаться.

«Нейтральные» эвиденциальные конструкции отличаются от соответствующих неэвиденциальных лишь морфологией сказуемого (причастие вместо личной формы соответствующего времени); на выражение и оформление актантов не накладывается никаких специальных ограничений. Причастие при этом согласуется с номинативным субъектом в роде, числе (и падеже). Примеры (5)–(8) иллюстрируют нейтральные эвиденциальные конструкции всех синтетических времен.

- Презенс
 (5) Dar niekas man nesak-ė, kad aš gyven-ąs iliuzij-omis.
 что я:NOM жить-PRS.PA.NOM.SG.M иллюзия-INS.PL
 'Еще никто мне не говорил, что я, мол, живу иллюзиями'.

- Претерит
 (6) Jau, matyt t-ie vaik-ai rupkiuk-ai pup-ose
 уже видеть DEM-NOM.PL.M ребенок-NOM.PL негодник-NOM.PL боб-LOC.PL
 був-ę: didžiausi-os bryd-ės palik-t-os.
 быть-PST.PA.NOM.PL.M большущий-NOM.PL.F след-NOM.PL оставить-PST.PP-NOM.PL.F
 'Уже, видно, эти негодники дети были в бобах: большущие следы оставлены' [Амбразас 1985: 234].

- Хабитуалис-в-прошедшем
 (7) Kartkarčiais čia atvažiuo-dav-ęs, tar-ė, bet
 время_от_времени сюда приехать-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M сказать-PST(3) но
 gana retai.
 довольно редко
 '«Время от времени он сюда приезжал, сказал он, но довольно редко»'.

- Футурум
 (8) Valgant Karina Štolovski papasakojo,
 kad savaitgal-į j-ą aplanky-si-ą tėv-ai...
 что конец.недели-ACC.SG 3-ACC.SG.F посетить-FUT-PA.NOM.PL.M отец-NOM.PL
 'За едой Карина Штоловски рассказала, что на выходных ее навещают родители'.

Нужно отметить, что поскольку в литовском языке представлено регулярное и, насколько можно судить, факультативное опущение формы презенса вспомогательно-го глагола в формах перфекта / результата (состоящих из вспомогательного глагола 'быть' и причастия претерита, см. о них подробнее в разделе 5), примеры типа (6) с причастием прошедшего времени в позиции сказуемого потенциально имеют две различные интерпретации, разграничение которых зачастую возможно лишь с опорой на контекст: простой претерит косвенной эвиденциальности и презенс результата (см., например, [Сведенцова 2003]), ср. пример (9), в котором предпочтительно результативное прочтение, а значение косвенной эвиденциальности, напротив, маловероятно.

- (9) Aš apsireng-us-i ispanišk-ą striuk-ę...
 я:NOM надеть:RFL-PST.PA.NOM.SG.F испанский-ACC.SG куртка-ACC.SG
 'Я одета [букв. «надевшая-себе»] в испанскую куртку...'

Наряду с синтетическими, в эвиденциальных конструкциях допускаются и аналитические глагольные формы; в этом случае вспомогательный глагол выступает в причастной форме. Ср. примеры (10) и (11).

- Перфект
 (10) Vieni šneka, kad j-is es-ąs kil-ęs
 что 3-NOM.SG.M AUX-PRS.PA.NOM.SG.M подниматься-PST.PA.NOM.SG.M
 iš senos ir garsios juodųjų lokių giminės, kuri kitados gyvenusi šiuose kalnuose...
 'Одни говорят, что он якобы происходит из знаменитого рода черных медведей, который в прежние времена жил в этих холмах...'

Пассив

- (11) Skleidžiami gandai, kad Aukščiausiosios Tarybos
pirminink-**ui** **bū-si-ąs** **reiški-a-m-as** nepasitikėjim-as.
председатель-DAT.SG AUX-FUT-PA.NOM.SG.M выразить-PRS-PP-NOM.SG.M недоверие-NOM.SG
'Распространяются слухи, будто председателю Верховного Совета будут выражать вотум
недоверия'.

В случае предикатов с неноминативным субъектом причастие выступает в форме дефолтного согласования, ср. примеры (12) с отрицательным бытийным глаголом, требующим генитивного оформления субъекта (ср. [Aleksandravičiūtė 2013]), и (13) с предикатом с дативным экспериментером.

- (12) ...saky-dam-as, kad j-oje **ne-s-ą** "nei istorišk-os
сказать-CNV-SG.M что 3-LOC.SG.F NEG-быть-PRS-PA.DF ни исторический-GEN.SG.F
ties-os, nei dramatini-o nuosakum-o".
правда-GEN.SG ни драматический-GEN.SG.M выразительность-GEN.SG
'... говоря, что в ней нет «ни исторической правды, ни драматической выразительности»'.

- (13) Jaut-ęs kalt-ę ir j-am **reikėj-ę**
чувствовать-PST.PA.NOM.SG.M вина-ACC.SG и 3-DAT.SG.M нужно-PST.PA.DF
išsipasako-ti.
выговориться-INF
'Он (говорил, что) чувствовал вину и ему нужно было выговориться'.

Следует отметить, что, несмотря на то что в литературном литовском языке эвиденциальные конструкции возможны лишь для форм индикатива, которые образуют причастия, выступающие в различных функциях, в диалектах отмечаются специализированные эвиденциальные формы сослагательного наклонения (ирреалиса), образующиеся присоединением показателя активного причастия настоящего времени к форме ирреалиса (см. об этих формах [Holvoet 2007: 88]), ср. пример (14).

- (14) Jeigu **bū-či-ąs** **žinoj-ęs,** kad niek-o
если AUX-IRR-PA.NOM.SG.M знать-PST.PA.NOM.SG.N что ничто-GEN.SG
ne-gau-s, tai **ne-bū-či-ąs** nè iš
NEG-получить-FUT(3) то NEG-AUX-IRR-PA.NOM.SG.M даже из
viet-os **judin-ęs-is.**
место-GEN.SG двигать-PST.PA.NOM.SG.M-RFL
'[Он говорит, что] Если бы он знал, что ничего не получит, то и с места бы не сдвинулся'
([Kučinskaitė, Morkūnas 1964], цит. по [Holvoet 2007: 88]).

Перейдем к «безлично-пассивным» эвиденциальным конструкциям, которые обладают нетривиальным морфосинтаксисом (см. о них [Timberlake 1982; Lavine 1999; 2006; 2010; Wiemer 2006b; Holvoet 2007: 96–104]): в позиции сказуемого выступает пассивное причастие в форме дефолтного согласования, при этом меняется падежное маркирование актантов: субъект оформляется генитивом, а прямой объект номинативом (в некоторых говорах аккузативом), не приобретая, однако, способности контролировать согласование причастия. При этом важно отметить, что перераспределения синтаксических и коммуникативных ролей аргументов, как в стандартной пассивной конструкции, в безлично-пассивной эвиденциальной конструкции не происходит: генитивный субъект сохраняет свойства подлежащего, например способность связывать рефлексивные местоимения, см. (16), а номинативный объект – свойства дополнения [Holvoet 2007: 100–103; Lavine 1999; 2006].

Поскольку пассивные причастия не образуются от хабикулярного прошедшего, а примеры образования таких конструкций с футуральными причастиями исключительно редки (вообще, безлично-пассивные эвиденциальные конструкции, по крайней мере образованные от переходных глаголов, по-видимому, выходят из употребления), вре-

менную парадигму безлично-пассивных эвиденциальных конструкций следует считать редуцированной. Ср. примеры (15)–(18).

- Презенс
- (15) Girdėj-au, j-o miest-e nam-as stat-o-m-a.
 слышать-PST.1SG 3-GEN.SG.M город-LOC.SG дом-NOM.SG строить-PRS-PP-DF
 'Я слышал, он в городе строит дом' [Ambrasas 1997: 281].
- (16) Mam-os_i jau es-a-m-a savo_i kaim-e.
 мама-GEN.SG уже быть-PRS-PP-DF свой деревня-LOC.SG
 'Мама уже, говорят, в своей деревне' [Timberlake 1982: 516].
- Претерит
- (17) Gal Jonuk-o t-ie gryb-ai atneš-t-a.
 может Йонукас-GEN.SG DEM-NOM.PL.M гриб-NOM.PL принести-PST.PP-DF
 'Может, это Йонукас принес те грибы' [Ambrasas 1997: 281].
- Футурум
- (18) Taigi es-a-m-a ir bū-si-m-a bedarbi-ų armij-os...
 также быть-PRS-PP-DF и быть-FUT-PP-DF безработный-GEN.PL армия-GEN.SG
 'Также есть и будет армия безработных...'

Наиболее нетривиальное с теоретической и типологической точки зрения свойство литовских безлично-пассивных эвиденциальных конструкций состоит в том, что они образуются в том числе и от собственно пассивных конструкций, как личных, строящихся на основе переходных глаголов, пример (19), так и безличных, образующихся от непереходных глаголов, пример (20). При этом в «двойных» пассивах на основе переходных глаголов пассивное причастие смыслового глагола согласуется по роду, числу и падежу (генитиву) с субъектом пассивной конструкции (= исходным прямым объектом), а в безлично-пассивной эвиденциальной конструкции, образованной от безлично-го пассива, субъект которого (= исходный субъект непереходного глагола) уже на «первом круге» пассивизации оформлен генитивом, оба причастия – как вспомогательного глагола, так и смыслового – выступают в форме дефолтного согласования.

- (19) ...pasirod-o kuodeli-o užbur-t-o bū-t-a.
 оказаться-PST(3) кудель-GEN.SG заколдовать-PST.PP.GEN.SG.M AUX-PST.PP-DF
 'Оказалось, кудель-то была заколдована' («Eglė žalčių karalienė»⁸).
- (20) J-o bū-t-a išei-t-a.
 3-GEN.SG.M AUX-PST.PP-DF уйти-PST.PP-DF
 'Говорят, он ушел' [Ambrasas 1997: 284].

Признаки (не)финитности литовских причастий в эвиденциальной функции суммируются в таблице 6. Отдельно необходимо прокомментировать признак С8 (независимая предикация), поскольку значительная часть приведенных в этом разделе примеров иллюстрировали употребление эвиденциальных причастий в вводимых изъяснительными союзами зависимых предикациях при глаголах речи, ср. примеры (5), (8), (12). Тем не менее, как показывают примеры (6), (7), (13), (16), (18), эвиденциальные причастия свободно используются и в независимом предложении, как в нейтральной, так и в безлично-пассивной конструкции, и имеют при этом независимую временную референцию.

Таким образом, причастия в литовских эвиденциальных конструкциях в максимальной степени приближаются к собственно финитным формам, выполняя их основную функцию – выражение сказуемого независимого предложения – и демонстрируя максимум характерных для них морфосинтаксических свойств. В этом смысле литовский язык

⁸ <http://www.pasakos.lt/sakmes-pdavimai/egle-zalciu-karaliene-2/>

Признаки (не)финитности эвиденциальных причастий

признак	«нейтральная» конструкция	«безлично-пассивная» конструкция	личные формы
C1 (маркирование времени)	полное	редуцированное	полное
C2 (согласование)	+ (род, число)	–	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклонения)	– (+ в диалектах)	–	+
C7 (номинативный субъект)	+	–	+
C8 (независимая клауза)	+	+	+
C9 (допустимость субъекта)	+	+	+
C12 (независимая временная референция)	+	+	+
именная парадигма	редуцирована (NOM, PRED)	фиксирована (PRED)	–

относится к выделенному в работе [Калинина 1998: 108] типу языков, к которым не применим основной традиционный дистрибутивный критерий финитности – способность глагольной формы возглавлять независимое предложение. При этом, как с наглядностью следует из таблицы 6, причастия в нейтральной и в безлично-пассивной конструкциях обладают существенно различными наборами морфосинтаксических свойств: причастия в нейтральных эвиденциальных конструкциях по целому ряду признаков ближе к «идеалу» финитности, чем причастия в безлично-пассивных эвиденциальных конструкциях.

3. ПРИЧАСТИЯ В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО ЗАВИСИМОЙ КЛАУЗЫ

Причастия в литовском языке регулярно выступают в позиции предиката зависимой клаузы. Эти употребления, в свою очередь, можно разделить на, с одной стороны, актантные и обстоятельственные, демонстрирующие ряд важных сходств, и, с другой стороны, атрибутивные, отличающиеся от первого типа целым рядом существенных признаков. Такое деление в принципе соотносится с традиционной для литуанистики классификацией употреблений причастий на «атрибутивные» и «полупредикативные», в свою очередь подразделяемые на «обстоятельственные» и «изъяснительные» (см. [Амбразас 1985: 306, 312]). Дальнейшее изложение будет строиться в соответствии с указанным противопоставлением.

3.1. Актантные и обстоятельственные причастные клаузы

Литовские причастия могут выступать в качестве вершины сентенциальных сир-константов, интерпретация которых (темпоральная, условная, уступительная и т.п.) обычно определяется контекстом («contextual converbs» в терминологии [Nedjalkov 1995: 106, 108–109]), а также сентенциальных актантов при предикатах речи, мысли и восприятия. Подробнее о синтаксисе этих конструкций см. [Амбразас 1990: 98–179;

Признаки актантных и обстоятельственных причастных конструкций

		согласование	оформление субъекта
односубъектные	актантные	+	∅
	обстоятельственные	+	∅
разносубъектные	актантные	-	ACC
	обстоятельственные	-	DAT

Gronemeyer, Usonienė 2001: 108–112, 116–120; Greenberg, Lavine 2006; Вимер 2009: 179–200; Аркадьев 2011, в печати б; Arkadiev 2012b; 2013].

Основные морфосинтаксические противопоставления в данных употреблениях причастий проходят по признакам «наличие vs. отсутствие согласования» и «выражение подлежащего». Признак [± согласование] функционирует как своего рода механизм переключения референции: согласование по роду и числу (при этом причастие имеет фиксированную форму номинатива) присутствует лишь тогда, когда (нулевой) субъект причастия совпадает с номинативным подлежащим главной клаузы, в противном случае используются несогласуемые причастия (единственное исключение – конструкции со значением непосредственного чувственного восприятия, где причастия настоящего времени могут согласоваться с аккузативным объектом матричного глагола; эти конструкции будут рассмотрены ниже отдельно). Основное же поверхностное различие между причастными актантами и сирконстантами состоит в падежном оформлении их субъектов: у актантов субъект выражен аккузативом, а у сирконстантов – дативом. Указанные морфосинтаксические признаки актантных и сирконстантных причастных конструкций суммированы в таблице 7.

В обоих типах конструкций формы причастий имеют таксисную интерпретацию: их временная референция соотносится с таковой главного предиката, а не с моментом речи. Если в актантных конструкциях при глаголах речи и мысли употребляются причастия любых времен⁹, в том числе аналитических, то в сирконстантных конструкциях используются практически лишь причастия настоящего и простого прошедшего времени (ср. неграмматичный пример (26) с футуральным причастием). При этом в односубъектных сирконстантных конструкциях вместо причастий настоящего времени выступает конверб одновременности на *-dam(as)*, ср. пример (21).

Ниже следующие примеры иллюстрируют односубъектные и разносубъектные сирконстантные причастные конструкции с таксисными значениями одновременности и предшествования.

1.1. Сирконстантные односубъектные конструкции

- Презенс (конверб): таксис одновременности
 (21) *Persireng-dam-a* j-i pasižiūr-i i veidro-d-j.
 переодеваться-CNV-SG.F 3-NOM.SG.F посмотретья-PRS(3) в зеркало-ACC.SG
 'Переодеваясь, она смотрит на себя в зеркало'.

⁹ Как справедливо указывает рецензент, при матричных глаголах восприятия временная интерпретация зависимой клаузы логически ограничена одновременностью воспринимаемой ситуации акту восприятия, см., например, [Cristofaro 2003: 111], так что при таких глаголах должны выступать лишь причастия настоящего времени. В действительности ситуация обстоит сложнее; одновременность главной и зависимой ситуаций требуется для таких матричных глаголов лишь в их прямом значении непосредственного чувственного восприятия, в то время как в значении 'получение информации' ограничения на временную референцию вложенной ситуации снимаются (см. об этом применительно к литовскому [Usonienė 2001; Arkadiev 2012b: 294]).

- Претерит: таксис предшествования
- (22) [Prisimaudži-usi-os, prisiplaukioj-usi-os] išlip-o mergel-ės
 накупаться-PST.PA-NOM.PL.F наплаваться-PST.PA-NOM.SG.F вылезти-PST(3) девушка-NOM.PL
 į krantą ir rengiasi.
 'Накупавшись, наплававшись, вылезли девушки на берег и одеваются' («Eglė žalčiū karalienė»).

- Пассивное причастие претерита: таксис предшествования
- (23) [Paleis-t-as iš kalėjim-o] vert-ė-si
 выпустить-PST.PP-NOM.SG.M из заключение-GEN.SG заниматься-PST(3)-RFL
 gudytojo praktika.
 'Когда его выпустили из заключения, он занимался врачебной практикой'.

1.2. Сирконстантные разносубъектные конструкции

- Презенс: таксис одновременности
- (24) [Man su Povil-u lank-a-nt Baltarusij-os lietuvi-us], ne
 я:DAT с Павел-INS.SG посещать-PRS-PA Белоруссия-GEN.SG литовец-ACC.PL не
 kart-ą siūly-t-a išger-ti svaigal-ų.
 раз-ACC.SG предлагать-PST.PP-DF выпить-INF спиртное-GEN.PL
 'Когда мы с Павлом посещали белорусских литовцев, нам не раз предлагалось выпить спиртного'.

- Претерит: таксис предшествования
- (25) [Vyr-ui parėj-us], Iren-a sėdėj-o virtuv-ėje...
 муж-DAT.SG прийти.домой-PST.PA Ирена-NOM.SG сидеть-PST(3) кухня-LOC.SG
 'Когда муж пришел домой, Ирена сидела на кухне...'

- Футурум: недопустим
- (26) *[Saul-ei nusileisi-ant], atsigul-ė-me.
 солнце-DAT.SG опуститься-FUT-PA лечь-PST(3)-1PL
 ожидаемое значение: 'Перед тем как зашло солнце, мы легли'.

Тем не менее единичные примеры использования в сирконстантных клаузах фу-туральных причастий все же встречаются в предикациях, вводимых подчинительным союзом *prieš* 'перед тем как', ср. пример (27). (Ср. ниже о клаузах, вводимых другим подчинительным союзом *užuot* 'вместо того чтобы'.) Как правило, при данном союзе выступает конверб одновременности (при односубъектности), ср. пример (28), или несогласуемое причастие настоящего времени (при разносубъектности), ср. пример (29).

- (27) [Prieš pat uždang-ai nusileisi-ant], sujund-a grab-as.
 перед сам занавес-DAT.SG опуститься-FUT-PA зашевелиться-PRS(3) гроб-NOM.SG
 'Перед тем как опустится занавес, гроб начинает шевелиться' (B. Sruoga. «Milžino paunksmė». III¹⁰).

- (28) ...[prieš ei-dam-i gul-ti], j-ie rabučiuo-dav-o
 перед идти-CNV-PL.M ложиться-INF 3-NOM.PL.M поцеловать-НАВ-PST(3)
 savo tėvams ranką.
 'Перед тем как идти ложиться, они целовали своим родителям руку'.

- (29) Kodėl praus-ei-si po duš-u ir persireng-ei
 почему мыть-PST.2SG-RFL под душ-INS.SG и переодеться-PST.2SG
 [prieš man atein-a-nt pas jus]?
 перед я:DAT прийти-PRS-PA к вы:ACC
 'Почему ты мылась под душем и переоделась перед тем, как я пришел к вам?'

¹⁰ <http://www.antologija.lt/texts/38/tekstas/10.html>

Отдельная разновидность обстоятельственных причастных конструкций – клаузы с союзом *užuot* 'вместо того чтобы', в которых выступают лишь причастия прошедшего времени (ср. [Вимер 2009: 193]). Субъект причастия в конструкциях с союзом *užuot* всегда нулевой и совпадает с субъектом главной предикации; если последний выражен номинативом, причастие согласуется с ним по общему правилу, ср. пример (30), иначе выступает в несогласуемой форме, ср. пример (31).

(30) Ar, [užuot gav-us-i ties daug], ne-gau-s-iu niek-o
 Q вместо получить-PST.PA-NOM.SG.F столько много NEG-получить-FUT-1SG ничто-GEN
 ir dar pateksiu į nemalonę?
 'Неужели, вместо того чтобы получить так много, я не получу ничего и еще попаду в беду?'

(31) ...[užuot ėm-us nekęs-ti], man j-os pagail-o.
 вместо взять-PST.PA ненавидеть-INF я:DAT 3-GEN.SG.F пожалеть-PST(3)
 '...вместо того чтобы начать ненавидеть, мне стало ее жаль'.

Перейдем к актантным конструкциям при глаголах речи и мысли. В них, как уже говорилось, в отличие от сирконстантных конструкций, допускаются причастия всех времен с любой таксисной интерпретацией, и в том числе причастия, образованные от аналитических конструкций пассива, перфекта и авертива.

1.3. Актантные односубъектные конструкции

Презенс: таксис одновременности
 (32) Kažkur-is skund-ė-si [gyven-ąs praeit-imi
 кто-то-NOM.SG.M жаловаться-PST(3)-RFL жить-PRS.PA.NOM.SG.M прошлое-INS.SG
 ir ne-gal-įs j-os atsikraty-ti].
 и NEG-мочь-PRS.PA.NOM.SG.M 3-GEN.SG.F избавиться-INF
 'Кто-то жаловался, что живет прошлым и не может от него избавиться'.

Претерит: таксис предшествования
 (33) T-uo met-u sak-o-si [dirb-ęs Los Alamos
 DEM-INS.SG.M время-INS.SG сказать-PST(3)-RFL работать-PST.PA.NOM.SG.M Лос Аламос
 Nacionalin-ėje laboratorij-oje].
 национальный-LOC.SG.F лаборатория-LOC.SG
 'Он говорит, что в то время работал в Национальной лаборатории в Лос-Аламосе'¹¹.

Хабитуалис-в-прошедшем: таксис предшествования
 (34) Vaikin-as pasakoj-o [ei-dav-ęs su išties-t-a
 парень-NOM.SG рассказывать-PST(3) идти-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M с протянуть-PST.PP-INS.SG.F
 rank-a ir prašy-dav-ęs pinig-ų].
 рука-INS.SG и просить-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M деньги-GEN.PL
 'Парень рассказывал, что ходил с протянутой рукой и просил денег'.

Футурум: таксис следования
 (35) Tikėj-au žmon-ė-mis, kai j-ie žadė-dav-o
 верить-PST.1SG люди-INS.PL когда 3-NOM.PL.M обещать-НАВ-PST(3)
 [padary-si-ą t-ą bei an-ą].
 сделать-FUT-PA.NOM.PL.M этот-ACC.SG и тот-ACC.SG
 'Я верил людям, когда они обещали сделать то или это'.

Пассив
 (36) ...Vaištar-as kaimyn-ams gyv-ė-si
 Вайштарас-NOM.SG сосед-DAT.PL хвалить-PST(3)-RFL
 [buv-ęs nuvež-t-as į Maskv-ą].
 AUX-PST.PA.NOM.SG.M увезти-PST.PP-NOM.SG.M в Москва-ACC.SG
 'Вайштарас хвастался соседям, что был увезен в Москву'.

¹¹ <http://www.nso.lt/ufo/lazar.htm>

- Перфект-результатив
 (37) Skambin-u, j-i vis sak-o [es-a-nt-i]
 звонить-PRS.1SG 3-NOM.SG.F всё сказать-PRS(3) AUX-PRS-PA-NOM.SG.F
 užsiēm-us-į].
 занять-PST.PA-NOM.SG.F
 'Звоню, а она всё говорит, что занята'.

- Авертив
 (38) Klebon-as sak-ė ... [buv-ęs be-bėg-ąs]
 священник-NOM.SG сказать-PST(3) AUX-PST.PA.NOM.SG.M CNT-бежать-PRS.PA.NOM.SG.M
 tokiam dainininkui užčiaupti burną]...
 'Священник сказал, что ... он было побежал заткнуть рот такому певчему...'

1.4. Актантные разносубъектные конструкции

- Презенс: таксис одновременности
 (39) Senov-ės žemaiči-ai tikėj-ę
 старина-GEN.SG жемайт-NOM.PL верить-PST.PA.NOM.PL.M
 [nam-ų kerči-ose dievaiči-us gyven-a-nt].
 дом-GEN.PL угол-LOC.PL божок-ACC.PL жить-PRS-PA
 'В старину жемайты, говорят, верили, что в углах домов живут духи'.

- Претерит: таксис предшествования
 (40) ...prisimin-ė [j-i buv-us labdaring-ą ir
 вспомнить-PST(3) 3-ACC.SG.M быть-PST.PA благодетельный-ACC.SG.M и
 malon-ų].
 приятный-ACC.SG.M
 'Она вспомнила, что он был щедрым и приятным'¹².

- Хабитуалис-в-прошедшем: таксис предшествования
 (41) ... skatin-a many-ti [j-ą dažnai bū-dav-us susierzinusi-ą] ...
 побуждать-PRS(3) думать-INF 3-ACC.SG.F часто быть-НАВ-PST.PA раздраженный-ACC.SG.F
 '[это] побуждает думать, что она часто бывала раздражена...'¹³

- Футурум: таксис следования
 (42) Vis-i j-ie žadėj-o [netrukus atei-si-ant
 весь-NOM.PL.M 3-NOM.PL.M обещать-PST(3) вскоре прийти-FUT-PA
 pasauli-o pabaig-ą].
 мир-GEN.SG конец-ACC.SG
 'Все они обещали, что вскоре настанет конец света'.

- Пассив
 (43) ...ir dat-a rod-o [j-i buv-us perraš-o-m-ą].
 и дата-NOM.SG показывать-PRS он-ACC.SG.M AUX-PST.PA переписать-PRS-PP-ACC.SG
 '...и дата показывает, что его [сборник] переписывали'.

- Перфект
 (44) ...š-is mieg-as liudij-a [j-ą es-a-nt
 DEM-NOM.SG.M сон-NOM.SG свидетельствовать-PRS(3) 3-ACC.SG.F AUX-PRS-PA
 mir-us-į].
 умереть-PST.PA-ACC.SG.F
 'Этот сон свидетельствует, что она умерла'.

Отдельного рассмотрения заслуживают актантные конструкции при глаголах со значением непосредственного чувственного восприятия, в первую очередь при глаголе 'видеть' (см. [Enghels 2009] о различиях между глаголами зрительного и слухового восприятия в отношении ограничений, накладываемых ими на вложенные ситуации).

¹² <http://www.druskonis.lt/archyvai/2001-02-23/kultura.htm>

¹³ <http://alfa.lt/straipsnis/150854>

Признаки (не)финитности актантных и обстоятельственных причастий

Признаки	обстоятельственные клаузы		актантные клаузы			личные формы
			при предикатах речи и мысли	при предика- тах восприя- тия		
	односубъ- ектные	разносубъ- ектные	односубъ- ектные	разносубъектные		
C1 (маркирование времени)	редуцированное		полное		фиксированное (PRS)	полное
C2 (согласование)	+ (род, число)	-	+ (род, число)	-	+ (род, число, ACC)	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклонения)	-					+
C6 (маркирование переключения референции)	+					-
C7 (номинативный субъект)	(+)	- (DAT)	(+)	- (ACC)	-	+
C8 (независимая клауза)	-					+
C9 (допустимость субъекта)	-	+	-	+	-	+
C12 (независимая временная референция)	-					+
именная парадигма	редуцирована	-	редуцирована	-	редуцирована	-

Во-первых, как уже было сказано выше, поскольку непосредственное восприятие предполагает одновременность акта восприятия и воспринимаемой ситуации, в таких конструкциях логически допускается лишь таксис одновременности и, следовательно, лишь причастия настоящего времени. Тем самым можно говорить о том, что временная парадигма причастий в составе конструкций непосредственного восприятия сильно редуцирована. Во-вторых, как показано в работе [Аркадьев 2011: 58–62], сама синтаксическая структура таких конструкций в литовском языке отличается от структуры предложений с матричными глаголами речи и мысли: если при последних аккузативная именная группа – «логический субъект» вложенной ситуации входит в состав причастной клаузы, то в случае глаголов восприятия есть все основания считать, что этот «логический субъект» выражается в позиции аккузативного прямого дополнения матричного предиката, а причастная клауза является своего рода аппозитивным определением к нему, не имеющим своего собственного субъекта. В-третьих, важен с точки зрения обсуждае-

мых здесь критериев (не)финитности тот факт, что в разносубъектных конструкциях со значением непосредственного восприятия (и, насколько я могу судить, только в них) допускаются не только несогласуемые причастия, как в примере (45), но и причастия, согласующиеся по роду, числу и аккузативу с объектом матричной клаузы, пример (46). Это может говорить как о большей степени интегрированности таких причастных клауз в главную предикацию, так и о том, что они имеют несколько больше именных свойств, чем несогласуемые причастия при матричных глаголах речи и мысли.

(45) ...tu mat-ai žmog-ų [pasilenki-a-nt] prie fontan-o].
 ты:НОМ видеть-PRS.2SG человек-ACC.SG склониться-PRS-PA у фонтан-GEN.SG
 '...ты видишь, как человек склоняется у фонтана'.

(46) An-ą nakt-į motin-ą mač-iau [séd-i-nči-ą] virtuv-ėj
 DEM-ACC.SG ночь-ACC.SG мать-ACC.SG видеть-PST.1SG сидеть-PRS-PA-ACC.SG.F кухня-LOC.SG
 ir pjaust-a-nči-ą raudon-us mės-os gabal-us].
 и резать-PRS-PA-ACC.SG.F красный-ACC.PL.M мясо-GEN.SG кусок-ACC.PL
 'В ту ночь я видел мать сидящей на кухне и режущей красные куски мяса'.

Признаки (не)финитности причастий в составе неатрибутивных зависимых клауз суммированы в таблице 8, каждый столбец которой соответствует одному из подтипов конструкций, выделенных по признакам «односубъектность vs. разносубъектность» и «сентенциальный актант vs. сирконстант»; отдельный столбец занимают конструкции непосредственного восприятия. Легко видеть, что в основном морфосинтаксис конструкций коррелирует с параметром «односубъектность vs. разносубъектность»; актантные и сирконстантные конструкции различаются лишь по степени сохранения причастиями темпоральной парадигмы, которая, как представляется, обусловлена семантическими особенностями каждой из конструкций (в частности, противопоставлением валентностного и обстоятельственного таксиса, см. [Храковский 2009: 35–38], и уже упомянутыми ограничениями на временную референцию актантов глаголов непосредственного восприятия).

3.2. Определительные (релятивные) клаузы

Причастия, возглавляющие определительные клаузы, сохраняют противопоставление по временам (за исключением аналитических) и залогам (агнс при пассивных причастиях оформляется генитивом), однако имеют полную адъективную парадигму, согласуясь с вершиной не только по числу и роду, но и по падежу. Характерное для литовских прилагательных противопоставление определенных и неопределенных форм (см., например, [Holvoet, Spraunienė 2012]), насколько можно судить, свойственно лишь номинализированным причастиям, выступающим как без вершины, так и без актантов, ср. пример (49). Ниже приводятся примеры атрибутивных причастий разных времен обоих залогов; вершина релятивной конструкции, которой соответствует невыраженный субъект причастной клаузы, в примерах подчеркнута.

Активный залог
 Презенс: таксис одновременности
 (47) Atsigręž-ęs mat-au [greit artėj-a-nt-į]
 обернуться-PST.PS.NOM.SG.M видеть-PRS.1SG быстро приближаться-PRS-PA-ACC.SG.M
 eržil-ą.
 жеребец-ACC.SG
 'Обернувшись, вижу быстро приближающегося жеребца'.

Претерит: таксис предшествования
 (48) [Iš mokykl-os parėj-us-io] vaik-o skub-a-me
 из школа-GEN.SG прийти-PST.PA-GEN.SG.M ребенок-GEN.SG спешить-PRS-1PL
 paklausti apie pažymius...
 'Вернувшегося из школы ребенка мы спешим спросить об отметках...'

Признаки (не)финитности атрибутивных причастий

признак	атрибутивные причастия	личные формы
C1 (маркирование времени)	редуцированное	полное
C2 (согласование)	+ (род, число, падеж)	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклонения)	–	+
C7 (номинативный субъект)	–	+
C8 (независимая клауза)	–	+
C9 (допустимость субъекта)	–	+
C12 (независимая временная референция)	–	+
именная парадигма	полная	–

- (49) ...jei... pažadė-s palik-ti gyvyb-ę vis-iems
 если обещать-FUT(3) оставить-INF жизнь-ACC.SG весь-DAT.PL.M
pasidav-us-iesiems.
 сдать-ся-PST.PA-DAT.PL.M.DEF
 'если ... обещает сохранить жизнь всем сдавшимся'.

Хабитуалис-в-прошедшем: таксис предшествования

- (50) ...vien-as **ponait-is,** [vasar-ą **atvažiuo-dav-ęs**
 один-NOM.SG.M барчук-NOM.SG лето-ACC.SG приехать-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M
 į mūs[ų] kaim-ą].
 в наш деревня-ACC.SG
 '...один молодой барин, летом приезжавший в нашу деревню'.

Футурум: таксис следования

- (51) ...geriau po truputį rūpinkimės tais, kurie nesulauks
 [po 40 met-ų **atei-si-anči-o]** **pagerėjim-o.**
 после 40 год-GEN.PL прийти-FUT-PA-GEN.SG.M улучшение-GEN.SG
 '...давайте лучше позаботимся о тех, кто не дожидется улучшения, которое наступит через 40 лет'.

Пассивный залог

Презенс: таксис одновременности

- (52) Mėgėjų komandos, neturėdamos kur žaisti, noriai dalyvavo
 [mūs-ų **rengi-a-m-uose]** **turnyr-uose.**
 мы-GEN устраивать-PRS-PP-LOC.PL.M турнир-LOC.PL
 'Команды любителей, не имея площадок для игры [в баскетбол], охотно участвовали в организуемых нами турнирах'.

Претерит: таксис предшествования

- (53) ...[valdov-o aistr-os **apakin-t-am]** **Erod-ui** ne-reiki-a
 владыка-GEN.SG страсть-GEN.SG ослепить-PST.PP-DAT.SG.M Ирод-DAT.SG NEG-нужно-PRS(3)
 joki-o Diev-o...
 никакой-GEN.SG.M Бог-GEN.SG
 '...ослепленному жадной власти Ироду не нужно никакого Бога...'

- Футурум: таксис следования
- (54) ...kaip tur-i laiky-ti-s svarsty-si-m-ų reikal-ų
 как должен-PRS(3) держать-INF-RFL обсуждать-FUT-PP-GEN.PL дело-GEN.PL
 atžvilgi-u.
 отношение-INS.SG
 '...как должны держаться в отношении дел, которые будут обсуждаться'.

Признаки (не)финитности причастий в составе атрибутивных зависимых клауз суммированы в таблице 9. Как видно, атрибутивные причастия весьма значительно отстоят от «идеала» финитности, обладая, напротив, практически полной адъективной парадигмой.

* * *

В заключение данного раздела можно указать на то, что литовские причастия в позиции вершины зависимой клаузы в разной степени проявляют глагольные и именные свойства. Ближе всего к финитному полюсу располагаются разносубъектные актантные конструкции при глаголах речи и мысли, а дальше всего атрибутивные конструкции и близкие к ним разносубъектные актантные конструкции при глаголах восприятия, в то время как односубъектные актантные конструкции и оба типа сирконстантных конструкций занимают промежуточное положение.

4. ПРИЧАСТΙΑ В СОСТАВЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Основные аналитические глагольные формы в литовском – пассив, перфект-результатив и авертив – образуются при помощи вспомогательного глагола *būti* 'быть' (форма презенса которого, как уже было сказано в разделе 3, может опускаться, что приводит к омонимии ряда аналитических форм с эвиденциальными конструкциями) и причастий презенса или претерита одного из залогов, см. таблицу 10. Подробнее о функционировании этих форм см. [Генюшене 1974; Wiemer 2004; Geniušienė 2006] о пассиве, [Генюшене, Недялков 1983; Geniušienė, Nedjalkov 1988; Wiemer, Giger 2005: 43–47; Аркадьев 2012: 98–106] о перфекте-результативе и [Sližienė 1961; Arkadiev 2011; Аркадьев 2012: 106–112] об авертиве. Необходимо подчеркнуть, что в данном разделе речь пойдет о морфосинтаксических характеристиках именно причастий в составе указанных аналитических конструкций, а не самих этих конструкций в той мере, в какой свойства причастий вообще могут быть отграничены от свойств конструкций.

Отдельно имеет смысл выделять также форму контрфактива, состоящую из сослагательного наклонения (ирреалиса) вспомогательного глагола и активного причастия прошедшего времени смыслового глагола (см., например, [Амбразас 1985: 227–229; Holvoet 2007: Ch. 3]); в большинстве случаев контрфактив формально совпадает с ирреалисом результата (в активном залоге) или пассива, однако может быть отграничен от них по семантическим и сочетаемым критериям, а кроме того, существуют особые «сверхсложные» формы контрфактива перфекта, содержащие два вспомогательных глагола, ср. пример (55). Для дальнейшего обсуждения, однако, формы контрфактива

Таблица 10

Аналитические глагольные формы литовского языка

	форма вспомогательного глагола	форма причастия
перфект / результатив	любая	активное PST
пассив	любая	пассивное PRS или PST
авертив	в основном PST	<i>be-</i> + активное PRS

малорелевантны, поскольку причастия в них по своим морфосинтаксическим признакам не отличаются от таковых в иных аналитических конструкциях.

- (55) Suvokiau, jog to nebūtų įvykę,
 jeigu t-am iš anksto **bū-čiau** **buv-us-i**
 если DEM-DAT.SG.M заранее AUX-IRR.1SG AUX-PST.PA-NOM.SG.F
pasiruoš-us-i
 приготовиться-PST.PA-NOM.SG.F
 'Я поняла, что этого бы не случилось, если бы я была к этому заранее готова'.

Активные причастия в составе аналитических конструкций наследуют аргументную структуру и падежное управление глагольной лексемы, в том числе позицию субъекта¹⁴, а пассивные причастия закономерным образом преобразуют эту структуру (см. об этом в первую очередь [Генюшене 1974]). Причастие согласуется с подлежащим в роде, числе и падеже; в случае финитного вспомогательного глагола причастие имеет форму номинатива при номинативном подлежащем, ср. примеры (56), (58) и (59), либо форму дефолтного согласования при отсутствии такового, ср. пример (57).

- Перфект / результатив
 (56) Žod-is «komunikacija» **yra** **atėj-ęs**
 слово-NOM.SG коммуникация AUX.PRS:3 прийти-PST.PA.NOM.SG.M
 iš lotynų kalbos.
 'Слово «коммуникация» пришло из латинского языка'¹⁵.

- Пассив
 С причастием презенса – имперфективный пассив
 (57) Ar j-is išsiaiškin-a, k-as **bu-s** **stat-o-m-a**
 q 3-NOM.SG.M объяснить-PRS(3) что-NOM.SG AUX-FUT(3) строить-PRS-PP-DF
 jo teritorijoje?
 'Он объясняет, что будет строиться на его территории?'

- С причастием претерита – перфективный/статальный пассив
 (58) Diev-o viet-oje **buv-o** **pastaty-t-as** žmog-us...
 Бог-GEN.SG место-LOC.SG AUX-PST(3) поставить-PST.PP-NOM.SG.M человек-NOM.SG
 'На место Бога был поставлен человек...'

- Авертив
 Jau **buv-au** **be-atidar-ęs** automobili-o dur-is,
 уже AUX-PST.1SG CNT-открыть-PRS.PA.NOM.SG.M автомобиль-GEN.SG дверь-ACC.PL
 kai mane pašaukė.
 'Я уже собирался открывать двери автомобиля, когда меня позвали'.

В нефинитных контекстах – при безлично-пассивной эвиденциальной конструкции (см. раздел 3), в актантных причастных предикациях (см. раздел 4.1) и в инфинитивных клаузах – подлежащее и согласованное с ним причастие могут выступать в генитиве, дативе или аккузативе, ср. примеры (60)–(62).

¹⁴ В связи с этим я не могу согласиться с утверждением рецензента, что «русские формы будущего времени типа *будет неть* сочетаются с подлежащим в именительном падеже, но едва ли разумно считать, что в данном случае мы имеем дело со способностью инфинитива сочетаться с именными группами в номинативе». Разумеется, актантная структура формы будущего времени полностью предопределяется актантной структурой лексического глагола, который в данном случае выступает в инфинитиве; при отсутствии у глагола подлежащего в именительном падеже такое не возникает и в форме аналитического будущего, вспомогательный глагол в составе которой не имеет своих актантов и не способен управлять никаким падежом, ср. *мне захочется спать ~ мне будет хотеться спать*.

¹⁵ <http://lt.wikipedia.org/wiki/Komunikacija>

Согласование с неноминативным субъектом в нефинитных клаузах

Генитив в безлично-пассивной эвиденциальной конструкции

- (60) **Kulk-os** **bū-t-a** **išėj-us-ios** **kiaurai.**
 пуля-GEN.SG AUX-PST.PP-DF выйти-PST.PA-GEN.SG.F насквозь
 'Пуля, очевидно, прошла насквозь'.

Аккузатив в актантной причастной предикации

- (61) ...ir dat-a god-o [i-i] **buv-us** **perraš-o-m-ą].**
 и дата-NOM.SG показывать-PRS он-ACC.SG.M AUX-PST.PA переписать-PRS-PP-ACC.SG
 '...и дата показывает, что его [сборник] переписывали' (= 43).

Датив в инфинитивной предикации

- (62) ...visada reiki-a [Ø_{DAT} **bū-ti** **pasireng-us-iam** **prasmeg-ti].**
 всегда надо-PRS(3) AUX-INF приготовиться-PST.PA-DAT.SG.M провалиться-INF
 '...всегда надо быть готовым к провалу'.

К аналитическим формам примыкает конструкция с фазовым глаголом *liautis* 'перестать', в которой выступают активные причастия претерита (см. [Генюшене 1985]). Конструкция имеет три варианта в зависимости от типа субъекта матричного и зависимого глаголов: (i) если зависимый глагол имеет подлежащее в номинативе, а *liautis* выступает в конструкции с номинативным подлежащим, то причастие зависимого глагола согласуется стандартным образом, ср. пример (63); (ii) если вложенный глагол безличный (т. е. не имеет номинативного субъекта), его причастие выступает в форме дефолтного согласования, ср. пример (64); наконец, если сам матричный глагол выступает в конструкции без номинативного субъекта, например, в инфинитивной предикации, то вложенный предикат имеет форму несогласуемого причастия, см. пример (65).

- (63) **Jūr-a** **liov-ė-si** **bangav-us-i.**
 море-NOM.SG перестать-PST(3)-RFL волноваться-PST.PA-NOM.SG.F
 'Море перестало волноваться'.

- (64) ...tačiau galų gale **liov-ė-si** **lij-ę**
 однако в_конце_концов перестать-PST(3)-RFL идти.О.ДОЖДЕ-PST.PA.DF
 ir potvynio vandenys pradėjo slūgti.
 '...в конце концов перестал идти дождь и воды потопа начали спадать'¹⁶.

- (65) **Mam-a** **liep-ė** **liau-ti-s** **kalbėj-us** **toki-as**
 мама-NOM.SG велеть-PST(3) перестать-INF-RFL говорить-PST.PA такой-ACC.PL.F
 kvailyst-es...
 глупость-ACC.PL
 'Мама велела перестать говорить такие глупости'.

Признаки (не)финитности причастий в составе аналитических форм приведены в таблице 11. Как видно, причастия в конструкциях со вспомогательными глаголами сохраняют лишь немногие глагольные свойства, в первую очередь связанные с выражением аргументов, поскольку актантная структура конструкции (по крайней мере, активной) наследуется от глагольной лексемы без изменений. Собственно глагольная парадигма причастия в каждой из аналитических конструкций сильно редуцирована, а именные свойства (изменение по падежам), напротив, хотя и редуцированы в сравнении с атрибутивными причастиями, все же наличествуют (следует особо подчеркнуть, что литовские причастия в составе аналитических конструкций имеют не только форму номинатива, но и – при специальных и хорошо определенных, хотя и не описанных систематически в грамматиках литовского языка, условиях – также формы трех косвенных падежей). Признак С8 (независимая клауза) у причастий в составе аналитических форм принимает отрицательное значение «тривиальный образ» – независимую клаузу способен, хотя и не обязан, формировать вспомогательный глагол, а не само

¹⁶ <http://www.archyvai.info/biblinis-tvanas-ir-nojaus-laivas/>

Признаки (не)финитности причастий в составе аналитических форм

	авертив	перфект	пассив	<i>liautis</i> + V	личные формы
C1 (маркирование времени)	фиксировано (PRS)	фиксировано (PST)	редуцировано (PRS, PST)	фиксировано (PST)	полное
C2 (согласование)	+ (род, число, падеж)			+ (род, число)	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклона)	-				+
C7 (номинативный субъект)	+				+
C8 (независимая клауза)	-				+
C9 (допустимость субъекта)	+				+
C12 (независимая временная референция)	-				+
именная парадигма	редуцирована				-

причастие. Вопрос же о том, обладают ли причастия в рамках тех или иных аналитических конструкций какими-либо свойствами самостоятельных зависимых клауз, требует отдельного обсуждения.

5. ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в разделах 3–5 морфосинтаксические признаки (не)финитности различных употреблений литовских причастий сведены в обобщающую таблицу 12. Поскольку критерии (не)финитности по работе [Nikolaeva 2013] были подробно представлены в таблицах 6, 8, 9 и 11, сведение которых воедино было бы чрезвычайно громоздким и избыточным, обобщающая таблица объединяет эти критерии в содержательные группы и исключает те из них, которые для всех причастий принимают одинаковое значение (например, выражение наклона).

Основной вывод, который можно сделать из рассмотренного материала и таблицы 12, состоит в том, что литовские причастия в целом (определяемые на основании чисто морфологических критериев, т.е., если угодно, морфомы в понимании [Aronoff 1994; Round 2011]) нельзя однозначно трактовать как нефинитные формы: в различных своих употреблениях они демонстрируют существенно разный «баланс» глагольных и именных характеристик – от фактически финитных употреблений в эвиденциальных конструкциях до высокой степени нефинитности в атрибутивных употреблениях (не говоря уже о нередких случаях лексикализации, фактически сопровождающейся полной утратой глагольных свойств и превращением причастия в имя).

Морфосинтаксические признаки литовских причастий

конструкция		парадигма времен	оформление субъекта	согласование с субъектом	парадигма склонения	
личные формы		полная	NOM	+	-	
эвиденциальные конструкции	нейтральные	полная	NOM	+	редуцирована (NOM)	
	безлично-пассивные	редуцирована	GEN	-	редуцирована (DF)	
актантные конструкции	односубъектные	полная		+	редуцирована (NOM)	
	разносубъектные	при глаголах речи и мысли	полная	ACC	-	-
		при глаголах восприятия	фиксирована (PRS)	∅	+/-	редуцирована (ACC)
обстоятельственные конструкции	односубъектные	редуцирована	∅	+	редуцирована (NOM)	
	разносубъектные	редуцирована	DAT	-	-	
	конструкция с союзом <i>izuot</i>	фиксирована (PST)	∅	+	редуцирована (NOM)	
	конструкция с союзом <i>prieš</i>	редуцирована (PRS, FUT)	∅ ~ DAT	+	редуцирована (NOM)	
определятельные конструкции		полная	∅	-	полная	
конструкции со вспомогательными глаголами	авертив	фиксирована (PRS)	NOM	+	редуцирована	
	перфект-результатив	фиксирована (PST)				
	пассив	редуцирована (PRS, PST)				
конструкция с глаголом <i>liautis</i>		фиксирована (PST)	∅	+	редуцирована (NOM, DF)	

Не менее важным, однако, представляется то, что проанализированные здесь морфосинтаксические признаки причастий не соотносятся друг с другом тривиальным образом и, в частности, не всегда однозначно коррелируют (например, редуцированная временная парадигма необязательно имплицитно подразумевает развитую именную, и наоборот). С другой стороны, корреляции между некоторыми признаками носят сугубо формальный характер и не соотносятся напрямую с другими параметрами (не)финитности – это

касается в первую очередь согласования причастия с субъектом и оформления последнего номинативом. Тем самым, несмотря на то что для литовских причастий можно выделить два «полюса» на шкале финитности, различные их употребления образуют не четкую иерархию, организованную в соответствии с постепенным убыванием глагольных и накоплением именных свойств, а скорее многомерное и притом неравномерно заполненное пространство.

Таким образом, следует говорить о том, что тот или иной набор признаков причастий определяется морфосинтаксическими и семантическими особенностями конкретных конструкций, в которых они выступают, и в этом смысле именно конструкции, а не конкретные глагольные формы следует характеризовать как более или менее финитные (ср. сходные выводы в работе [Creissels 2009] о причастиях в ахвахском языке или наблюдения над балансом именных и глагольных характеристик отглагольного имени в кабардинском языке в работе [Ершова 2012]). Более того, мотивация набора свойств причастий в тех или иных конструкциях зачастую лежит в диахронических связях этих конструкций с другими. Так, нейтральные эвиденциальные конструкции, по всей видимости, возникли в результате и н с у б о р д и н а ц и и (расподчинения) [Evans 2007] односубъектных актантных причастных предикаций, что хорошо объясняет сходства в морфосинтаксических характеристиках выступающих в них причастий (об этой гипотезе см. [Wiemer 1998]; альтернативная и, на мой взгляд, скорее дополняющая, нежели отрицающая данную гипотезу о происхождении эвиденциальных конструкций из форм перфекта высказана в работах [Wälchli 2000: 191–197; Holvoet 2007: 92–93]). Напротив, разносубъектные актантные и обстоятельственные причастные конструкции имеют совершенно иное (и нетождественное, см. [Амбразас 1990: 141–179; Аркадьев в печати б]) происхождение; в ходе своей эволюции, в частности, они в результате чисто морфологического процесса изменили значение признака «согласование с субъектом» с положительного на отрицательное.

Заключая, отмечу, что, во-первых, литовские данные наглядно и убедительно демонстрируют элементарность понятий «финитность» и «нефинитность» применительно не только к типологическому сопоставлению (в качестве comparative concepts по [Haspelmath 2010]), но и к описанию конкретного языка (т.е. в качестве descriptive categories в терминологии той же работы) и необходимость многофакторного подхода к анализу морфосинтаксических характеристик глагольных форм наподобие того, что предложен в работе [Nikolaeva 2013]. Действительно, в рамках традиционной трактовки финитности как бинарного признака, основанного на единственном морфологическом или дистрибутивном критерии, вопрос о «степени (не)финитности» того или иного употребления причастий вообще не имеет смысла, а полученные в результате нашего исследования данные и обобщения об именных и глагольных свойствах причастий в составе различных конструкций в лучшем случае оказались бы разрозненными наблюдениями (как это и происходит в литовских грамматиках или в статье [Klimas 1987]).

Во-вторых, материал литовского языка показывает, если угодно, «эпифеноменальность» дихотомии «финитность vs. нефинитность» по отношению к конкретным конструкциям (вне зависимости от того, какой теоретический аппарат использовать при их описании), совокупность формальных и семантических свойств которых во многом предопределяет конкретный набор значений признаков (не)финитности у выступающих в их составе глагольных форм. Наконец, сама по себе полифункциональность и гетерогенность морфосинтаксических свойств литовских причастий говорит в пользу таких моделей взаимодействия морфологии и синтаксиса, в которых тождество формального экспонента, которым оперирует морфологический компонент грамматической системы, необязательно подразумевает единство функционального содержания и синтаксического поведения соответствующих языковых единиц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ACC – аккузатив, AUX – вспомогательный глагол, CNT – континуатив, CNV – конверб, COMP – сравнительная степень, DAT – датив, DEF – определенность, DEM – указательное местоимение, DF – дефолтное согласование, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, HAB – хабитуалис, INF – инфинитив, INS – инструменталис, IRR – ирреалис, LOC – локатив, M – мужской род, NEG – отрицание, NOM – номинатив, PA – активное причастие, PL – множественное число, PP – пассивное причастие, PRED – предикат, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, Q – вопрос, RFL – рефлексив, SG – единственное число, SPRL – превосходная степень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбразас 1985 – В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Амбразас 1990 – В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Vilnius, 1990.
- Аркадьев 2011 – П.М. Аркадьев. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5.
- Аркадьев 2012 – П.М. Аркадьев. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // В.А. Плуныян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta linguistica petropolitana. T. VIII. Ч. 2) СПб., 2012.
- Аркадьев в печати а – П.М. Аркадьев. Глагольная рестриктивность в литовском языке // С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика (ред.). Studia typologica octogenario Victoris Samuelis filii Khrakovskii dedicata (Acta linguistica petropolitana). В печати.
- Аркадьев в печати б – П.М. Аркадьев. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». В печати.
- Вимер 2004 – Б. Вимер. Таксис и коинцидентия в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Вимер 2007 – Б. Вимер. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Вимер 2009 – Б. Вимер. Таксис в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Генюшене 1974 – Э.Ш. Генюшене. Диатезы и залого в современном литовском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
- Генюшене 1985 – Э.Ш. Генюшене. Двупредикатные фазовые конструкции в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Генюшене, Недялков 1983 – Э.Ш. Генюшене, В.П. Недялков. Результатив, пассив и перфект в литовском языке // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Ершова 2012 – К.А. Ершова. Именные и глагольные свойства бесленеевского масдара // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. 2012. Вып. VII.
- Калинина 1998 – Е.Ю. Калинина. Разграничение финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 1998. № 4.
- Калинина 2001 – Е.Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- Сведенцова 2003 – Е.А. Сведенцова. Перфективность, результативность и инференциальность в литовском языке: сочетание значений и совмещение форм // В.С. Храковский (ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы конференции. СПб., 2003.
- Храковский 2009 – В.С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Adger 2007 – D. Adger. Three domains of finiteness: a Minimalist perspective // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Aikhenvald 2004 – A. Yu. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.

- Aleksandravičiūtė 2013 – *S. Aleksandravičiūtė*. The semantic effects of the subject genitive of negation in Lithuanian // *Baltic linguistics*. 2013. V. 4.
- Ambrazas 1997 – *V. Ambrazas* (ed.). Lithuanian grammar. Vilnius, 1997.
- Arkadiev 2010 – *P.M. Arkadiev*. Notes on the Lithuanian restrictive // *Baltic linguistics*. 2010. V. 1.
- Arkadiev 2011 – *P.M. Arkadiev*. On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // *Baltic linguistics*. 2011. V. 2.
- Arkadiev 2012a – *P.M. Arkadiev*. Stems in Lithuanian verbal inflection (with remarks on derivation) // *Word structure*. 2012. V. 5. № 1.
- Arkadiev 2012b – *P.M. Arkadiev*. Participial complementation in Lithuanian // *V. Gast, H. Diessel* (eds). *Clause linkage in cross-linguistic perspective: Data-driven approaches to cross-clausal syntax*. Berlin; New York, 2012.
- Arkadiev 2013 – *P.M. Arkadiev*. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective // *Linguistic typology*. 2013. V. 17. № 3.
- Aronoff 1994 – *M. Aronoff*. *Morphology by itself. Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA); London, 1994.
- Bisang 2001 – *W. Bisang*. Finite vs. non-finite languages // *M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible* (eds). *Language typology and language universals. An international handbook*. V. 2. Berlin, 2001.
- Bisang 2007 – *W. Bisang*. Categories that make finiteness: discreteness from a functional perspective and some of its repercussions // *I. Nikolaeva* (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Brown et al. 2013 – *D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett* (eds). *Canonical morphology and syntax*. Oxford, 2013.
- Brugmann 1892 – *K. Brugmann*. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen*. II. Bd. *Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre)*. 2. Hälfte. Strassburg, 1892.
- Corbett 2005 – *G.G. Corbett*. The canonical approach to typology // *Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood* (eds). *Linguistic diversity and language theories*. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Creissels 2009 – *D. Creissels*. Participles and finiteness: the case of Akhvakh // *Linguistic discovery*. 2009. V. 7. № 1.
- Cristofaro 2003 – *S. Cristofaro*. *Subordination*. Oxford, 2003.
- Cristofaro 2007 – *S. Cristofaro*. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective // *I. Nikolaeva* (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Enghels 2009 – *R. Enghels*. The syntactic position of the perceived participant as indicator of the internal structure of the Spanish and French infinitival complement // *Linguistics*. 2009. V. 47. № 3.
- Evans 2007 – *N. Evans*. Insubordination and its uses // *I. Nikolaeva* (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Geniušienė 2006 – *E. Geniušienė*. Passives in Lithuanian (in comparison with Russian) // *W. Abraham, L. Leisiö* (eds). *Passivization and typology. Form and function*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Geniušienė, Nedjalkov 1988 – *E. Geniušienė, V.P. Nedjalkov*. Resultative, passive, and perfect in Lithuanian // *V.P. Nedjalkov* (ed.). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Givón 2001 – *T. Givón*. *Syntax. An introduction*. V. 2. Rev. ed. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Gliwa 2003 – *B. Gliwa*. Nešinas, vedinas, tekinas // *Acta linguistica lituanica*. 2003. V. 48.
- Greenberg, Lavine 2006 – *G. Greenberg, J.E. Lavine*. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // *R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend* (eds). *Studies in Slavic linguistics and folklore*. Bloomington (IN), 2006.
- Gronemeyer 1997 – *C. Gronemeyer*. Evidentiality in Lithuanian // *Working papers of Lund university, Dept. of linguistics*. 1997. V. 46.
- Gronemeyer, Usonienė 2001 – *C. Gronemeyer, A. Usonienė*. Complementation in Lithuanian // *C. Gronemeyer*. *Laying the boundaries of syntax: Studies in the interfaces between syntax, semantics and lexicon*. Lund, 2001.
- Haiman, Munro 1983 – *J. Haiman, P. Munro* (eds). *Switch-reference in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 1983.
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. 2010. V. 86. № 3.
- Holvoet 2001 – *A. Holvoet*. On the paradigm of the oblique mood in Lithuanian and Latvian // *Linguistica baltica*. 2001. V. 9.
- Holvoet 2007 – *A. Holvoet*. *Mood and modality in Baltic*. Kraków, 2007.

- Holvoet 2013 – *A. Holvoet*. Obliqueness, quasi-subjects and transitivity in Baltic and Slavonic // I. Seržant, L. Kulikov (eds). *The diachronic typology of non-prototypical subjects*. Amsterdam; Philadelphia, 2013.
- Holvoet, Spraunienė 2012 – *A. Holvoet, B. Spraunienė*. Towards a semantic map for definite adjectives in Baltic // *Baltic linguistics*. 2012. V. 3.
- Kehayov 2008 – *P. Kehayov*. An areal-typological perspective to evidentiality: The cases of the Balkan and Baltic linguistic areas. (Dissertationes linguisticae Universitatis tartuensis 10.) Tartu, 2008.
- Klimas 1987 – *A. Klimas*. The Lithuanian participles: Their system and functions // *Lituanus*. 1987. V. 33.
- Koptjevskaja-Tamm 1999 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Finiteness // K. Brown, J. Miller (eds). *Concise encyclopedia of grammatical categories*. Amsterdam, 1999.
- Kučinskaitė, Morkūnas 1964 – *A. Kučinskaitė, K. Morkūnas*. Retos lietuvių kalbos tariamosios nuosakos formos // *Mokslų akademijos darbai*. 1964. T. 1.
- Landau 2004 – *I. Landau*. The scale of finiteness and the calculus of control // *Natural language and linguistic theory*. 2004. V. 22.
- Lavine 1999 – *J.E. Lavine*. Subject properties and ergativity in North Russian and Lithuanian // K. Dziwirek et al. (eds). *Formal approaches to Slavic linguistics 7*. Ann Arbor, 1999.
- Lavine 2006 – *J.E. Lavine*. Is there a passive evidential strategy in Lithuanian? // *Papers from the 42nd Regional meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago, 2006.
- Lavine 2010 – *J.E. Lavine*. Mood and a transitivity restriction in Lithuanian: The case of the inferential evidential // *Baltic linguistics*. 2010. V. 1.
- Lehmann 1988 – *Chr. Lehmann*. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S.A. Thompson (eds). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Litvinow 1989 – *V.P. Litvinow*. Der modus relativus baltischer Sprachen aus typologischer Sicht // *Baltistica*. 1989. T. 35. № 2.
- Malchukov 2004 – *A. Malchukov*. Nominalization/verbalization: Constraining a typology of transcategorial operations. München, 2004.
- Meier-Brügger 2003 – *M. Meier-Brügger*. *Indo-European linguistics*. Berlin; New York, 2003.
- Nau 1998 – *N. Nau*. *Latvian*. München; Newcastle, 1998.
- Nau 2011 – *N. Nau*. *A short grammar of Latgalian*. München; Newcastle, 2011.
- Nedjalkov 1995 – *V.P. Nedjalkov*. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin; New York, 1995.
- Nikolaeva 2007a – *I. Nikolaeva*. Introduction // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Nikolaeva 2007b – *I. Nikolaeva*. Constructional economy and nonfinite independent clauses // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Nikolaeva 2013 – *I. Nikolaeva*. Unpacking finiteness // D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett (eds). *Canonical morphology and syntax*. Oxford, 2013.
- Rizzi 1997 – *L. Rizzi*. The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). *Elements of grammar*. Dordrecht, 1997.
- Round 2011 – *E.R. Round*. Morphemes as a level of representation capture unity of exponence across the inflection-derivation divide // *Linguistica*. 2011. V. 51.
- Schleicher 1856 – *A. Schleicher*. *Handbuch der litauischen Sprache*. Bd I. Grammatik. Prag, 1856.
- Sližienė 1961 – *N. Sližienė*. Apie sudurtines pradėtinės veiksmažodžių formas // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. 1961. T. 4.
- Timberlake 1982 – *A. Timberlake*. The impersonal passive in Lithuanian // M. Macauley et al. (eds). *Proceedings of the 8th Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1982.
- Usonienė 2001 – *A. Usonienė*. On direct/indirect perception with verbs of seeing and seeming in English and Lithuanian // *Working papers of Lund university, Dept. of linguistics*. 2001. V. 48.
- Wälchli 2000 – *B. Wälchli*. Infinite predication as a marker of evidentiality and modality in the languages of the Baltic region // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2000. Bd 53.
- Wiemer 1998 – *B. Wiemer*. Pragmatical inferences at the threshold to grammaticalization. The case of Lithuanian predicative participles and their functions // *Linguistica baltica*. 1998. T. 7.
- Wiemer 2001 – *B. Wiemer*. Partizipien zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik: Ein Überblick zu aspektuellen, diathesebezogenen und diskursrelevanten Eigenschaften im modernen Litauischen // B. Wälchli, F. Zúñiga (Hrsg.). *Sprachbeschreibung und Typologie*. Bern, 2001.
- Wiemer 2004 – *B. Wiemer*. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds). *What makes grammaticalization? A look for its fringes and its components*. Berlin; New York, 2004.

- Wiemer 2006a – *B. Wiemer*. Grammatical evidentiality in Lithuanian (A typological assessment) // *Baltistica*. 2006. T. 41. № 1.
- Wiemer 2006b – *B. Wiemer*. Relations between actor-demoting devices in Lithuanian // W. Abraham, L. Leisiö (eds). *Passivization and typology. Form and function*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Wiemer, Bjarnadóttir 2014 – *B. Wiemer, Valgerður Bjarnadóttir*. On the non-canonical marking of the highest-ranking argument in Lithuanian and Icelandic: Steps toward a database // A. Holvoet, N. Nau (eds). *Grammatical relations and their non-canonical encoding in Baltic*. Amsterdam; Philadelphia, 2014.
- Wiemer, Giger 2005 – *B. Wiemer, M. Giger*. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen. Bestandaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten. München; Newcastle, 2005.
- Wurmbrand 2001 – *S. Wurmbrand*. *Infinitives. Restructuring and clause structure*. Berlin; New York, 2001.

Сведения об авторе:

Петр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН/РГГУ/МГГУ им. М.А. Шолохова
peterarkadiev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.02.2014.

© 2014 г. М.Л. ХАЧАТУРЬЯН

КАТЕГОРИЯ ИМЕННОГО ЧИСЛА В МАНО (ЮЖНЫЕ МАНДЕ)

В данной статье исследуется морфология, синтаксис и семантика категории именного числа в языке мано, южные манде. Статья демонстрирует, что множественное число в мано является квазиграммемой: оно выражается регулярно, но не обязательно. Кроме того, согласование по числу нестрогое и регулируется правилами иерархии одушевленности и иерархии доступности именных групп.

Ключевые слова: число, ассоциативность, дистрибутивность, согласование, иерархия одушевленности, иерархия доступности именных групп, языки манде, мано

This paper deals with the morphology, syntax, and semantics of nominal number in Mano, a South Mande language. In this isolating language lacking stable number paradigms plurality is expressed by several eventually coexisting means, lexical (numerals and two number words) and morphological (plural forms of certain nouns and adjectives). Neither of these is obligatory. Moreover, the plurality itself is expressed optionally, as the semantic opposition between noun phrases marked and unmarked for plurality is not plural vs. singular, but rather plural vs. general. There seems to be a quite unusual agreement in number: a plural target is chosen only if the controller is plural, while the converse is not true. Another unusual feature concerns semantics: number word *ni* is polysemic, its semantics includes associative and distributive. I will argue that number in Mano is a quasigramme in terms of [Mel'čuk 1993]: the expression of plurality is regular, but not obligatory, while agreement in number is optional and is realized according to Animacy and Noun phrase accessibility hierarchies.

Keywords: number, associative plural, distributive plural, agreement, Animacy hierarchy, Noun phrase accessibility hierarchy, Mande languages, Mano

ВВЕДЕНИЕ

Категория именного числа может показаться одной из самых прозрачных грамматических категорий, поскольку она отражает физические характеристики объектов реального мира. Тем не менее выражение числа в различных языках нередко имеет семантические, морфологические и синтаксические особенности [Corbett 2000]. Если говорить о семантике, категория числа не всегда представляет собой оппозицию между единственным и множественным числом: одной из граммем может быть неопределенное, или общее, число, как в байсо [Corbett, Hayward 1987]; язык может различать двойственное, тройственное, паукальное и множественное число, как в эбон [Bender 1969]; один и тот же показатель может означать единственное или множественное число (так называемое инверсивное число) в зависимости от того, какое дефолтное значение принимает категория для той или иной основы, как в киова [Wonderly et al. 1954]; выражение числа может быть связано с определенностью, как в манинка [Creissels 2009]. Что касается морфологии, число может выражаться аффиксацией, как в английском, редупликацией, как в индонезийских языках [Gonda 1942], с помощью независимых лексем, как в кла-дан [Макеева 2012]. Что до синтаксиса, согласование по числу может быть более или менее регулярным или зависеть от различных синтаксических и семантических факторов, как в нанайском языке [Оскольская 2009], см. также [Corbett 2000]. Именное число может также выражаться в глаголе, не будучи при этом выраженным в именной группе, – как в калмыцком [Оскольская 2008] или алгонкинских и помоанских языках [Mithun 1988].

Мано (манде, южная группа) является примером языка с необычным с точки зрения семантики, морфологии и синтаксиса маркированием по числу.

Множественное число обозначается с помощью нескольких средств, которые могут комбинироваться. Перечислим некоторые из них.

1. Лексические средства

а) Два детерминатива множественного числа, *nì* и *vɔ̃*:

- (1) *gbá* *vɔ̃*
 собака PL
 'собаки'
- (2) *ŋ* *lɛkè* *nì*
 1SG.NSBJ младший_сibling PL
 'мои младшие братья / сестры'

б) Числительные: *ká dōb* 'один дом' vs. *ká pèèlè* 'два дома'.

2. Морфологические средства

а) Нерегулярная форма множественного числа некоторых существительных (всего таких существительных шесть, см. также пункт 2.2): *pɛ* 'вещь / вещи' vs. *pɔ̃dɛ* 'вещи'.

б) Форма множественного числа некоторых прилагательных:

- (3a) *sɔ̃* *tɪ̃*
 одежда черный
 'черная вещь / вещи' (о предметах одежды)

- (3b) *sɔ̃* *tɪ̃-tɪ̃*
 одежда черный~PL
 'черные вещи'

Все эти средства выражения множественного числа мы будем называть показателями множественного числа. Именную группу, которая содержит один или несколько показателей множественного числа, мы будем называть группой, маркированной множественным числом. В противном случае мы будем называть ее группой, не маркированной множественным числом, или группой, маркированной единственным / общим числом (маркером в данном случае является нулевой показатель). Термин «общее число» мы определим чуть ниже.

Рассмотрим особенности выражения числа на трех уровнях: семантическом, морфологическом и синтаксическом.

Что касается семантики, детерминатив множественного числа *nì* (2), употребляющийся в значении множественного числа только с терминами родства, в сочетании с другими семантическими типами существительных, включая, например, имена веществ, может иметь значение ассоциативности (4) и дистрибутивности (5). Эта полисемия нуждается в объяснении.

- (4) *nɔ̃* *wɛ* *nì* *séíŋ*
 сом DEM PL весь
 'сом и вся компания (*сомы)'.

- (5) *mɔ̃tɔ̃* *nì* *ɔ̃* *ká* *píé*¹
 мотоцикл PL 3PL.EXI дом PL
 'Мотоциклы есть в разных (многих) домах'.

¹ Показатель *píé* – плавающий квантор множественного числа. Хотя он также является средством выражения множественного числа с любопытными синтаксическими свойствами, в данной работе он рассматриваться не будет.

Множественное число может выражаться каждым из вышеперечисленных показателей числа независимо или в сочетании. Некоторые из сочетаний обязательны: прилагательные в форме множественного числа могут сочетаться только с формой множественного числа существительных, которые различают две числовые формы (ср. (6a) и (6b)). Обратное при этом неверно: существительные в форме множественного числа могут сочетаться с прилагательными в обеих формах. Эту асимметрию также необходимо объяснить.

(6a) pɔɔbɛ́ yɔɔ-yɔɔ
вещь.PL плохой~PL
'плохие вещи'

(6b) *pɛ́ yɔɔ-yɔɔ
вещь плохой~PL

Согласование по числу с местоименным индексом не всегда обязательно. В примере (7) именной группе с показателем множественного числа *ɲ dáma vɔ* 'мои алмазы' соответствует местоименный индекс единственного числа *à*.

(7) ɲ dáma vɔ ya ɲ à sí
1SG.POSS алмаз PL DEM 1SG.CONJ 3SG.NSBJ брать
'Я возьму мои алмазы (букв.: «мои алмазы, я его возьму）」'.

Данная работа построена следующим образом. В разделе 1 даются краткие сведения о языке манго. Раздел 2 посвящен выражению множественного числа. В подразделе 2.1 описывается семантика категории числа. В подразделе 2.2 приводится обзор возможных способов выражения числа. В подразделе 2.3 подробно обсуждается редупликация прилагательных и проблема согласования по числу в именной группе. В подразделе 2.4 описывается согласование по числу вне именной группы. В подразделе 2.5 выстраивается параллель между согласованием внутри и вне именной группы. В разделе 3 обсуждается семантика детерминативов множественного числа. В разделе 4 особенности выражения числа, включая нерегулярности в согласовании и необычную полисемию, объясняются через понятие квазиграммемы, а также с помощью различных иерархий – иерархии одушевленности и иерархии доступности именных групп. В разделе 5 приводятся основные результаты анализа, а также типологические параллели. В заключении резюмируются основные закономерности выражения числа и числового согласования.

1. ЯЗЫК МАНО

Данный раздел мы начнем с общих сведений о языке манго (подраздел 1.1), затем будет рассмотрена структура именной группы (подраздел 1.2) и структура простого предложения (подраздел 1.3).

1.1. Общие сведения

Манго – это язык южной группы языковой семьи манде, которая входит в макро-семью нигер-конго. На манго говорят примерно 400 000 человек в Гвинее и Либерии. Либерийский манго исследовался миссионерами, которые опубликовали два учебника языка [deZeeuw, Kruah 1981; Neal et al. 1946]. Имеется также грамматика либерийского манго [Becker-Donner 1965]. Гвинейский манго в настоящее время описывается автором данного исследования.

В манго три уровневых тона (обозначаются тональными диакритиками: знаком *à* – низкий тон, *ā* – средний тон, *á* – высокий), бедная сегментная, но достаточно богатая супрасегментная морфология.

Примеры парадигм глаголов

лексическая форма	имперфектив	сопряженная форма + форма при номинализации	кондиционалис	ирреалис
<i>lɔ</i> 'покупать'	<i>lɔ</i>	<i>lɔ̃</i>	<i>lɔ</i>	<i>lɔ̃</i>
<i>ɲɔ̃nɔ̃</i> 'вести'	<i>ɲɔ̃nɔ̃</i>	<i>ɲɔ̃nɔ̃</i>	<i>ɲɔ̃nɔ̃</i>	<i>ɲɔ̃nɔ̃</i>
<i>nɪ</i> 'приходить'	<i>nɪ</i>	<i>nɪ</i>	<i>nɪ</i>	<i>nɪ</i>

Таблица 2

Примеры парадигм существительных

лексическая форма	фокус	изафет
<i>pɛ</i> 'вещь'	<i>pɛ</i>	<i>pɛ̃</i>
<i>ɲwɔ̃</i> 'проблема'	<i>ɲwɔ̃</i>	<i>ɲwɔ̃</i>
<i>bàlá</i> 'бер'	<i>bàlá</i>	<i>bàlá</i>
<i>bàla</i> 'барабан'	<i>bàla</i>	<i>bàlá</i>

В ману выделяется две именные тональные морфемы: высокотоновая фокуса, низкотоновая изафета – и пять глагольных: имперфектив, кондиционалис, ирреалис, морфема в сопряженной форме, номинализация². Форма при номинализации и сопряженная форма совпадают, за исключением одного глагола³. Таким образом, парадигмы существительных включают три, а парадигмы глаголов – пять различных тональных

форм, считая лексическую. Приведем несколько примеров парадигм.

Некоторые детали структуры именной группы и простого предложения будут приведены в подразделах 1.2 и 1.3 соответственно.

1.2. Структура именной группы

Существительные в ману делятся на два класса, автосемантических и реляционных, в зависимости от того, в посессивную конструкцию какого типа они входят:

(8a) Sèé là ká
Ce 3SG.POSS дом
'дом Ce';

(8b) là ká
3SG.POSS дом
'его дом'; существительное ká 'дом' – автосемантическое.

(9a) Sèé kò
Ce рука
'рука Ce';

(9b) à kò
3SG.NSBJ рука
'его рука'; существительное kò 'рука' – реляционное.

² Речь идет об особой форме номинализации, которая употребляется, если у номинализуемого глагола есть правые зависимые:

tò Zézú píé lɛ sè
оставаться:NMLZ Иисус к 3SG.EXI хороший
'Следовать за Иисусом хорошо'.

³ Исключением является глагол *zili* 'толстеть', в сопряженной конструкции имеющий форму *zili*, при этом у него есть два варианта формы при номинализации: *zili* и *zili*.

Именная группа в мано может состоять из следующих компонентов: вершинное существительное; зависимая именная группа, посессивное или несубъектное местоимение (предшествуют определяемому существительному); прилагательное, детерминатив, включая детерминативы множественного числа, демонстративы и кванторные слова (следуют за существительным). Демонстратив *à* предшествует определяемому существительному (см. ниже примеры 57 и 58). Чаще всего детерминативы, в том числе детерминативы множественного числа, следуют за прилагательными (пример 10). Детерминативы множественного числа могут и предшествовать им (ср. примеры (11a) и (11b)).

(10) *yíí gbùdò yā bí*
 дерево большой DEM тень
 'тень этого большого дерева'

(11a) *léé kǎlá vò*
 лист сухой PL
 'сухие листья'

(11b) *lūā vò dóló*
 женщина.PL PL похоже
 'похожие женщины'

1.3. Структура простого глагольного предложения

Мано характеризуется жестким порядком слов SOVX. Есть два типа копульных предложений: предложения с утвердительной копулой *lē* и с отрицательной копулой *wó*, – а также глагольные предложения. В глагольных предложениях глагол обязательно сопровождается вспомогательным предикативным элементом, который обозначает аспект, модальность и полярность, а также лицо и число субъекта и может сливаться с несубъектным местоимением 3 л. ед. ч. В предикативных элементах, слитых с несубъектным местоимением, используется знак «>»:

(12) *bū mé pélé-è láà kè tóútù*
 рис поверхность мыть-GER 3SG.IPFV>3SG делать:IPFV безвкусный
 'Если мыть рис, он будет безвкусным (мыть риса делает его безвкусным)'.

Отметим в примере 12 предикативный показатель-портманто 3 л. ед. ч. *láà*, слитый с несубъектным местоимением 3 л. ед. ч. Ср. предикативный показатель, не слитый с местоимением: *lèè* '3SG.IPFV', а также само местоимение *à* '3SG.NSBJ'. Глагол *kè* 'делать' употреблен в имперфективной форме *kè*, несущей грамматическую тональную морфему имперфектива.

В бытийных предложениях прилагательные (за которыми факультативно следует послелог *ká*), послеложные группы и наречия идут за глаголом *kè* 'быть, делать' который опускается, если сочетается с предикативными показателями экзистенциальной серии (13a).

(13a) *ī lǎ (ká)*
 2SG.EXI красивый с
 'ты красивая'

(13b) *ē kē lǎ (ká)*
 3SG.PRET быть красивый с
 'она была красива'

2. ВЫРАЖЕНИЕ ЧИСЛА

В начале данного раздела речь пойдет о семантике категории числа (подраздел 2.1). Способы выражения числа рассматриваются в подразделе 2.2. В подразделе 2.3 будет введена проблема согласования по числу внутри именной группы. В подразделе 2.4 будет описано согласование вне именной группы. В подразделе 2.5 мы проанализируем параллель между согласованием по числу внутри и вне именной группы.

2.1. Семантика категории числа

Местоимения различают формы единственного и множественного числа. Именная группа, содержащая показатель множественного числа, интерпретируется в значении множественного числа (об исключениях см. раздел 3), интерпретация именных групп, не содержащих показателей множественного числа, зависит от семантики вершинного существительного. Именные группы с вершиной, обозначающей человека, интерпретируются в значении единственного числа (*né* ‘ребенок, *дети’), а группы с вершиной, обозначающей существительное другого семантического класса, – как не маркированные по числу, или как имеющие общее число (*gbá* ‘собака / собаки’). Следовательно, распределение различных типов семантических оппозиций между граммемами категории числа удовлетворяет иерархии одушевленности, где граница лежит между людьми и остальными существительными:

Схема 1. Иерархия одушевленности [Smith-Stark 1974] и семантика числа

1 > 2 > 3 > термины родства > люди | одушевленные > неодушевленные
 единственное / множественное общее / множественное

Однако в генерических контекстах даже именная группа с вершиной – существительным, обозначающим человека, может быть использована без показателей множественного числа и интерпретироваться как общее число.

- (14) *yéké* *ó* *né* *yě* *āā* *yà*
 лучше_не 3PL.CONJ ребенок рожать 3SG.PRF сидеть
ε *kíε* *là*
 3SG.REFL RECP на
 ‘Им не следует рожать детей одного за другим (букв.: «им не следует рожать ребенка (так что) он садится друг на друга»)’.

Множественность предметов в реальном мире может выражаться с помощью как общего, так и множественного числа. В примерах ниже, взятых из естественных текстов, речь идет о птицах, которые прилетают и уничтожают урожай. В одном из текстов именная группа, обозначающая птиц, маркирована множественным числом (15), а в другом – не маркирована (16).

- (15) *ŋ* *bú* *wē* *mɔ̀* *vɔ̀* *wāā* *bèlè-pià* *ɲɔ̀*
 1SG.POSS рис:FOC DEM птица PL 3SG.EXI>3SG есть-INF слишком
 ‘Мой рис, птицы слишком его едят!’
- (16) *mɔ̀* *léè* *nū* *lūú-ā* *yí* *léè* *nū*
 птица 3SG.IPFV приходить:IPFV поле-DEM в 3SG.IPFV приходить:IPFV
kɔ̀nā̀kɔ̀nā̀zè.
 в_большом_количестве
 ‘Птицы прилетают на поле, они прилетают в большом количестве’.

Достаточно часто первое упоминание именной группы в тексте не маркировано по числу, а следующие содержат показатели множественного числа. В качестве иллюстра-

ции приведем примеры из истории про охотников, которые не смогли поделить найденный ими в лесу ящик с золотом и алмазами. Когда алмазы упоминаются в первый раз, соответствующая именная группа не маркирована по числу. В дальнейшем в тексте она появлялась с маркером множественного числа *vɔ̌*. Ср. примеры (17a) и (17b):

(17a) à lé mɛ̀-ɛ̀ lɛ̀ dámà ká
 3SG.NSBJ рот бить-GER 3SG.EXI алмаз с
 '[Ящик был полон золота,] он был полон алмазов'.

(17b) ɲ ɲ dámà vɔ̌ yā ɲ à sí.
 1SG.CONJ 1SG.POSS алмаз PL DEM 1SG.CONJ 3SG.NSBJ хватать
 '[Если я дам яд этим двум мужчинам, они оба упадут, так что] я возьму мои алмазы (букв. «я мои алмазы, я их возьму»)'].

Таким образом, выражение числа связано с дискурсивными факторами, такими как определенность, референтность и др. Мы вернемся к этой проблеме в разделе 4.

2.2. Показатели числа

Именная группа в (17b) была маркирована множественным числом и содержала детерминатив множественного числа *vɔ̌*. Другой детерминатив множественного числа, *ni*, как правило, используется с существительными, обозначающими термины родства (таких употреблений показателя *ni* в нашем корпусе зафиксировано более двух третей от всех его вхождений), а также с местоимениями в некоторых конструкциях (о семантике этого показателя см. раздел 3); детерминатив *vɔ̌* используется для всех остальных типов существительных.

Помимо детерминативов множественного числа, имеются другие лексические и морфологические способы выражения плюральности.

1. Лексические средства выражения множественного числа

а) Числительные: *ká dɔ̀* 'один дом' vs. *ká pɛ̀lɛ̀* 'два дома'

б) Прилагательные *pluralia tantum*

Число является лексической характеристикой некоторых прилагательных. Именные группы, содержащие такие прилагательные, интерпретируются как плюральные вне зависимости от того, содержат они другие показатели числа или нет. Таких прилагательных, которые мы можем называть прилагательными *pluralia tantum*, в языке всего четыре: *dòlò* 'похожие', *gbókògbókò* 'толстые', *kɛ̀nɛ̀* 'маленькие', *kélékélé* 'маленькие' (семантическое различие между последними двумя прилагательными нам установить пока не удалось).

(18) ɲwɔ́ kɛ̀nɛ̀ = ɲwɔ́ vɔ̌ kɛ̀nɛ̀
 вещь маленькие = вещь PL маленькие
 'маленькие вещи'

2. Морфологические средства выражения множественного числа

а) Нерегулярная форма множественного числа существительных

Некоторые существительные имеют формы множественного числа, которые не образуются регулярной аффиксацией и должны считаться нерегулярными. Это существительные с общей семантикой, обозначающие людей, и существительное 'вещь':

mɪ 'человек' ~ *mɪá* / *mɪà* 'человек.PL'
lɛ̀ 'женщина' ~ *lɛ̀á* / *lɛ̀ò* 'женщина.PL'
gɔ̌ / *gɔ̀* / *gwɛ̀* / *gwé̀* 'мужчина' ~ *gɔ̀á* / *gɔ̀à* / *gɔ̀à* 'мужчина.PL'
nɛ̀ / *nɛ̀fú* / *nɛ̀fú* 'ребенок' ~ *nɔ̀* / *nɔ̀* / *nɔ̀bɛ̀* 'ребенок.PL'
pɛ̀ 'вещь' ~ *pɛ̀bɛ̀* / *pɛ̀bɛ̀* / *pɛ̀* / *pɛ̀* 'вещь.PL'
mì 'родитель' ~ *mìà* 'родитель.PL'

б) Форма множественного числа прилагательных

Редупликация прилагательных достаточно продуктивна в ману. Некоторые ее случаи следует относить к немотивированной редупликации, поскольку в языке не существует нередуплицированного коррелята: *dánédàṅè* 'липкий', **dáné*; *kp̄kp̄* 'бесконечный', **kp̄*. В других случаях прилагательное синонимично нередуплицированному корреляту или их значения близки, но не выводятся одно из другого по предсказуемым семантическим механизмам (о которых см. ниже): *dóló* 'холодный' vs. *dólódóló* 'медленный'. Последний тип редупликации мы называем ниже лексической редупликацией.

Чаще, однако, значение редуплицированного прилагательного производно от нередуплицированного. Одно из значений, выражаемых редупликацией, – это интенсив: *kp̄alézè* 'странный' vs. *kp̄alé-kp̄alézè* 'очень странный'. Этот тип редуплицированных прилагательных и типы, указанные выше, не могут выражать множественное число и обязательно сопровождаются показателем множественного числа:

- (19a) *lē* *lēē* *kp̄alé-kp̄alézè* *gè-pèlè*
 3SG.EXI женщина странный~INT-ADJ видеть-INF
 'Он видит очень странную женщину'.
- (19b) *lē* *lūā* *kp̄alé-kp̄alé-zè* *gè-pèlè*
 3SG.EXI женщина.PL странный~INT-ADJ видеть-INF
 'Он видит очень странных женщин'.
- (19c) *lē* *ṅwó* *kp̄alé-kp̄alé-zè* *gè-pèlè*
 3SG.EXI вещь странный~INT-ADJ видеть-INF
 'Он видит очень странную вещь'.
- (19d) *lē* *ṅwó* *vò* *kp̄alé-kp̄alé-zè* *gè-pèlè*
 3SG.EXI вещь PL странный~INT-ADJ видеть-INF
 'Он видит очень странные вещи'.

Наконец, примерно у половины редуплицированных прилагательных, имеющих нередуплицированные корреляты, редуплицированная форма имеет значение множественного числа.

- (20a) *s̄* *tī*
 одежда черный
 'черная вещь / черные вещи (предмет одежды)'
- (20b) *s̄* *tī-tī*
 одежда черный~PL
 'черные вещи, *черная вещь'

Многие немотивированно редуплицированные формы имеют два тональных варианта, один из которых обозначает множественное число:

- (21a) *dèèkr̄ò* *kólókóló*
 мяч круглый
 'круглый мяч / круглые мячи'
- (21b) *dèèkr̄ò* *kólókóló*
 мяч круглый.PL
 'круглые мячи, *круглый мяч'

Следовательно, про некоторые (но не все) прилагательные можно сказать, что они различают две формы: единственного / общего числа и множественного числа.

2.3. Согласование по числу внутри именной группы

Все сочетания показателей множественного числа из списка, приведенного в подразделе 2.2, возможны внутри одной именной группы (кроме комбинации двух прилагательных, которая не проверялась). Более того, некоторые комбинации обязательны.

Таблица 3

Сочетания показателей множественного числа

	форма мн. ч. сущ.	детерминатив мн. ч.	форма мн. ч. прил.	числительное
форма мн. ч. сущ.				
детерминатив мн. ч.	ок см. (22)			
форма мн. ч. прил.	обязательно см. (23)	ок см. (24)		
числительное	ок см. (25)	ок см. (26)	ок см. (27)	
прил. plurale tantum	обязательно см. (28)	ок см. (29)	? (не проверялось)	ок см. (30)

(22) pɔ̀̀ vɔ̀
вещь.PL PL
'вещи'

(23) pɔ̀̀bɛ́ yɔ̀-yɔ̀ *pɛ́ yɔ̀-yɔ̀
вещь:PL плохой~PL вещь плохой~PL
'плохие вещи'

(24) sɔ̀ vɔ̀ yɔ̀sɔ̀yɔ̀sɔ̀
одежда PL грязный.PL
'грязные вещи'

(25) mɛ́ pɛ̀ɛ̀ɛ̀
человек.PL два
'два человека'

(26) gɔ̀ vɔ̀ yààkà
мужчина PL три
'трое мужчин'

(27) sɔ̀ pɛ́lú-pɛ́lú yààkà
одежда белый~PL три
'три белых вещи'

(28) lɔ̀ dɔ̀lɔ̀
женщина.PL похожие
'похожие женщины'

(29) ká vɔ̀ kɛ̀nɛ̀ɛ̀
дом PL маленький.PL
'маленькие дома'

(30) ká kɛ̀nɛ̀ɛ̀ yààkà
дом маленький.PL три
'три маленьких дома'

Как мы отметили в таблице, некоторые сочетания обязательны: прилагательные plurale tantum и формы множественного числа прилагательных сочетаются только с

формой множественного числа существительного, когда существительное различает две числовые формы. Это ограничение на сочетаемость выглядит как согласование по числу, вызванное при этом прилагательным, а не существительным. Интерпретация этим фактам будет дана в подразделе 2.4⁴.

2.4. Согласование по числу вне именной группы

В этом подразделе будут рассмотрены два типа согласования по числу вне именной группы: согласование с прилагательным в атрибутивной синтагме (подраздел 2.4.1) и согласование с местоименным индексом (предикативным показателем или местоимением, подраздел 2.4.2).

2.4.1. Согласование в атрибутивных предложениях

В атрибутивных предложениях наблюдается тот же тип согласования, что и между существительными и прилагательными внутри именной группы, а именно: если прилагательное имеет форму множественного числа или является *plurale tantum*, то вершинное существительное в именной группе субъекта также должно иметь форму множественного числа, тогда как обратное не верно⁵:

(31a)	lɔa женщина.PL	bɛ DEM	ɔ 3PL.EXI	krɔ́-krɔ́ короткий~PL
(31b)	lɔa женщина.PL 'Эти женщины низкие'.	bɛ DEM	ɔ 3PL.EXI	krɔ́ короткий
(32a)	lɛɛ женщина	bɛ DEM	lɛ 3SG.EXI	krɔ́ короткий
(32b)	*lɛɛ женщина 'Эта женщина низкая'.	bɛ DEM	lɛ 3SG.EXI	krɔ́-krɔ́ короткий~PL

2.4.2. Согласование с местоименными мишенями

Именные группы с вершиной, обозначающей человека, обязательно согласуются с предикативным показателем (то есть с субъектным местоименным индексом)^{6, 7}.

⁴ В сочетаниях одушевленных существительных с числительными предпочтительно наличие либо формы множественного числа, либо (менее предпочтительный вариант) детерминатива множественного числа. См., однако, пример (36), взятый из естественного текста, где существительное *né* 'ребенок' в сочетании с числительным *sáládó* 'шесть' употреблено в форме единственного числа. Таким образом, в именных группах с одушевленным существительным числительного, как правило, не достаточно для выражения значения множественного числа. Этот вывод подтверждается тем, что именные группы, содержащие в качестве показателя множественного числа только числительное, нередко согласуются по единственному числу, см. пример (36) и (42).

⁵ Возможно, данное правило применяется менее строго в случае единственного существительного, означающего неодушевленный предмет и имеющего при этом форму единственного числа, *pɛ* 'вещь'. Следующий пример взят из перевода Евангелия на ману, сделанного миссионерами в Либерии. При разборе текста с информантом тот счел употребление «разговорным»:

wà	pɛ	lɛ	kélékélé
3PL.POSS	вещь	3SG.EXI	маленькие
'у них маленькая вещь'			

⁶ Поскольку предикативные показатели принадлежат глагольной группе, а не именной группе субъекта (см. [Nashatuyuan 2010; Выдрин 2010; Коношенко 2013]), в случае данных местоименных индексов не совсем корректно говорить о субъектной позиции. Речь идет, скорее, о референции к субъекту. Однако поскольку местоименные индексы в собственно субъектной позиции не употребляются, мы в дальнейшем будем использовать формулировку «местоименные индексы в позиции субъекта» вместо «местоименные индексы с референцией к субъекту».

⁷ Один пример из нарратива, в котором было зафиксировано отсутствие согласования, при разборе текста с информантом был сочтен неграмматичным:

- (33a) mɪ pèèlɛ wáà gèè
 человек два 3PL.JNT>3SG говорить:JNT
- (33b) *mɪ pèèlɛ áà gèè
 человек два 3PL.JNT>3SG говорить:JNT
 'Два человека говорят'.
- (34a) mɪ áà gèè
 человек 3SG.JNT>3SG говорить:JNT
- (34b) *mɪ wáà gèè
 человек 3SG.JNT>3SG говорить:JNT
 'Человек говорит'.

Отсутствие согласования возможно, хотя и исключительно редко, когда местоименная мишень находится в синтаксической позиции, отличной от позиции субъекта. Ср. пример с согласованием (35) и без согласования (36).

- (35) lɔ̀á vò ɔ̃ ɔ̃ kú bɛ̃ tékétéké
 женщина.PL PL 3PL.PRET 3PL.NSBJ брать DEM целиком
 'Женщины, они их всех взяли'.
- (36) là né sáládɔ̃ táà lɔ̀d̃ wáá
 3SG.POSS ребенок шесть FOC>3SG.NSBJ любовь NEG.COP>3SG
 m̃d̃ bɛ̃
 на DEM
 'Именно этих шестерых детей он не любит (букв.: «их любовь не на нем»)'.

Отсутствие согласования наблюдается чаще, если вершина именной группы – существительное, относящееся к семантическим классам, отличным от класса людей. Наличие согласования зависит, с одной стороны, от средства, с помощью которого выражается множественное число, а с другой стороны, от позиции местоименного индекса.

Если именная группа-контролер не маркирована по числу, то мишень также не маркирована.

- (37a) ñd̃ wɛ̃ áà dà m̃d̃ vò pɛ́.
 сом DEM 3SG.PRF падать птица PL к
 'Сом стал как птицы.'
- (37b) *ñd̃ wɛ̃ wáà dà m̃d̃ vò pɛ́.
 сом DEM 3PL.PRF падать птица PL к
- (38a) b̃d̃ g̃ú z̃d̃ wáá gɛ́
 коза мужчина сердце NEG.COP>3SG живот
 'У козла нет сердца в животе (букв.: «сердце козла не в его животе»)'.
- (38b) *b̃d̃ g̃ú z̃d̃ wɔ́ ɔ̃ gɛ́
 коза мужчина сердце NEG.COP 3PL.NSBJ живот

Если именная группа контролера содержит детерминатив множественного числа, а мишенью является предикативный показатель, то согласование практически всегда обязательно (мы не нашли исключений в естественных текстах, но есть предложения, полученные анкетированием, как (40)).

À zì mià lɛ̃ zèè.
 3SG.NSBJ EMPH родитель.PL 3SG.EXI здесь
 'Его родители здесь' (информант исправил на à zì mià ɔ̃ zèè с предикативным маркером 3 л. мн. ч. ɔ̃).

- (39) wii vò séíj ò dĩ.
 мясо PL весь 3PL.PRET проходить
 'Все животные прошли'.
- (40) lè vò bē ē kē sè
 место PL DEM 3SG.PRET делать хороший
 'Это были хорошие места'.

Напротив, для случаев, когда вершина именной группы контролера не обозначает человека, а мишень занимает любую синтаксическую позицию, кроме субъектной, в естественных текстах нам не встретилось ни одного примера, где контролер и мишень согласуются по числу, однако есть множество предложений с отсутствием согласования:

- (41) ŋ dāmà vò yā ŋ à sí
 1SG.POSS алмаз PL DEM 1SG.CONJ 3SG.NSBJ хватать
 'Я возьму мои алмазы' (букв.: «мои алмазы, я его возьму»).

Следовательно, согласование осуществляется в соответствии с иерархией доступности именных групп, которую мы приведем в упрощенном виде:

Схема 2. Иерархия доступности именных групп и согласование

субъект		остальные позиции
мишень согласуется		мишень может не согласовываться

Что касается других способов выражения множественности в именной группе контролера, у нас очень мало естественных примеров с наличием согласования и много – с его отсутствием, причем синтаксическая позиция мишени роли не играет. При этом в некоторых случаях вариант с согласованием информант считал неграмматичным, предпочитая рассогласованный вариант, ср. следующий пример с числительным:

- (42a) ʙu ʙòʙ yààka lē gbínt
 рис мешок три 3SG.EXI тяжелый
 '(Эти) три мешка риса тяжелые'.
- (42b) *ʙu ʙòʙ yààka ò gbínt
 рис мешок три 3PL.EXI тяжелый

В примере ниже, помимо числительного, в именной группе присутствует детерминатив множественного числа, что делает предложение грамматичным:

- (43) ʙu ʙòʙ yààka vò ò gbínt
 рис мешок три PL 3PL.EXI тяжелый
 '(Эти) три мешка риса тяжелые'.

Отсутствие согласования с именной группой, содержащей в качестве показателя множественного числа только числительное, не является общим правилом. В примере ниже именная группа с числительным согласуется по числу с посессивным местоимением:

- (44) sélé sálápèèlē ā wà kpfi lúó lē
 деревня семь DEM 3PL.POSS праздник день 3SG.EXI
 péné dób ká
 солнце один с
 'Праздник, организованный этими семью деревнями, происходит в один день (букв.: «день праздника этих семи деревень – один день»)'.

Ниже приведены некоторые другие примеры с отсутствием согласования, где в именной группе в качестве средства выражения множественного числа используется форма множественного числа существительного или прилагательного.

- (45) pɔ̀ ɪ̃ gbíní-gbíní
 вещь.PL 3SG.EXI тяжелый~PL
 'Вещи тяжелые'.
- (46) pɔ̀ ɪ̃ wá kú ɓɛ...
 вещь.PL FOC 3PL.PRET>3SG братъ DEM
 'Вещи, которые они взяли...'
- (47) kɛ́ zɛ̃ sòd púlú-púlú ɪ̃ ɪ̃ mɪ́ kèlè wɛ̃.
 давно здесь ведро белый~PL FOC 3SG.EXI человек.PL рука DEM
 'Давным-давно белые ведра, которые были у людей...'
- (48) pɔ̀ kélékélé ɪ̃ mā ɪ́
 вещь.PL маленькие FOC 1SG.PRET>3SG покупать
 'Я купил маленьких вещей'.

2.5. Параллели между согласованием по числу внутри и вне именной группы

Как мы видели в подразделах 2.3 и 2.4.1, формы множественного числа прилагательных могут сочетаться только с формами множественного числа существительных. Обратное неверно: формы множественного числа существительных могут сочетаться с формами единственного / общего числа прилагательных. Таким образом, из четырех комбинаторных возможностей реализуются только три. Проиллюстрируем это утверждение:

- (49a) pɛ̃ yɔ̀
 вещь плохой
 'плохая вещь / плохие вещи'
- (49b) pɔ̀ yɔ̀
 вещь.PL плохой
 'плохие вещи'
- (49c) pɔ̀ yɔ̀-yɔ̀
 вещь.PL плохой~PL
 'плохие вещи'
- (49d) *pɛ̃ yɔ̀-yɔ̀
 вещь плохой~PL

Возможные сочетания форм существительных и прилагательных суммированы в таблице 4.

То же обобщение верно для именных групп субъекта, согласующихся с прилагательными в атрибутивных предложениях, как мы видели в подразделе 2.4.1.

- (50a) ɪ̀ ɓɛ̃ ɔ̃ krú-krú
 женщина.PL DEM 3PL.EXI короткий~PL
- (50b) ɪ̀ ɓɛ̃ ɔ̃ krú
 женщина.PL DEM 3PL.EXI короткий
- 'Эти женщины низкие'.
- (50c) ɪ̃ ɓɛ̃ ɪ̃ krú
 женщина DEM 3SG.EXI короткий

Таблица 4

Согласование между существительным и прилагательным

		прилагательное	
		общее / единственное	множественное
существительное	общее / единственное	ok	–
	множественное	ok	ok

Таблица 5

Согласование местоименных индексов

		местоименный индекс	
		единственное / общее число	множественное число
именная группа	единственное / общее число	ok	–
	множественное число	ok	ok

Таблица 6

Общие правила согласования

		мишень согласования	
		единственное / общее число	множественное число
контролер	единственное / общее число	ok	–
	множественное число	ok	ok

(50d) *lɛɛ бɛ lɛ kрɔú-kрɔú
 женщина DEM 3SG.EXI короткий~PL
 'Эта женщина низкая'.

Что касается согласования местоименных индексов (придативных показателей и собственно местоимений), то, как мы видели в подразделе 2.4.2, глаголы с предикативными показателями 3 л. ед. ч. и местоимения 3 л. ед. ч. могут сочетаться только с именными группами, маркированными множественным числом. При этом обратное неверно, по крайней мере, для именных групп, обозначающих референтов семантических групп, отличных от людей, и в особенности если местоименный индекс не располагается в субъектной позиции: такие плюральные именные группы могут сочетаться с местоименным индексом как множественного, так и единственного числа. Местоименными индексами, сочетающимися с именными группами, не содержащими показателей множественного числа, могут быть только местоименные показатели единственного

числа. Возможные сочетания именных групп и местоименных индексов приводятся в таблице 5.

Согласование по числу внутри и вне именной группы происходит по похожим правилам. Составим объединенную таблицу с правилами согласования (таблица 6).

3. СЕМАНТИКА ДЕТЕРМИНАТИВОВ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА *nì* И *vǝ*

Детерминативы множественного числа *nì* и *vǝ* чаще всего используются для обозначения множественного числа. При этом данные показатели сочетаются с разными единицами: *nì* чаще всего употребляется с местоимениями и существительными, обозначающими термины родства, *vǝ* с остальными существительными. Мы видим, что распределение детерминативов множественного числа по существительным разных семантических типов осуществляется согласно иерархии одушевленности:

Схема 3. Иерархия одушевленности и сочетаемость детерминативов множественного числа

1 > 2 > 3 > термин родства | человек > одуш. сущ-е > неодуш. сущ-е
nì *vǝ*

(51) *kǝ* *nì* *kǝ* *bíni* *yǎ* *krǝ* *tǎǎ*
 1PL.EMPH PL 1PL.PRET лес DEM класть земля
 'Мы, мы пересекли лес'.

(52) *dǎǎ* *nì*
 отец PL
 'мои отцы (мой отец, его братья, его отец и т. д. – мужские родственники по отцовской линии)'

Однако, как мы покажем далее, иерархия не объясняет различия в сочетаемости детерминативов, – соблюдение иерархии скорее является следствием особенностей их семантики.

Помимо выражения собственно множественного числа, *nì* также используется в следующих функциях:

1) Ассоциатив. Именные группы, содержащие показатель *nì* в ассоциативной функции, обозначают «множество объектов, включающее референт имени N и связанные с ним объекты» [Даниэль 2000: 4]. В такой функции данный показатель встречается не только с терминами родства – он может сочетаться со всеми элементами иерархии одушевленности, включая местоимения, см. пример с местоимением в координативной конструкции (53). Ср. также пример (54) с персонифицированным неодушевленным существительным *nǝǝ* 'сом', являющимся персонажем сказки.

(53) *kǝ* *bí* *nì*
 1PL.COORD 2SG.EMPH PL
 'я и ты (и другие люди)'

(54) *nǝǝ* *wē* *nì* *séifj*
 сом DEM PL весь
 'сом и вся компания (*сомы)'

2) Дистрибутив. Данный термин мы используем в широком значении: не только как наличие пары множеств, связанных отношением дистрибутивности, то есть распределения членов одного множества между членами другого, как в (56) ниже (о дистрибутивности см., в частности, [Татевосов 2002]), но и в целом как отсутствие коллективной интерпретации (пример 55). Мы используем определение Г. Корбетта: «...разграничение между членами группы, будь то предметы, события, качества или места. Члены груп-

пы либо разнесены в пространстве или времени, либо различаются по типу»⁸ [Corbett 2000: 111]. В такой функции данный показатель сочетается только с неодушевленными существительными.

(55) Wèŋj̄ nì, súò nì, pē nǒfǐfǐ á nǎá lǔá vǒ kèlè.
 соль PL перец PL вещь каждый 3SG.PRET>3SG искать женщина PL рука
 'Разные типы соли, разные типы перца, он это нашел у женщин'.

(56) mǒtǒò nì ò ká píé
 мотоцикл PL 3PL.EXI дом PL
 'Мотоциклы есть в разных (многих) домах'.

Вопрос о том, должны ассоциативное или дистрибутивное множественное анализироваться как специальные «малые» граммемы числа, подобно двойственному или паукальному числу (в таком случае категория числа имела бы следующие граммемы: единственное / общее, ... ассоциатив, ... дистрибутив, ... двойственное число, ... множественное число), или анализироваться как независимая грамматическая категория, обсуждается в работах [Corbett, Mithun 1996; Corbett 2000]. Анализируя материал языков, где ассоциатив и дистрибутив выражаются с помощью отдельных показателей, совместимых с обычными числовыми показателями, авторы приходят ко второму выводу, поскольку если предположить, что граммемы ассоциатива / дистрибутива и собственно числа принадлежат к одной грамматической категории, то это автоматически означает невозможность их совместного выражения. При этом в большинстве языков, где выражается значение ассоциатива, включая ману, показатель ассоциативного множественного совпадает с обычным числовым показателем [Даниэль 2000: 10], поэтому данное рассуждение ошибочно.

В работе [Даниэль 2000] предлагается другой подход. Вслед за работой [Барулин 1980] М. Даниэль предлагает различать аддитивную и ассоциативную множественность.

Аддитивная множественность X-PL представляет собой гомогенную группу объектов, которая характеризуется тем, что все члены множества могут обозначаться лексемой X: X-PL = 'X + X ... + X'. При этом термин «группа» в работе [Даниэль 2000] не определяется; мы предлагаем следующее предварительное определение: **группа** – это множество объектов, объединенных в пространстве и времени.

Именно такой тип множественности маркирует показатель vǒ:

(57) à kwí vǒ wǎ gèè kíŋ
 REF белый.человек PL 3PL.PRET>3SG говорить так
 'Белые люди так сказали': kwí vǒ = kwí + kwí + ... + kwí

Ассоциативная множественность X-PL представляет собой гетерогенную группу, в которой только один член эксплицитно назван и может обозначаться термином X, тогда как другие должны обозначаться другими лексемами: X-PL = 'X + Y + ... Z'. Эти гетерогенные группы могут быть естественными множествами, как группы родственников *dàā nì* <отец PL> 'мои отцы, мои мужские родственники с отцовской стороны': хотя в ману отец, его старшие братья и деды по материнской линии обозначаются одним словом, очевидно, что говорящие различают собственно отца и остальных мужских родственников, последние группируются именно вокруг фигуры отца⁹. Референты местоимений

⁸ «The separation of members of a group, whether entities, events, qualities or locations. Each is considered distinct in space, sort or time». Перевод цитат здесь и далее наш.

⁹ При этом, например, для обозначения сиблингов, как в выражении *lèkè nì* 'младшие сиблинги', совершенно необязательно, чтобы имелся какой-то центральный группообразующий референт. Хотя в данном контексте функция показателя значительно больше похожа на аддитивное множественное, адекватнее говорить о так называемой классификаторной форме терминов родст-

множественного числа 'мы' и 'вы' также считаются ассоциативными множествами: 'я и другие', 'ты и другие' [Есперсен 1958: 221; Барулин 1980; Moravcsik 1994].

Помимо естественных групп в ассоциативные множества могут объединяться множества, мотивированные контекстом. Ко второму случаю относится и наш пример (54), в котором персонажи сказки обозначаются *nɔ̀ nì* <сом PL> 'сом и другие персонажи'.

Если в этих же терминах рассматривать дистрибутивное множественное, то можно увидеть, что оно отсылает не к группе, а к совокупности более или менее гомогенных объектов, распределенных в пространстве или времени, или к различным подвидам: X-PL = 'X' + 'X' + ... 'X'.

Таким образом, мы можем охарактеризовать аддитивное множественное как обладающее свойствами «+ референция к группе», «+ гомогенность объектов». Ассоциативное и дистрибутивное множественное также можно охарактеризовать через данные признаки – это такие типы множественности, которые определяются через отрицание одного из признаков, характеризующих аддитивное множественное:

ассоциативное множественное:	+группа, –гомогенность;
дистрибутивное множественное:	–группа, +гомогенность.

Таким образом, семантическое противопоставление между показателями *nì* и *vɔ̀* описывается не как аддитивное vs. ассоциативное, а скорее как аддитивное vs. неаддитивное.

Легко заметить, что единственная оставшаяся комбинаторная возможность, а именно «–группа, –гомогенность», оказалась нами не затронута. Это сочетание признаков означает, что гетерогенные объекты образуют совокупность (а не группу!), будучи разнесенными в пространстве или времени. Таким образом, форма X-PL в этом значении должна относиться к совокупности 'X' + 'Y' + ... + 'Z'. Нам не известны примеры языков, где совокупность гетерогенных объектов, то есть объектов, не объединенных ни локализацией в пространстве или времени, ни общим денотатом, обозначалась бы с помощью формы множественного числа.

Однако есть языки – и мано является одним из них, – где референция осуществляется только к одному объекту, а именно к X-у, тогда как группа ассоциированных с ним объектов, гомогенных или гетерогенных, оказывается имплицитной. Таким образом, X-PL относит к 'X' при условии, что подразумевается также 'Y + Z', 'Y + Y' или даже 'X + X'.

Действительно, детерминатив *nì* в мано может употребляться в значении, при котором говорящий ассоциирует объект с некоторой указанной в предыдущем контексте или подразумеваемой группой объектов. При этом принадлежность к этой группе зачастую воспринимается как противоречащая ожиданиям (говорящего или слушающего). Это значение переводится информантами как 'также' или 'даже'. Группа связанных с референтом объектов может быть гомогенной, как в (58), или гетерогенной, как в (59).

(58) *dù* *dòb* *gè* *bù* *wélé* *bòs* *gè*.
 корова один видеть рис кость мешок видеть
à *pě* *séíj* *ŋ* *nū-pià* *à* *ká* *à* *ɲóns* *nì*.
 REF вещь весь 1SG.EXI прийти-INF 3SG.NSBJ с REF масло PL
 'Вот корова, вот мешок с рисом. Я несу всевозможные вещи, даже масло'.

(59) *māē* *wà* *groupe* *nó* *wāā* *yí* *māā* *gè* *ē*.
 1SG.EMPH 3PL.POSS группа Только 3PL.EXI>3SG в 1SG.JNT видеть TOP
í *béē* *Franko* *nì* *lē*.
 2SG.NSBJ друг Франко PL COP
 'Я вижу только их рабочую группу. Там также есть твой друг Франко'.

ва (см. [Даниэль 2000: 81–82]) – под выражением *lèkè nì* подразумеваются определенные родственники того же классификаторного поколения, что и говорящий, но младше по возрасту. О функционировании системы родства в дан-гуэа, близкородственном мано, см. [Выдрин 2005].

Группа связанных с референтом объектов может быть и вымышленной. В этом случае следует говорить о значении интенсификатива, или эмфатического (*emphatic*), «гиперболизованного» (*hyperbolic*) множественного, см. [Corbett 2000: 235]. В этом значении форма множественного числа относит к единственному объекту в реальном мире и используется в функции преувеличения. Значение множественности при этом аддитивное: вымышленная группа объектов – гомогенная (60).

- (60) Kélé nì lé àà dà bē, kélé bē
 навес PL REL 3SG.PRF падать DEM навес DEM
 bāá là kē!
 2SG.NEG>3SG поверхность делать
 'Даже ангар, который повалился, ты его не чинишь!'

Показатель *nì* в значении 'тоже, даже', а также гиперболизованного множественного отличает от показателя *nì* в остальных значениях два свойства. Во-первых, в этих значениях *nì* может сочетаться с *vò*, как в следующем примере:

- (61) Là gbá vò nì, ò ò wìl bèlè.
 3SG.POSS собака PL PL 3PL.PRET 3PL.NSBJ мясо есть
 'Его собак (букв.: «мясо его собак») тоже съели'.

Во-вторых, если в именную группу входит *nì* в этих значениях, то кореферентный данной именной группе местоименный индекс имеет форму единственного, а не множественного числа, включая предикативные показатели (см. (60)), что противоречит правилам согласования местоименных индексов (см. 2.4.2). Это позволяет сделать важный вывод о том, что показатель *nì* в значении 'тоже, даже' и гиперболизованного множественного следует считать отдельной лексемой¹⁰.

Суммируем основные свойства детерминативов множественного числа *nì* и *vò*:

- 1) *vò* обозначает аддитивное, *nì* – неаддитивное множественное число, при этом показатели распределены по иерархии одушевленности, что мотивируется семантическими свойствами: число местоимений и терминов родства неаддитивно;
- 2) у *nì* есть омонимичный показатель, имеющий функции, напрямую не связанные со значением множественности.

¹⁰ Показатели *nì* и *vò* имеют и другие значения, не связанные напрямую с семантикой числа. Речь идет о значениях миматива и 'например'. Имея такую семантику, *nì* и *vò* могут располагаться вне именной группы; более того, как в примере (1), показатели могут не относиться ни к какой именной группе в предложении, так что невозможно говорить об операции передвижения. Показатели *nì* и *vò* в данных значениях мы также считаем отдельными лексемами. Подробнее об этих значениях см. [Khachatryan 2012].

- (1) òó gbāā kē sè, lélépéle ñ kē vò zèè
 3PL.NEG NEG делать хорошо похоже 1SG.PRET делать PL здесь
 'Они плохо сделали, кажется, я даже был там'.

- (2) sélé kō yàá là vò 3 ññ
 земля 1PL.EXI садиться-GER>c>3SG.NSBJ на PL TOP 1SG.IPFV

bēt à mō ñ sí á là
 мочь:IPFV 3SG.NSBJ на 1SG.CONJ>3SG подниматься 3SG.NSBJ на
 'Например, деревня, в которой мы находимся (букв. «сидим»), я могу ее взять (в качестве примера)'.

4. ВЫВОДЫ

4.1. Число как квазиграммема

В подразделе 2.1 мы продемонстрировали, что противопоставление единственного и множественного числа релевантно только для именных групп, обозначающих людей, и не в генерических контекстах. У всех остальных именных групп различается общее и множественное число. Это означает, что множественность объектов в реальном мире может быть отражена как с помощью именной группы, не содержащей никаких показателей множественного числа, так и с помощью именной группы, их содержащей. Следовательно, для выражения значения множественного числа говорящий не должен делать обязательного выбора между двумя структурами именной группы. Структура, не содержащая показателей множественного числа, выбирается по умолчанию, и общее число должно считаться числом по умолчанию.

Если значение множественного числа может передаваться как с помощью простого, так и с помощью сложного формального выражения, использование сложного выражения должно быть мотивировано. Поскольку семантики, как мы увидели, недостаточно, должны играть роль другие факторы, в частности дискурсивные: определенность, дискурсивная выделенность и другое. В подразделе 2.1 мы продемонстрировали, что эти факторы действительно играют роль в мане, однако точные правила установить не удастся. В других языках манде, однако, связь между дискурсивными факторами и выражением числа значительно более тесная (об этом см. раздел 5).

Из пяти различных лексических и морфологических средств, используемых для выражения значения множественности, только одно употребляется исключительно в этом значении. Это шесть существительных, различающих форму единственного / общего числа и форму множественного числа, образованную нерегулярно. Поскольку таких существительных в словаре крайне мало и нет регулярного морфологического выражения значения числа в этих формах, нельзя считать, что в мане имеются устойчивые парадигмы по числу.

Что касается других способов выражения множественного числа, то у прилагательных *pluralia tantum* данное значение является всего лишь одним из компонентов семантики лексемы, но далеко не главным. К тому же таких прилагательных всего четыре, а значит, они достаточно маргинальны. Значение множественного числа логически выводится из лексического значения числительных и не является собственно их значением.

Редуцированные формы прилагательных, хотя образуются по строгим морфологическим правилам, лишь у некоторых лексем имеют семантику множественного числа, у других они имеют значение интенсивности или же редупликация выполняет словообразовательную функцию.

Таким образом, детерминативы – единственные претенденты на то, чтобы считаться по-настоящему продуктивным и регулярным средством выражения числа. Детерминатив *vɔ* имеет значение аддитивного числа, тогда как детерминатив *ni* – неаддитивного, их распределение регулируется семантическими принципами (число местоимений и терминов родства семантически является неаддитивным, поэтому с данными элементами употребляется *ni*, а не *vɔ*).

Мы можем сделать вывод, что выражение множественного числа в мане характеризуется следующими свойствами:

1. С точки зрения морфологии число в целом выражается достаточно регулярно. Имеется шесть супплетивных форм множественного числа и прилагательные *pluralia tantum*, у которых нет систематического морфологического экспонента значения множественного числа; однако редупликация прилагательных происходит по строгим правилам (см. [Хачатурьян рук.]), сочетаемость редуцированных форм, а также детерминативов и числительных достаточно широкая.

2. При этом отражение в языковом выражении множественности объектов в реальном мире необязательно: общее (морфологически немаркированное) число является дефолт-

ным для именных групп с референтами, располагающимися в правой части иерархии одушевленности (неодушевленные и одушевленные объекты, кроме людей). Эксплицитное маркирование именной группы по числу должно быть дискурсивно мотивировано.

Следовательно, множественное число в ману подходит под определение квазиграммемы, предложенное в работе Мельчука [Mel'čuk 1993]. Словообразовательные категории или граммемы должны не только регулярно выражаться, но также быть обязательно выражены при каждой лексеме, к которой применима данная категория. Квазиграммемы разделяют с граммемами свойство выражаться регулярно, но не являются при этом обязательными. О применении понятия квазиграммемы к языковому материалу см., например, [Kibrik 2005].

4.2. Объяснение нерегулярностей в маркировании числа и в согласовании

Обратимся теперь к согласованию по числу. Правила согласования внутри и вне именной группы весьма схожи. В зависимости от семантики контролера и синтаксической позиции мишени эти правила могут быть более или менее строгими. Однако из четырех возможных сочетаний значений категории числа для контролера и мишени согласования невозможной оказывается только сочетание контролера единственного/общего числа и мишени множественного числа. Обратимся снова к таблице 6 (она приводится ниже под номером 7).

Таблица 7

Общие правила согласования

		мишень согласования	
		единственное / общее число	множественное число
контролер	единственное / общее число	ok	–
	множественное число	ok	ok

Асимметрию в маркировании числа можно объяснить, если учитывать, что, поскольку число является квазиграммемой, выражение числа факультативно и что в ману отсутствует автоматическое маркирование по числу всех компонентов именной группы и всех связанных с ней местоименных индексов, которое наблюдалось бы при каноническом согласовании. Следует ожидать, что число скорее будет выражаться на контролере согласования, то есть на существительном, в случае согласования внутри именной группы или в целом на именной группе – в случае согласования вне ее, нежели на мишени, поскольку именно контролер является естественным носителем значения категории числа. Таким образом, мишень только тогда маркирована по множественному числу, когда контролер также по нему маркирован. Это последнее свойство можно отразить в виде следующей иерархии маркирования по числу:

Схема 4. Иерархия приоритета маркирования по числу
контролер > мишень

Согласно этой иерархии имеется три возможности.

1) Ни контролер, ни мишень не маркируются по множественному числу (контролер единственного/общего числа и мишень единственного/общего числа).

2) Только контролер маркирован по множественному числу (отсутствие согласования: контролер множественного числа и мишень единственного / общего числа).

3) И контролер, и мишень маркированы по множественному числу.

По данной схеме неграмматичная комбинация контролера в единственном / общем числе и мишени во множественном числе автоматически исключается.

Первая из трех опций реализуется, если а) в реальном мире референт представляет собой единственный объект, а не группу, б) референт представляет собой группу объектов, но нет дискурсивных факторов, определяющих, что говорящему необходимо сообщать информацию о числе объектов. Вторая и третья опции реализуются, если маркирование контролера множественным числом предпочтительно или даже необходимо, как в случае референтов, стоящих высоко в иерархии одушевленности (люди), и именных групп, стоящих высоко в иерархии определенности (определенные именные группы). Выбор между второй и третьей опцией, то есть выбор между мишенью, копирующей или не копирующей множественное число контролера, осуществляется в соответствии с иерархией доступности (мишень должна быть в высокой синтаксической позиции субъекта) или иерархией одушевленности (согласование предпочтительно в случае, если именная группа контролера обозначает человека). Таким образом, в случае согласования по (множественному) числу можно говорить о факультативном копировании квазиграммемы множественного числа.

Следовательно, нерегулярности в маркировании числа и в согласовании по числу отчасти связаны с ограничениями, предсказываемыми иерархией одушевленности [Corbett 2000], а именно:

Чем правее данная единица располагается по иерархии одушевленности, тем меньше вероятность того, что она будет различать несколько форм, противопоставленных по числу.

В ману иерархии одушевленности недостаточно, чтобы объяснять нерегулярности. Правила, определяющие выражение множественного числа и согласование по числу, должны также включать иерархию доступности именных групп и иерархию определенности. Учитывая эти иерархии, мы можем сформулировать два правила, одно для выражения числа в именной группе, другое – для согласования по числу.

I. Ограничение на выражение числа

Чем правее данная именная группа располагается в иерархии одушевленности и иерархии определенности, тем меньше вероятность того, что она будет маркирована множественным числом.

II. Ограничение на согласование

Чем правее плюральный контролер располагается в иерархии одушевленности, а мишень – в иерархии доступности, тем меньше вероятность того, что мишень будет согласовываться по числу.

5. РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Ниже мы приводим основные результаты анализа категории числа в ману и типологические параллели.

1) Множественное число в ману является квазиграммемой: оно выражается регулярно, но не обязательно. Схожая ситуация наблюдается, например, в нанайском языке: «для современного состояния нанайского языка можно постулировать наличие регулярных, но необязательных способов выражения множественности в именных группах и на предикате»; «система согласования в нанайском языке почти сформирована и характеризуется регулярностью, хотя и не обладает строгими правилами употребления» [Оскольская 2009: 37].

2) В семантике оппозиции по числу в ману наблюдается расщепление: элементы выше по иерархии одушевленности Смита-Старка [Smith-Stark 1974] различают единственное и множественное число, а элементы ниже по этой иерархии различают общее

и множественное число. Данное расщепление вполне предсказывается принципами функционирования иерархии.

3) Выражение числа в мане, помимо позиции референта именной группы в иерархии одушевленности, зависит также от определенности. Если в мане такая зависимость формулируется в терминах тенденции, то в некоторых других языках манде она прослеживается значительно четче.

Так, в мандинка «маркер множественного числа практически не употребляется в отсутствие показателя определенности, кроме случаев, когда отсутствие маркера определенности связано с наличием детерминатива. Неопределенное множественное наблюдается, как правило, тогда, когда отсутствие показателя определенности связано с тем, что объект характеризуется в последующей клаузе» [Creissels 2009: 97].

(62) Mògo lu yé yàn, ò lu mán lí
 человек PL быть здесь DEM PL QUAL.NEG быть.хорошим
 'Тут есть люди, они нехорошие'.

(63) Sàmadá lu sànda, ò lu ká lí
 обувь PL покупать-ACP.POSS DEM PL QUAL.POS быть.хорошим
 'Мы купили туфли, они красивые' (Creissels 2009: 97).

В языке знало [Babaev 2011] отмечено несколько показателей множественного числа, включая показатель определенного множественного *-ti*, неопределенного множественного *gà*, а также показатель ассоциативного множественного *-ni(g)* и относительного множественного *-à*.

4) Анализ семантики и дистрибуции показателя *ni* показал, что *ni* является маркером неаддитивного множественного, включающего значения ассоциатива и дистрибутива, в противоположность показателю аддитивного множественного *vò*.

Полисемия, включающая значения дистрибутива и ассоциатива, в других языках не засвидетельствована. Однако значения ассоциативной и дистрибутивной множественности по отдельности встречаются достаточно часто, в том числе в языках манде.

В языке ваи: «...у существительных, референты которых относятся к семантическим классам, отличным от лиц, значение основы – общее число, то есть ни эксплицитно единственное, ни множественное. Предложение /ná tiè fê'è/, например, может быть переведено как “Я увидел курицу” или как “Я увидел куриц”; значение /tiè/ может быть, вероятно, отражено словом “курятина” – однако не в значении вещества, как ‘мясо’, но в значении неопределенного количества куриц... Предложение /ná tiè nú fê'è/ означает, скорее, ‘Я видел куриц здесь и там, но, очевидно, не всех куриц, которые были в окрестности’. [Значение показателя *ni*] – индивидуализированное множественное: конкретные курицы, не стайка» [Welmerts 1976: 45].

Показатель **-ni(η)* в значении ассоциативного множественного / показателя числа для терминов родства реконструируется на уровне протоязыка юго-западной группы манде [Выдрин 2006].

Что касается омонимичного детерминативу *ni* показателя со значением ‘тоже, даже’ и гиперболизированного множественного, то и у того, и у другого значения есть типологические параллели – правда, не в языках манде.

Гиперболизированное множественное встречается в том числе и в русском языке (пример [Красильникова 1990: 85], другие примеры см. [Corbett 2000]):

(64) Кто это кошельки раскидывает?

Что касается значения имплицитной ассоциативности ‘тоже, даже’, то и у него есть любопытные параллели. Во-первых, грамматикализация комитатива или сочинительного союза в показатель ассоциативности, а затем и аддитивного множественного отмечена в баскском и бедиондо [Creissels 2006: 124–125]. В русском языке сочинительный

союз может иметь значение 'тоже, даже'. Таким образом, имеется связь между сочинением, ассоциативностью и значением имплицитной ассоциативности.

(65) И Маша пришла (= Маша тоже пришла, даже Маша пришла)¹¹.

Согласование факультативно для одних единиц иерархии одушевленности Смита-Старка [Smith-Stark 1974] и обязательно для других. Похожий эффект наблюдается в грузинском, где, «если субъект множественного числа обозначает одушевленное существо, глагол будет также в форме множественного числа, если он означает неодушевленное существо, глагол будет в форме единственного числа» [Corbett 2000: 55].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа демонстрирует, что категория числа, которая может показаться прозрачной грамматической категорией, оказывается комплексным, многогранным феноменом. Множественность объектов в реальном мире может выражаться с помощью плюральных форм некоторых существительных и прилагательных, с помощью детерминативов-плюрализаторов, числительных и прилагательных *pluralia tantum*. Плюральных форм существительных слишком мало, и образуются они нерегулярно, поэтому нельзя считать, что в языке есть полноценные парадигмы по числу существительных; детерминативы-плюрализаторы и редупликация прилагательных более регулярны и обладают широкой сочетаемостью, однако у редупликации прилагательных есть и другие значения, помимо множественности. Поскольку множественность не-лиц в реальном мире выражается факультативно, множественное число в ману нельзя считать граммемой, так как граммема по определению должна выражаться не только регулярно, но и обязательно. Однако множественное число хорошо вписывается в понятие квазиграммемы, введенное И. Мельчуком, которое предполагает, что некоторая категория может выражаться регулярно, но не быть при этом обязательной. Данная работа также демонстрирует, что выражение числа и согласование осуществляются в соответствии с несколькими иерархиями: иерархией одушевленности, иерархией доступности именных групп и иерархией определенности. Именные группы, расположенные высоко в иерархии одушевленности и иерархии определенности, скорее будут маркированы по множественному числу, чем именные группы, располагающиеся внизу этих иерархий. Именные группы, располагающиеся высоко в иерархии одушевленности, различают единственное и множественное число, а именные группы, располагающиеся низко в иерархии, – общее и множественное. Согласование внутри и вне именной группы зависит от позиции в иерархии одушевленности контролера согласования и позиции в иерархии доступности именных групп мишени согласования: чем ниже по соответствующим иерархиям контролер и мишень, тем меньше вероятность согласования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

– – редупликация; ACP.POS – утвердительный перфект; ADJ – суффикс прилагательного; CONJ – конъюнктив; COORD – координативная серия местоимений; COP – копула; DEM – демонстратив; EMPH – эмфатическая серия местоимений; EXI – экзистенциальная серия местоимений; FOC – маркер фокуса, фокализованная форма местоимений; GER – герундий; INF – инфинитив; INT – редупликация прилагательных со значением интенсива; IPFV – имперфективная серия предикативных маркеров, тональная морфема имперфектива; JNT – сопряженная серия предикативных маркеров; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NSBJ – несубъектная серия местоимений; QUAL.POS – утвердительная серия предикативных маркеров качественных глаголов; QUAL.NEG – отрицательная серия предикативных маркеров качественных глаголов; PL – множественное число; POSS – possessивная серия местоимений; PRET – претеритная серия

¹¹ Автор благодарит за пример Дени Кресселя.

предикативных маркеров; PRF – перфект; RECP – реципрок; REF – референциальный маркер; REFL – рефлексив; REL – релятивизация; SG – единственное число; TOP – маркер топика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барулин 1980 – *А.Н. Барулин*. Категория числа в местоимениях // В.М. Андрущенко (ред.). Исследования в области грамматики и типологии языков. М., 1980.
- Выдрин 2005 – *В.Ф. Выдрин*. Терминология родства и свойства в дан-гуэта (Кот д'Ивуар) // В.Ф. Выдрин, Д.И. Раскин, В.Г. Узунова, С.Б. Чернецов, Ю.К. Чистов (ред.). *Ad hominem*. Памяти Николая Гиренко. СПб., 2005.
- Выдрин 2006 – *В.Ф. Выдрин*. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Acta linguistica petropolitana*. 2006. Т. 2. № 2.
- Выдрин 2010 – *В.Ф. Выдрин*. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В.А. Виноградов (ред.). *Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп*. М., 2010.
- Даниэль 2000 – *М.А. Даниэль*. Типология ассоциативной множественности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Есперсен 1958 – *О. Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.
- Коношенко 2013 – *М.Б. Коношенко*. Лично-числовое маркирование в языке кпелле: к типологии согласования по лицу и числу // *Вопросы языкознания*. 2013. № 1.
- Красильникова 1990 – *Е.В. Красильникова*. Имя существительное в русской разговорной речи: Функциональный аспект. М., 1990.
- Макеева 2012 – *Н.В. Макеева*. Грамматический строй языка кла-дан в типологическом контексте родственных языков: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Оскольская 2008 – *С.А. Оскольская*. Способы выражения множественности участников в калмыцком языке // *Acta linguistica petropolitana*. 2008. Т. 4. № 2.
- Оскольская 2009 – *С.А. Оскольская*. Способы выражения множественности участников в нанайском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. СПб., 2009.
- Татевосов 2002 – *С.Г. Татевосов*. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002.
- Хачатурьян рук. – *М.Л. Хачатурьян*. Грамматические особенности языка ману в типологической перспективе. Рукопись.
- Babaev 2011 – *K. Babaev*. Zialo: the newly-discovered Mande language of Guinea. München, 2011.
- Becker-Donner 1965 – *E. Becker-Donner*. Die Sprache der Mano. Graz; Wien; Köln, 1965.
- Bender 1969 – *B.W. Bender*. Spoken Marshallese: an intensive language course with grammatical notes and glossary. Honolulu, 1969.
- Corbett 2000 – *G.G. Corbett*. Number. Cambridge, 2000.
- Corbett, Hayward 1987 – *G.G. Corbett, R.J. Hayward*. Gender and number in Bayso // *Lingua*. 1987. V. 73.
- Corbett, Mithun 1996 – *G.G. Corbett, M. Mithun*. Associative forms in a typology of number systems: evidence from Yup'ik // *Journal of linguistics*. 1996. V. 32.
- Creissels 2006 – *D. Creissels*. *Syntaxe générale, une introduction typologique*. V. 1. Paris, 2006.
- Creissels 2009 – *D. Creissels*. *Le malinké de Kita*. Cologne, 2009.
- Gonda 1942 – *J. Gonda*. The functions of word duplication in Indonesian languages // *Lingua*. 1942. V. 2.
- Hachaturyan 2010 – *M. Hachaturyan*. The syntactic approach to pronominal systems in South and South-Western Mande languages // K. Pozdniakov, V. Vydrin, A. Zheltov (eds). *Personal pronouns in Niger-Congo languages: International workshop*. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers: Working materials. St. Petersburg, 2010.
- Khachaturyan 2012 – *M. Khachaturyan*. Plurals in Mano: from nominal number to counter-expectation meaning. Handout presented at the SLE-45 conference. Stockholm, 29 August – 1 September, 2012. https://www.academia.edu/5287225/Plurals_in_Mano_from_nominal_number_to_counter-expectation_meaning
- Kibrik 2005 – *A.A. Kibrik*. Inflection versus derivation and the template for Athabaskan verb morphology // S. Gessner (ed.). *Proceedings of the 2005 Athabaskan languages conference*. Fairbanks, 2005.
- Mel'čuk 1993 – *I.A. Mel'čuk*. *Cours de morphologie générale*. Montréal, 1993.
- Mithun 1988 – *M. Mithun*. Lexical categories and the evolution of number marking // M. Hammond, M. Noonan (eds). *Theoretical morphology*. New York, 1988.

- Moravcsik 1994 – *E. Moravcsik*. Group plural – associative plural or cohort plural. Email document // LINGUIST List. 1994. № 681.
- Neal et al. 1946 – *V.C. Neal, W.C. Sinclair, B.J. Finn, M. Compton*. Beginning Mano. A course for speakers of English. San Francisco, 1946.
- Smith-Stark 1974 – *T.C. Smith-Stark*. The plurality split // M.W. La Galy, R.F. Fox, A. Bruck (eds). Papers from the tenth regional meeting, Chicago linguistic society. Chicago, 1974.
- Welmers 1976 – *W.E. Welmers*. A grammar of Vai. Los Angeles, 1976.
- Wonderly et al. 1954 – *W. Wonderly, L.F. Gibson, P.L. Kirk*. Number in Kiowa: nouns, demonstratives, and adjectives // International journal of American linguistics. 1954. V. 20.
- deZeeuw, Kruah 1981 – *P. deZeeuw, R. Kruah*. A learner directed approach to Mano: A handbook on communication and culture with dialogs, texts, cultural notes, exercises, drills and instructions. East Lansing, 1981.

Сведения об авторе:

Мария Леонидовна Хачатурьян
Институт языкознания РАН / INALCO – LLACAN, CNRS
mashaha@gmail.com

Статья поступила в редакцию 2.12.2013.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2014 г. В.Б. КРЫСЬКО

ОБ ИЗДАНИИ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

В статье рассматриваются инновационные принципы и конкретные подходы к реконструкции старославянского текста, нашедшие отражение в трехтомном издании «Скитского патерика», подготовленном У. Федером.

Ключевые слова: старославянский язык, кирилло-мефодиевское наследие, памятники, издание, реконструкция, колляция

This article discusses innovative principles and specific approaches to the reconstruction of an Old Church Slavonic text, reflected in the three-volume edition of the Skete Paterikon prepared by William R. Veder.

Keywords: Old Church Slavonic, Cyrillo-Methodian heritage, writing monuments, edition, reconstruction, collation

Amicae Veritati

Ведущий нидерландский славист-медиевист Уильям Федер в 2012 г. издал в Амстердаме три монументальных тома «Скитского патерика» (далее СП) – плод сорокалетних изысканий¹. В Предисловии маститый автор подчеркивает, что в традиции изучения церковнославянского языка, в отличие от греческого и латинского, до сих пор отсутствовали издания т е к с т о в: исследователи ограничивались изданиями одной рукописи, в лучшем случае с аппаратом разночтений, который обычно не отличает первичное от вторичного; не было серьезных попыток проникнуть в царство т е к с т у а л ь н о й п а л е о н т о л о г и (I, 7). Обсуждаемый труд провозглашается первым опытом такого исследования. Уже эти вводные замечания напрашиваются на возражения: достаточно вспомнить хотя бы подготовленное В.А. Семеновым издание Пчелы [Семенов 1893] и указатели к новому изданию этого памятника [Пичхадзе, Макеева 2008], классическое издание Хроники Георгия Амартола, осуществленное В.М. Истриным [Истрин 1920–1930], и недавнее новое издание этого же памятника, предпринятое В.А. Матве-

¹ The Scete Paterikon / Introduction, maps and indices by William R. Veder. 494 p.; Patericon Sceticum: Greek text. Latin translation of the 6th c. English translation of the Slavonic textus receptus / Ed. by Johannes G. van der Tak, William R. Veder. 724 p.; Скитский патерик: Славянский перевод в принятом тексте и в реконструкции глаголического архетипа / Изд. Уильям Р. Федер. 750 с. Amsterdam, 2012. (Pegasus Oost-Europese Studies; 12, 13, 14.)

Тома пронумерованы только номерами серии, в которой они изданы, – 12, 13 и 14; в дальнейшем мы будем ссылаться на них соответственно как на I, II и III с последующим номером страницы (через запятую). Ссылки на отдельные главы, апофтегмы и синтагмы («стихи») приводятся согласно нумерации, принятой в издании, по типу 1:2 (для кратких апофтегм) или 1:2:13 (для текстов, членящихся на множество стихов, и при точном указании на стих).

енко и Л.И. Щёголевой [Матвеевко, Щёголева 2006–2011], новое издание Изборника 1076 г. [Мушинская и др. 2009], наконец, публикации Ильиной книги [Крысько 2005], сентябрьского Синаксаря [Пролог 2010; 2011] и реконструкцию старославянского канона Кириллу Философу (см. [Крысько 2013]), чтобы представить историю изданий церковнославянских текстов все же не в столь зачаточном состоянии: многие слависты, публикуя памятник по древнейшему или наиболее сохранному списку, отнюдь не останавливаются на перечислении разночтений, но именно стремятся отличить первичное от вторичного, нередко внося надежные конъектуры и тем самым восстанавливая «пра-текст» там, где публикуемый список отклоняется от исходного состояния. Однако издание У. Федерера по своей смелости и решительности, действительно, оставляет всю предшествующую славистику далеко позади: голландский ученый полностью отказывается от воспроизведения каких бы то ни было рукописей, содержащих текст СП, независимо от их древности, полноты или предполагаемой близости к протографу: их текст в виде полной пофразовой коллажи опубликован (в объеме приблизительно 5 000 страниц!) в электронном журнале «Полата књигописаная» [Veder 2006]², а обсуждаемый труд содержит, в несколько необычной последовательности, реконструкцию кириллического *textus hesertus* и глаголического протографа (т. III), воспроизведение (в основном по изданиям) греческих и латинских текстов и перевод реконструкции кириллического текста на английский (т. II), инципитарии – греческий, латинский и славянский – и указатель слов и форм к глаголическому тексту (т. I).

В том открывается Введением (I, 11–50), лапидарность которого, очевидно, продиктована принципом *sapienti sat*: в большинстве случаев идеи автора излагаются в виде постулатов, хотя порой и со ссылками на публикации – в основном, к сожалению, недоступные в Москве.

Скитский патерик – это принятое в современной науке название славянского переводного памятника, который включает значительную часть рассказов из греческого сборника, известного как «*Aporhthegmata Patrum*» (систематическое собрание) и содержащего повествования о жизни и изречения египетских пустынножителей III–IV вв.; см. [Николаев 1987: 321]. Сборник, составленный в V в., в его первоначальном виде не сохранился: опубликованные греческие тексты отражают более продвинутое издание, нежели латинский и славянский переводы. По мнению У. Федерера (I, 25), достаточной иллюстрацией для этого утверждения служит тот факт, что в греческой традиции в одном из рассказов читается фраза *Ὁ Θεός, δός μοι ἰσχύς*, тогда как в славянском – *боже, даждь ми крѣпость*, что может восходить только к *δός μοι κράτος* – цитате из Септуагинты (Ps 85.16). Однако, не говоря уже о том, что в греческом тексте Псалтыри фигурирует *δός τὸ κράτος* (*κράτος* – существительное ср. рода III склонения), несоответствие слав. *крѣпость* именно с *κράτος*, а не с *ἰσχύς* вызывает сильнейшие сомнения: по крайней мере, в целом ряде славяно-греческих и греческо-славянских указателей параллелью к *ἰσχύς* является именно *крѣпость* [SJS, II: 80; Люсен 1995: 121; Christians 2001: 297; РГЦ: 240; Крысько 2005: 745; Пенкова 2008: 153].

Согласно У. Федеру, первоучитель Мефодий приобрел список греческого текста Патерика в Риме, вероятно, во время своего первого пребывания там, с кон. 867 до нач. 870 г., и перевел его на славянский в период своего заточения в аббатстве Рейхенау (870 – нач. 873 г.); исследователь поддерживает неоднократно высказывавшееся мнение о том, что именно СП упоминается как *отъчкынь кннги* в Житии Мефодия (гл. 15). Протограф славянского текста (условно обозначаемый как ω) был написан на архаичной форме глаголицы, а язык его характеризуется необычайным избытком форм винительного-именительного и перфективных имперфектов (типа *въздѣаше* 20:3:73, *въстѣаше* 4:2:4, *изидѣаше* 11:58:2)³, а также не поименованных точнее «морфосинтакси-

² К сожалению, номера текстов и стихов в электронной коллажи и в издании не всегда совпадают, ср., например, 4:10:11 в коллажи = 4:10:9 в издании, 18.37 = 18.38, 20:13 = 20:15 и др.

³ Этот вывод, находящийся весомаю поддержке в тексте СП, подтверждает обоснованность на-

ческих особенностей», общих с переводом Номоканона, также приписываемым Мефодию (I, 32). В 886 г. ученики просветителя, изгнанные из Моравии, привезли протограф в столицу Болгарского царства Плиску, где была сделана «инновативная» глаголическая копия текста (Ѡ), к которой восходят по меньшей мере еще пять (но на самом деле явно больше) глаголических копий, изготовленных в Плиске и, после 893 г., в новой резиденции – Преславе; протограф, однако, был перевезен в Охрид либо св. Климентом в 887 г., либо св. Наумом в 893 г. и сохранялся там вплоть до 1394 г., когда город был захвачен турками. В Охриде с протографа было сделано еще 11 копий – одна глаголическая, остальные кириллические. В 969 г., взяв Плиску и Преслав, русский князь Святослав увез пять рукописей Патерика (ѠѢѤ) в Киев, где после 1036 г. они неоднократно транскрибировались на кириллицу: γ – три раза, а ѠѢѤ – по два раза каждая (I, 33; первая транскрипция копии Ѡ сохранилась в виде древнейшей рукописи А¹, см. ниже). Самое интригующее в этих построениях, поразительных по своей хронологической и фактологической определенности и категоричности (и потому крайне неординарных для доселе крайне осторожной славянской филологии⁴), – дальнейшая судьба глаголических списков на Руси: оказывается, вплоть до XVII в. у нас осуществлялись все новые и новые кириллические транскрипции глаголических рукописей (I, 36)! Не находя в обсуждаемом издании никаких аргументов и не располагая верифицируемыми сведениями ни о наборе книг, принадлежавших св. Мефодию, ни о составе Святославовых трофеев, ни о бытовании глаголических кодексов на восточнославянских землях, мы можем отреагировать на эти декларации разве что словами английского писателя Томаса Брауна, известными широкому читателю по эпиграфу к знаменитой новелле Эдгара По: «Что за песню пели сирены или каким именем назывался Ахилл, скрываясь среди женщин, – уж на что это, кажется, мудреные вопросы, а какая-то догадка и здесь возможна».

Что касается транскрипций, то методика выведения глаголических проточтений хорошо известна по многочисленным публикациям У. Федерера последних лет (см., в частности, новейшую работу [Veder 2014]): едва ли не все варианты, представленные по спискам того или иного текста, объясняются не языковым варьированием, не диалектными особенностями, не эволюцией фонетической и грамматической системы, а плохим знанием глаголицы – практически любая глаголическая буква могла смешиваться под пером неквалифицированных переписчиков-транскрипторов с любой другой буквой, так что и *кѣѣт-* на месте *хѣѣт-* и наоборот, и *-хѣ* на месте *-мѣ* (и наоборот), и *пѣѣѣѣ* на месте *попѣѣѣѣ*, и вокализация [jъ] > [je] в форме действ. прич. прош. вр. *поѣѣѣѣ* – всё это следствия ошибочного транскрибирования. С этими постулатами трудно спорить – прежде всего из опасения излагать трюизмы: в самом деле, неужели и русск. *крестьянин*, и польск. *Chrzyciel*, и русск., болг., сербохорв. *непел*, и варьирование падежей (естественно, не ограничивающееся формами на *-хѣ/-мѣ*) – только следствия катастрофического непонимания глаголицы монахами, переписывавшими болгарские рукописи? Неужели графические и орфографические варианты в списках Повести временных лет, вполне аналогичные разночтениям в письменной традиции болгарских по происхождению памятников (см., например, *братѣѣ / браѣѣ / братѣѣ* [PVL, 1: 42]), – тоже наследие глаголицы? Восхождение очень многих рукописей и конкретных чтений к глаголическим протографам несомненно (ср. хотя бы приводимый У. Федерером (I, 37) яркий пример отражения глаголического Ѣ в рукописи XIV в.: *шодѣѣѣ* на месте *бодѣѣѣ* вследствие смещения Ѣ и Ѡ) – однако это важное наблюдение едва ли следует абсолютизировать, отыскивая след глаголицы буквально во всех языковых изменениях.

Два раздела Введения посвящены характеристике рукописей – сначала девяти несохранившихся, гипотетических (это уже упомянутые Ѡ и ѠѢѤ, а также Ѡ – глаголическая копия протографа Ѡ, более консервативная, нежели Ѡ, с – модернизирующая кириллическая редакция копии Ѡ и к – результат сравнения протографа Ѡ с

шего скептицизма относительно нередко декларируемого восточнославянского статуса подобных форм (см. [Пролог 2011: 829]).

⁴ Ср., например, рассуждения об истории преславской Библии в [Алексеев 1999: 139–140].

«не-итало-греческой рукописью» и транскрипции на кириллицу), а затем – восходящих к ним реально сохранившихся кириллических списков, которые разделены на девять групп – А, В, С, I, К, М, О, S и W. Древнейший список, А¹, датируется 1150–1250 гг. и определяется как «украинский» (!); кроме того, в издании использовано еще 28 списков – в основном восточнославянские (XIII–XVII вв., включая еще один «украинский» XIII в.), четыре болгарских (XIV в.) и шесть сербских (XIII–XIV вв.); один из списков, О², демонстрирующий на трех листах «прямую транскрипцию» глаголического кодекса о, в действительности является частью кодекса А¹, хотя и восходящей к иному антиграфу; кроме того, упомянуты еще несколько рукописей, почему-то не учитываемые в издании, в том числе вероятные «прямые транскрипции с глаголицы» (список Q, порой фигурирующий в коллациях, не идентифицирован ни в интернет-издании, ни в трехтомном труде). Аргументация в пользу глаголического происхождения тех или иных списков, как правило, не приводится. Весьма наглядно соотношение сохранившихся и несохранившихся списков представлено в стемме (I, 46), из которой явствует, что ближе всех к протографу стоят непосредственно переписанные с него восемь списков W¹–W⁸, все – южнославянские (W³ и W⁶ – болгарские, остальные сербские); прочие рукописи отделены от протографа как минимум одним промежуточным списком.

Весь этот впечатляющий корпус списков тщательнейшим образом обработан У. Федером, полностью введен в компьютер и, как уже говорилось, упорядочен в виде коллации, доступной в Интернете. Принципы издания славянского текста, которое составляет III том, охарактеризованы в I томе: отдельные патериковые рассказы разделены на секции в соответствии с подразделением и нумерацией, принятыми в изданиях греческого текста, прежде всего в трехтомной публикации Ж.-К. Ги в «Sources chrétiennes», т. 387, 474, 498, 1993–2005 гг. (что, заметим, для слависта создает некоторые неудобства: вначале следует глава А, затем – I, потом В–G, затем 2–22 и наконец Н–О, а апофтегма 14:13 находится после 14:23). Узнать соотношенность каждого из разделов с конкретной рукописью можно только по интернет-изданию [Veder 2006], хотя найти нужный пассаж, например, на отрезке л. 107–123 или 100–117, разумеется, будет непросто. Кириллический *textus recertus* устанавливается для каждого повествования отдельно. Приходится констатировать, что, поскольку ни в одном из списков текст Патерика не сохранился полностью, а целый ряд апофтегм имеется лишь в минимальном количестве списков, неоднородность сводного текста неизбежна; в конечном итоге это все-таки не *textus recertus* в традиционном понимании – «общепринятый текст» или «текст большинства списков», а соединение чтений (нередко уникальных или даже не присутствующих ни в одном из списков), признаваемых издателем за первичные. В принципе У. Федер выбирает реконструируемые формы только из числа вариантов, реально засвидетельствованных в списках, в соответствии с их близостью к латинскому (восходящему к тому же греческому источнику) или более отдаленному греческому тексту; если «конфликт вариантов» неразрешим, издатель, по его словам, прибегает к минимальным конъектурам (правда, трудно признать «минимальной конъектурой», например, восстановление грецизма *санти* < *сантиν* 17:11:7 там, где списки предоставляют только варианты *кърчажъць*, *кърчажици*, *чванець*, *кърчагү*). Если все списки едины в каком-то чтении, оно сохраняется в реконструируемом тексте, даже если издателю очевидно, что это чтение вторично. Написание нормализовано, сокращения раскрыты. В аппарате приведены не все разночтения – издание отсылает к интернет-версии (впрочем, ряд любопытных вариантов все-таки приведен, например: *вельбъжда* → *вельбъжа* → *вербанжа* (III, 12), *мъдно* → *мьдльно*, *късно*, *не скоро*, в *борзѣ*, *безумно* (10:160)⁵, тогда как многие не менее интересные не упоминаются, ср. причастия *тъзи* – *тѣа* (3:18), инфинитивы *тѣти* – *тѣти* (5:44)).

Глаголический *textus reconstructus* основывается на общих представлениях издателя о переводе Патерика; в нем восстанавливаются слова и формы, утраченные в

⁵ Видимо, такие замены служат основанием для никак не оговоренной конъектуры в кириллическом тексте – подстановки *мъднѣ* (правильнее было бы *мѣднѣ*) на место реально зафиксированных *мьдльн*, *мьдльнѣ*, *къснѣ* (14:2).

процессе бытования текста, например, слово *хъызъ*⁶, заменяемое по спискам на *хъыжа*, *хърамнина*, *келни*, несклоняемое *авва* на месте форм ед. ч. слова *отъць* или причастие *моль* *ѣ* на месте *моливъ* *ѣ*, *моли* *ѣ*, *мола*; регулярно упрощаются (архаизируются?) формы местоимений – например, в соответствии с *такъвѣ* в кириллической реконструкции глаголический текст демонстрирует *такон* (при этом остается неясным, когда же появилось местоимение *такъвъ*, – неужели только в постмефодиевскую эпоху?); архаизируются синтаксические конструкции – так, (*приближнѣте* *ѣ*) *къ градиѹ* заменяется на *градѣ*, приименной генитив – на датив. Графика глаголического текста максимально экономна: за основу принимается глаголица, имеющая лишь одну графему для редуцированных, не обозначающая парных палатальных согласных /л'/, /н'/, /р'/ и лишенная l'epentheticum (так что, например, *потапати* и *потапати* в ней должны совпасть⁷), но использующая по два знака для /о/, /х/ и /и/ и особую букву *ѣ* (гервь) как эквивалент кириллических г (в заимствованных словах перед гласными переднего ряда) и *жд* (*паракевѣги*, *осъждѣнѣ*; ср. разбор различных подходов к реконструкции первоначальной глаголицы, в том числе построений У. Федерера, в работах [Martí 2000; 2004]).

Следует подчеркнуть, что с лингвистической точки зрения, безотносительно к реальным спискам, восстановленный кириллический текст в целом производит впечатление безупречного – он соответствует именно тому облику старославянского языка, который вырисовывается перед нами из таблиц склонений и спряжений, публикуемых в учебниках. Методика создания такого идеального текста была описана еще А.И. Соболевским [Соболевский 1910: 2]: «Нужно поставить на места древние *ъ* и *ь*, окончания прилагательных *аго*, *уму*, *ымь* и т.п. заменить через *ааго*, *ууму*, *ымь* и т. п., и то не всегда, и восстановление в главном готово». Правда, реконструкции У. Федерера выглядят еще архаичнее – он, например, восстанавливает интервокальный [j] в членных формах прилагательных (*-аѣго*, *-ѣкмиѹ*). Вот, например, как выглядит коллация разночтений к стиху 4:1:1 и реконструируемый на ее основе *textus receptus*:

Колляция [Veder 2006: 931]	Textus receptus (I, 160)
A¹ Братѣа придоша къ ѡѣи антонни Ѡ скита. A² Братѣа придоша къ ѡѣи антонни Ѡ скита. A³ Братѣа придоша къ ѡѣи антонни Ѡ скита. B¹ Братѣа придоша къ ѡѣи ан'тонни Ѡ скита. B² Братѣа придоша къ ѡѣи антонѣи Ѡ скита. B⁴ Братѣа придоша къ ѡѣи ан'тонѣи · Ѡ скита. B⁵ Братѣа придоша къ ѡѣѣ а'тонѣи Ѡ скита. O Братѣа придоша къ ѡѣи антонѣи Ѡ скита. I¹ Братѣа придоша ко ѡѣа антонѣи Ѡ скыта. I² Братѣа придоша къ ѡѣѣ ан'тонѣи Ѡ скыта. K² Братѣа придоша къ ѡѣѣ ан'донѣи Ѡ скита. W² Братѣа придош · къ авва антонни Ѡ скыта. W³ Братѣа придошж къ ѡѣѣ антонѣи Ѡ скита. W⁵ Братѣа придош къ ѡѣѣ антонни Ѡ скита. W⁶ Братѣа придош къ ѡѣѣ ан'тонни Ѡ скита. W⁸ Братѣа придош къ ѡѣѣ ан'тонни Ѡ скита. C¹ Братѣа придоша къ ѡѣи антонѣи Ѡ скита. C² Братѣа придоша къ ѡѣи антонѣѣ Ѡ скита. C³ Братѣа придоша къ ѡѣѣ антонѣѣ · Ѡ скыта. C⁴ Братѣа придоша къ ѡѣи антонѣи Ѡ скита.	Братѣа придош къ авва антонни отъ скита.

⁶ Здесь и далее глаголические написания транскрибируются по двухъеровой системе.

⁷ Зато совершенно одинаково образованные имперфективы *ослабаетъ* и *ослабаетъ* почему-то пишутся по-разному: геср. *ослабаетъ* и *ослабаетъ* (I, 329).

Как мы видим, в 20 списках зарегистрировано очень мало вариантных чтений: форме большинства списков **отъци** в W² соответствует несклоняемый грецизм (из арамейского) **авва**, сигматическому новому аористу **при(н)доша** – простой аорист **придж** (W², W⁵, W⁶, W⁸). Издатель справедливо вносит эти редкие чтения, очевидно восходящие к протографу, в свою реконструкцию, а кроме того, снабжает иноязычные слова **авва** и **антонин** неорганическими редуцированными, отсутствующими в списках, в форму **придж** вставляет второй **н**, а в существительное **братни**, не знающее вариантов по спискам, – архаизирующий **ѣ** (заметим, однако, что этот **ѣ** вставляется не всегда, ср. сосуществование **братня**, **братни**, **братня**, **братни** и **братик** в 4:29 и 4:30). Аналогичным образом восстановлен и глаголический *textus reconstructus* – с тем только отличием, что неорганические **еры** и двойное **н** в глаголе опущены. С этой и большинством подобных реконструкций трудно не согласиться, и остается восхититься тщательности и трудолюбию издателя, взявшего на себя труд изготовить два идеальных текста одного памятника. До сих пор такая работа предпринималась – и то лишь на кириллице, и даже чаще в гражданском упрощенном шрифте – преимущественно в общедоступных, популярных изданиях или хрестоматиях при восстановлении исходного текста выдающихся произведений древнеболгарской и древнерусской литературы.

Некоторые конкретные издательские принципы вызывают возражения: так, трудно согласиться с отдельным написанием приставочных наречий, выступающих в публикации как сочетания предлогов с наречиями или с именами (**отъ дньсь**, **из жтьрь**, **въ инж**, **вън жтьрь**, **из далече**, **до нтынѣ**, **въ прѣкты**, **съ предн**, **съ задн**, **из възъждю**, **из жтьрьждю**, **съ вчыше**, **из възю**); в два слова превращается даже прилагательное **наѣсъ** (или, как следовало бы написать по-старославянски, **нажсъ**⁸) ‘с пробивающимися усами’ (ср. [ЭССЯ, 22: 203; СлРЯ XI–XVII вв., 10: 293]): **на ѣсъ** (20:3:2).

Непоследовательно передается в кириллической реконструкции суффикс **-ѣн-** (в названиях людей и в относительных прилагательных): на фоне изолированных **ѣнѣтиннѣ** и **анѣтноханннѣ** превалирует почему-то написание с **-ин-** (**китинонѣ**, **егупѣтиннѣ**, **мѣдинѣ**, **оловина**, **древиннѣ**, **каминнѣ**, **травѣтиннѣ**), причем остается непонятной имплицитная йотированность **а** палатальность предшествующих согласных. Такой передаче, однако, противоречит реконструкция причастия **окамѣнѣ** (**же**) **ѣ** (5:46:15), ошибочно отнесенного в словоуказателе к глаголу **окамѣнѣти**: в действительности данный возвратный глагол очевидно образован от каузатива на **-ити** (о чем говорит исход основы причастия, где **-ѣ** < ***-i-us-**). Глаголы подобного типа могут образовываться либо от субстантивных, либо от адъективных основ (**охладити** / **омадити**). В нашем случае мотивирующей основой могло быть как существительное **камень** (и такое понимание отражают написания типа **шкamen’ же** **ѣ**), так и прилагательное **камѣнѣ** (что отражено в написаниях типа **шкamen’ же** **ѣ**); тем самым в рамках принятой в издании графической системы форму следовало бы восстановить либо как **окамень** (**же**) **ѣ**, либо как **окамнѣ** (**же**) **ѣ**.

Порой реконструкция первоначальных чтений требует поистине филигранной работы издателя над измененными и искаженными чтениями списков – так, на месте многочисленных написаний **ѣдиног** и единичного **шюгъ** (6:20; греч. кат’ *idiav*) У. Федер, опираясь на испорченное **цѣловавъ**, обоснованно восстанавливает первичное **цѣгло** (вместо **цѣгло**, см. ниже).

Нередко, однако, реконструкция носит произвольный, выборочный характер либо прямо некорректна. В некоторых случаях стремление к восстановлению идеальных старославянских форм приводит к выведению незафиксированных по спискам образований, призванных подтвердить постулат об особой архаичности языка СП, иногда из разнотений выбирается не древнейшее, а зачастую в восстанавливаемый текст вносится не просто незарегистрированная, но явно вторичная или даже ошибочная форма. Неправомерное редакторское вмешательство находит выражение на всех уровнях реконструкции – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и словообразовательном.

⁸ В словоуказателе дано под леммой **ѣсъ**.

Так, непонятно, почему вторичная форма с утратой праславянской йотации в существительном **jixa* (см. [ЭССЯ, 8: 193]) – *ѡѡж* – восстанавливается в стихе 4:10:9 при наличии ю- как в южно-, так и в восточнославянских списках.

Помимо уже упомянутого написания *жѡж* через *ѡ*, неверный носовой реконструирован в форме *дрѡжѡца* (22:13:13) 'дрожащих' вместо *дрѡжѡца* – от глагола IV класса *дрѡжѡти*. Неясно также, почему уникальное написание *W⁵ ѡпѡжѡнѡ* предпочитается формам *ѡпѡжѡнѡ* и *ѡпѡжѡнѡ* всех других списков (8:12:6), отражающим исконный *q* [Eichner, Reinhart 2001: 293].

Вполне регулярно в издании проведена реконструкция праславянского *-ѡж-* в имперфектах глаголов IV класса (*мѡлѡшѡе*, *мѡлѡшѡе*, *варѡшѡѡ*, *творѡшѡе*, *дѡвлѡшѡе* *сѡ* и т.п.), вплоть до форм с несколько неожиданной для старославянского утратой *l'* epentheticum: *мѡлѡшѡе* (A:12:11), *славѡшѡе* (L:29), – хотя после присоединения к основе на **-i-* и закономерного перехода этого **i* в **j* имперфективный суффикс **-ѡж-* должен был измениться в **-аах-*: *мѡлѡшѡшѡе*, *славѡшѡшѡе* (конечно, показания поздних (XV–XVI вв.) восточнославянских списков в данном случае неинформативны – написания типа *мѡлѡшѡе* не отражают исходного состояния). Борьба с *l'* epentheticum этим не ограничивается: так, наличие в одном из списков правильной формы *мѡлѡшѡнѡ* должно было бы предохранить издателя от реконструкции кириллической формы *мѡлѡшѡнѡ* (A:35:7, 1:26). С другой стороны, в восстанавливаемых текстах появляются гиперкорректные формы *дѡвлѡ сѡ* (5:45:6, 5:46:46), *дѡвлѡшѡ сѡ* (18:45:19) вместо *дѡвлѡ сѡ*, *дѡвлѡшѡ сѡ*; *л* реконструируется в *ѡземѡшѡтѡвати* (3:96), *ѡземѡшѡтѡнѡ* (14:18) при обычных *ѡземѡшѡтѡвати*, *ѡземѡшѡтѡнѡ*, образованных, как и *земѡнѡ*, *наземѡ*, от корня *зем-*, еще не осложненного йотом.

Напрасно вставляются редуцированные в слова и морфемы, где их не было: *вѡлѡшѡнѡнѡ* (A:35:23, вместо *вѡлѡшѡнѡнѡ* или *вѡлѡшѡнѡнѡ*, от корня *вѡлѡшѡ-*, ср. [СДРЯ, II: 165–166]), *ѡмѡрѡшѡшѡнѡнѡ* (3:98b:8), *ѡмѡрѡшѡшѡнѡнѡ* (K:5, вместо *-шѡнѡ*, с дистантной йотовой палатализацией группы **iv*), *ѡбѡнѡшѡнѡнѡ* (1:56), *ѡбѡнѡшѡнѡнѡ* (G:2:10) и др. (см. словоуказатель, I, 321–322) – с исконной приставкой *ѡб-* (ср. *ѡбѡкѡ* < **obv-*), *ѡбѡ нѡщѡ* (O:1:107), *зѡмѡкѡ* (3:5, 7:17, вместо неполногласного *зѡмѡкѡ*), *ѡпѡрѡшѡнѡнѡ* (17:21), *рѡжѡнѡ* (K:30), *рѡшѡнѡнѡ* (15:11:7), *вѡгѡнѡнѡ* (22:17:11, ср. [ЭССЯ, 32: 33]: **vugnъ*), *сѡвѡжѡнѡ* (4:84:3).

Излишней модернизацией представляется реконструкция приставочных образований с *ѡж-*: так, написание *ѡжѡшѡшѡнѡнѡ* (18:38:5) поддерживается лишь двумя списками, тогда как в большинстве рукописей фигурируют более древние префиксы *ѡж-* и, реже, *ѡжнѡ* (ср. [ЭССЯ, 26: 73]); аналогично – у форм, восстанавливаемых в виде *ѡжѡшѡшѡнѡнѡ* (B:22:45), *ѡжѡшѡшѡнѡнѡ* (10:172:3), *ѡжѡшѡшѡнѡнѡ* (22:4:9).

В то же время в глаголический текст напрасно вводятся написания с приставкой *ѡт-* (в ее исконном безъероном облике) перед корнями, начинающимися с *с-* (*ѡтѡсѡлѡѡ*, *ѡтѡсѡкѡнѡ*, см. I, 337): группа **ts* упрощалась еще в праславянском. Следовало бы снабдить редуцированными и отадвербиальными приставками *пѡдѡ-*, *пѡрѡдѡ-*, *нѡзѡ-* (ср. *пѡдѡтѡ* 1:48, 20:15:34, *пѡдѡшѡ* B:5:6, *нѡзѡнѡнѡ* 1:55:23, *пѡрѡдѡшѡнѡнѡ* B:1b:6 – при наличии *ѡ* в списках), а также форму причастия *ѡт-тѡнѡнѡ*, *-тѡнѡнѡ* (*сѡтѡнѡнѡнѡ* O:33 вместо *сѡтѡнѡнѡнѡ*) и образования от основы *ѡсѡжѡнѡ* [Eichner, Reinhart 1991: 237] – наречие *ѡсѡжѡнѡ*, прилагательное *ѡсѡжѡнѡ* (см. словоуказатель, I, 479). В существительном *пѡшѡнѡнѡ* (14:11) корректнее было бы восстановить суффикс *-ѡнѡнѡ*, так как перед начальным *ѡ* не происходит палатализация (*кѡнѡнѡнѡнѡ*). Опротетчиво ориентироваться на поздние списки в выведении «старославянских» форм типа *бѡжѡшѡшѡнѡнѡ* (A:17), *бѡжѡшѡшѡнѡнѡ* (5:27): очевидно, писцы отражали обычное упрощение поликонсонантной группы, возникшей после падения редуцированных, и реконструкцию формы с *-мѡжѡшѡшѡнѡнѡ* следовало бы применить не только в глаголическом, но и в кириллическом тексте.

Смешение редуцированных в рукописях спровоцировало издателя на объединение прилагательного *лѡнѡнѡ* 'ленивый' и производного от него существительного *лѡнѡнѡ* (ср. [SJS, II: 152]): на месте правильного *бѡрѡтѡ лѡнѡнѡ* в списке B¹ (3:73a) под влиянием *лѡнѡнѡ* в нескольких других списках реконструируемые тексты демонстрируют странное *бѡрѡтѡ лѡнѡнѡ*, что, в свою очередь, ведет к насильственному преобразованию парадигмы прилагательного по мягкому варианту: на *лѡнѡнѡнѡнѡ бѡрѡтѡнѡнѡ* (N:7:31) на месте исконного *лѡнѡнѡнѡ*

(в двух списках) и при отсутствии [н'] в письменной традиции; примечательно, однако, что существительное *лѣнотѣ*, мотивированное прилагательным *лѣнѣ*, сохраняется с правильным твердым [н] (не ***лѣнотѣ*). Единичное написание с ерем в одной из рукописей на фоне *ъ* и *о* в других списках – не основание для мены редуцированного в корне слова *нзмъжданнѣ* (1:55:26).

В контексте: *Четырьми дѣлѣтъ отъмѣнѣаѣтъ ѱмъ* (М:8) – глагол напрасно реконструирован с *ѣ* в суффиксе, без учета правильного написания с *ѣ* в списке W⁴ (итератив от глагола состояния *отъмѣнѣти*); в принципе у издателя была и другая возможность для выбора – вариант W³ *отъмѣнѣаѣтъ ѱа*, т.е. возвратный глагол, образованный от каузативного итератива *отъмѣнѣати*, производного от *отъмѣнѣти*, однако в этом случае обязательно было бы сохранение декаузирующего *ѱа*.

Формы итеративных глаголов *помѣтати*, *нзмѣтати*, в основном пишущиеся по рукописям с правильным *ѣ* (4:54; 11:107), не следовало бы заменять написаниями с *-мет-*.

Почему-то предпочтя форму *ѣмнѣнии*, фигурирующую в семи поздних списках, форме *ѣмнѣнии*, представленной в шести списках, включая древнейшей, издатель во всяком случае не должен был реконструировать суффиксальный *ѣ* (*ѣмнѣнии* 7:33): и *ѣмнѣнии*, и *ѣмнѣнии* образованы от глаголов на *-ти* и, следовательно, содержат суффикс *-ен-*.

Напротив, в стихе 5:38:6 при реконструкции причастия *ѱадеѣнѣ* издатель напрасно ориентировался на написания русских списков: южнославянские рукописи лучше сохранили суффикс *-ѣ-*, обусловливаемый основой инфинитива глагола *ѱадеѣти*.

Правильная форма страд. прич. прош. вр. от глагола *прѣпѣрѣти* – *прѣпѣрѣнѣ*, сохраняющаяся в большинстве списков, в реконструированных текстах заменена на ошибочное *прѣпѣрѣнѣ* (18:4:17), как если бы причастие относилось к какому-нибудь ***прѣпѣрѣти*.

Среди ряда разночтений, отражающих уменьшительное от *варениѣ* (13:4), очевидно, следовало бы выбрать вариант О: *варениѣце* (основа *вареньѣ-* + суф. *-ѣц-*), а не контрагированную форму *варениѣ*.

Спорна реконструкция формы *взжигано* (В:22:29): несмотря на наличие ее в четырех списках, для старославянского мы скорее ожидали бы образования с III палатализацией (ср. в [SJS] *взжизати*) либо представленного в двух списках производного от иной основы – *взжигано*.

При регулярном различении в реконструируемом тексте твердого *з* и *ѣ* со знаком мягкости, обозначающего палатальный, возникший по II и III палатализациям, следовало бы, по-видимому, учитывать и переход [о] > [е] после этого палатального, ср. *пользова* (О:6:11) вместо ожидаемого *пользѣва*, а также лемму *пользоваѣти* в словоуказателе (I, 358; ср. [SJS, III: 146]).

В сфере именной морфологии обращает на себя внимание прежде всего декларированная во Введении многочисленность форм винительного-именительного, далеко не всегда подкрепленных материалом. Так, в апофтегме А:7 присутствует, в соответствии со списками, вин.-род. (*оставити*) *иного чловека*, тогда как в глаголическом тексте «восстанавливается» вин.-им.; единодушное *пыа* во всех списках удерживает издателя от эмендации в кириллической части (*пыа ли... прѣвелѣ ми кѣи* 14:5), однако в глаголической реконструкции все же торжествует вин.-им. *пыѣ*. Наличествующий во всех (!) семи списках апофтегмы А:54 вин.-род. (*поѣтъ братѣ*) *вельѣ(л)ѣда* (при четвертом упоминании верблюда в объектной позиции; во всех предыдущих случаях фигурировал вин.-им.) тем не менее в обоих *textus* заменен на *вельѣжда*; регулярное *лиѣлѣциѣмѣ ѣа* в реконструкции превращается в *лиѣлѣциѣмѣ бога* (10:96). Противоречивые показания списков, демонстрирующих, в соответствии с греч. Ἠρώτησεν... ὁ γέρον τὸν ἀδελφόν 'спросил старец брата', либо *Взпроси брата старец* (правильно), либо *Взпроси братѣ старѣца* (ошибочно), интерпретируются как отражение форм на *-ѣ/-ѣ* в обеих позициях. Из двух варьирующихся по спискам оборотов – либо с им. п. подлежащего *старѣца*, либо с вин.-род. дополнения *старѣца*: *нѣѣлѣ старѣца* / *нѣѣли старѣца* – конструируется «архаическое» *нѣѣли старѣца* (17:29:10). На месте варьирующихся форм *единого*, *кѣѣѣ*, *нѣѣко(ѣ)го*, *иного* регулярно восстанавливается нигде не зафиксированное *ниѣ* (см., например, 7:1, 7:36, 9:17+19,

15:15, 15:71, 20:12). Отсутствующие в списках формы вин. #род. *ставъшь, глаголичь* реконструированы после вин.-род. (*видѣхъ мжжъ възлѣзъша* (20:15:45)). Представленная во всех списках форма вин.-род. (*оклеветѣ*) *попа* (9:16) в глаголической части заменяется на *попъ* – почему? Только потому, что в другом стихе (9:7) действительно отмечен вин.-им. (*погъла*) *попъ*? Но разве варьирование обеих форм аккузатива для кирилло-мефодиевского периода исключено и в языке Мефодия вообще не было категории одушевленности? По-видимому, для У. Федера – не было, иначе глаголическая реконструкция не пестрела бы ничем не подтверждаемыми формами вин.-им. даже от имен собственных: например, на месте вариантов *отца лота / мота* (второй первичен) в кириллическом тексте выводится *отца мота*, но в глаголическом – *авва мотни* (8:14), видимо, только на том основании, что в греческом фигурирует τὸν ἄββᾶ Μάτῳν (но почему же тогда не *матон* или *матожъ*?); кириллическому *разумѣнте истиннаго бога· сзъдавшакго въса си* соответствует глаголическое *разумѣнте рѣснотивзи бѣ· сзъдавшинъ въса си* (7:17:1), кириллическому *чисти цѣсаря* – глаголическое *чисти цѣсарь*. Одного или двух примеров с вин.-им. в списках обычно бывает достаточно, чтобы реконструировать такую форму для протографа – но не наоборот: наличие формы (*дръжан*) *огла* в двух списках, близких к протографу, – О и W² (19:21A:23) – никоим образом не рассматривается как свидетельство его наличия в первоначальном тексте. Симптоматично, что для придания стройности общей картине господства вин.-им. издатель превращает в аккузатив и явную форму номинатива при пассиве: греч. εὐρέθη ἔσω λέων 'обнаружился внутри лев' (19:18) в большинстве списков передается страдательным же оборотом *обрѣте са жть лвъ*, однако в реконструкции *са жть лвъ* и возникает парадоксальная фраза: *Старецъ... възнде въ знои въ врьтльз· и обрѣте жть лвъ· и начатъ скръжжати зжъты на нь· и рыкати букв*. 'Старец вошел в жару в пещеру, и нашел внутри льва, и начал скрежетать на него зубами и рычать'.

На этом фоне особенно удивительно «восстановление» инновационных флексий; так, *-ѣ* в мест. ед. **jo*-склонения (о... *бъвъшннми*) *кръстохранителѣ* В:26 – фиктивная форма: во всех списках – род. *кръстохранителѣа*, явно восходящий к переводу, который в данной позиции, в отдалении от предлога, сохранил греческий генитив при *лері*; вин. мн. *жидовъ* D:5 – результат обобщения парадигмы **i*-склонения по формам им. и род. *жидове*, *жидовъ*; дат. ед. *затѣви* D:13, *господѣви* 15:47 – следствие перехода **i*-основных существительных в **o*-склонение, ставшего возможным только после падения редуцированных и совпадения палатальных и вторично смягченных согласных (в глаголическом тексте реконструируются *геср. затѣви* и *гѣу* вместо ожидаемых *зати* и *гѣи*); при наличии в трех списках мест. п. о *гѣи* O:50:10 в кириллическом тексте напрасно восстанавливается *господѣ* (ср., однако, правильные *къ господи* 22:16:21, род. *господи* J:19–20, а также дат. *господи* N:1:3, N:4:2, реконструированный на месте реальных *гѣви* и *гѣу*). Совершенно непонятно, почему форма мест. п. от *мелхиседекъ* – повсеместно представленная *мелхиседецѣ* – в обоих *textus* и в словоуказателе эмендирована как *мелхиседеци*, с флексией мягкого варианта. Противоречие между кириллической и глаголической реконструкциями дат. п. – *геср. монсекви* и *мшувѣи* (7:46:3) – могло бы быть устранено, если бы в *textus* *гесертус* была учтена (или хотя бы упомянута в аппарате) форма одного из архаичных списков – W⁴, сохраняющая, хотя и в сочетании с предлогом, исконную флексию: *къ монсѣи*. В контексте: *дрѣво нарече душѣ· секържъ же бѣси* (O:52) очевидно выступает двойной винительный, так что форма им. п. *бѣси*, при наличии в двух списках правильной флексии *-ы*, явно ошибочна.

Фигурирующая в списках апофтегмы 4:69:4 форма *хлѣбъца* относится к существительному *хлѣбъць*, которое так же принадлежит к муж. роду, как и его мотивирующее *хлѣбъ* (ср.: *крыло – крыльцо, окно – оконце, но двор – дворец*), и поэтому в контексте (*омочи нама*) *хлѣбъца* в соответствии с греч. мн. ἄρτους следовало бы восстановить флексию вин. мн. мягкого **o*-склонения *хлѣбъца*.

Большей последовательности, по крайней мере в глаголической реконструкции, хотелось бы при восстановлении форм консонантного склонения. Действительно ли в языке Мефодия сосуществовали локативы *врѣмене* (В:5) и *отрочати* (В:7)? У нас нет так-

же уверенности, что в IX в. южнославянский диалект, положенный в основу старославянского языка, уже характеризовался полным вытеснением исконной формы род. мн. **дѣнѣ** инновационным образованием по **i*-склонению **дѣннн** (ср. В:14): по крайней мере, сохранение консонантной флексии, в особенности при числовых обозначениях, в древнейших памятниках славянской письменности [Diels 1932: 164] заставляет отнестись к показаниям существенно более поздних списков СП с настороженностью. Смешение редуцированных в рукописях приводит к неверной реконструкции в стихе 11:106:2, где в качестве род. мн. восстанавливается форма **прамень** – при наличии в списках правильного и исконного для согласного склонения **праменѣ**. Не стоило вносить в реконструируемый текст – коль скоро он в других позициях ориентирован на «идеальное» состояние, не испорченное инновациями, – форму **миродръжителемѣ** (К:25), с вокализированным [ь] > [е] во флексии, вместо исконной консонантной формы **миродръжителѣмѣ**. Не вполне надежна реконструкция аналогической формы дат. мн. с консонантным наращением **дрѣвеемѣ** (по данным двух списков) vs. исконного **o*-основного **дрѣвѣи** в большинстве списков в соответствии с греч. τῶν δένδρων: как показывают другие переводные памятники, слово **дрѣво** в ед. ч. вполне могло, употребляясь в собирательном значении, использоваться для передачи греческого мн. ч. (см. [Пролог 2011: 90]).

Инновационный вин.-род. **лнѣзвѣ** введен в реконструкцию стиха М:6: (Четтырьми дѣлесты душа оскарьнактѣ си...) **кѣже нмѣти лнѣзвѣ съ славьтннми** (так и в глаголическом тексте). По спискам, однако, фиксируется в основном род. п. при отглагольном существительном (**нмѣнькѣмѣ лнѣзвѣ**), а конструкция, калькирующая греч. τὸ ἔχειν φίλιαν, наблюдается лишь в списке W⁴, где, однако, протограф явно искажен введением ненужного отрицания (**кѣже не нмѣти**), которое и спровоцировало замену первоначального ***лнѣзвѣ** формой генитива.

Существительное (по семантике – местоимение) женского морфологического рода **онѣица** напрасно утрачивает в кириллической реконструкции склонение (в глаголическом тексте оно элиминировано и возведено к **онѣ**): вместо **иѣ онѣица** (1:57), **онѣица** (В:21; τοῦ θεῖνος) следовало бы восстановить **иѣ онѣицаѣ**, **онѣицаѣ** (и, конечно, не определять эти формы в словоуказателе как аккузатив).

Вызывает недоумение словосочетание (**плѣтѣ**) **ѣлннн сиѣхѣ** (5:27): коль скоро **ѣлннн** ‘пальмовая листва’, как явствует из словоуказателя, – *plurale tantum* ср. рода, может ли оно сочетаться с определением в явно не среднем роде, которое имеет флексию **-ѣ** абсолютно во всех списках? В русско-церковнославянском окончание **-ѣ** (после мягких согласных) / **-иѣ** / **-ѣ**, как известно, может относиться к существительным всех трех родов; в южнославянских списках, однако, два написания однозначно свидетельствуют в пользу ср. рода (болг. **тѣлѣ**, серб. **тѣлннн**), а еще два – в пользу не среднего (болг. **тѣлнѣ**, серб. **тѣлнѣ**). Последние два написания, вкупе с наличием мужской или женской флексии **-ѣ** в прилагательном, побуждают нас допустить в этом редком заимствовании родовую вариативность, а применительно к рассматриваемому случаю восстановить словосочетание **ѣлннѣ сиѣхѣ**.

Сомнительна реконструкция относительно позднего местоименного склонения и внеродовых именных, а также членных форм у прилагательных и причастий: **о бѣвѣшѣмѣ** 1:48 (при наличии более древнего **бѣвѣшнѣ** в списках), **о кѣннѣннѣмѣ словеси** 1:66, **о... словеси кѣннѣннѣмѣ** 15:91 (в списках есть **-ѣмѣ**), **кѣ ногама кѣннѣмѣ** В:23 (отмечено только в списке XIV в., при исконном именном образовании на **-ѣма** в двух списках, включая древнейший, А¹); **дннвоинѣмѣ прѣлѣщеникѣмѣ** В:25 (при **-ѣмѣ**, восходящем к исконному **-ѣмѣ**, в одном из списков); **днншамѣмѣ чловѣчннѣмѣ** 3:39 (при **чловѣчѣмѣ** в списках); **мѣшѣмѣмѣ възходѣщѣмѣ** 3:95.

Выбирая между двумя лексемами со значением ‘ближний’, варьирующимися по спискам апофтегмы 17:17, – **блнжннн** и **нскрѣннн**, У. Федер предпочитает вторую, однако восстановление конкретной формы мест. ед. муж. рода, в которой выступает это членное прилагательное, проблематично: на месте разночтений (**о**) **нскрѣнѣмѣ**, **нскрѣнѣмѣ**, **нскрѣннѣмѣ**, **нскрѣнѣмѣ**, **нскрѣнѣмѣ**, **нскрѣнѣмѣ** в реконструируемом тексте выводится **нскрѣнѣкѣмѣ** – форма

логические формы типа мест. п. *чесома* (ни о *чесомаже* 4:35, о *чесома* 10:51 при наличии по спискам исконого *чема*).

Устойчивые затруднения вызывает у издателя склонение числовых слов: так, вместо на *четыри десяти* (1:62) следовало бы реконструировать правильную форму вин. мн. *десяти* (кстати, имеющуюся в двух списках), вместо *сзтвори четьре мѣсца* (1:76) – *четыри* (как в списке А¹) и во всяком случае не определять эту форму в словоуказателе как номинатив, а чтению болгарского списка XIV в. *по шести десятихъ лѣтъ* (6:24) – на фоне превалирующего цифирного обозначения по $\frac{5}{2}$: *лѣтъ* – конечно, не стоило бы придавать статус исконого (таковым являлось *по шести десяти лѣтъ*). Совершенно невозможна в старославянском конструкция *четырь десяти лѣтъ вѣхъ* (11:44): слово *десять* должно согласовываться с *четырь*, т. е. стоять в род. мн. – *десятъ* (эта исконая форма сохранена двумя списками группы С, в которых, однако, искажено предшествующее слово – *четыри*); чтение единственного списка XV в. *въ вѣхъ два десяти лѣтъхъ подвигохъ са* (L:27), безусловно, нельзя было в неэмандированном виде переносить в реконструкцию, где ожидалось бы *дѣвом десяти лѣтъ / лѣтъ* (в кириллическом тексте – *дѣва десяти лѣтъхъ*, в глаголическом – *обои десяти лѣтъ*!).

Конечно, особенно затруднительна реконструкция при неясности текстуальных свидетельств, к тому же не совпадающих с показаниями греческого и латинского. Так, загадочная фраза *въ трѣпѣнии печальнѣи срдци и тѣмници* (1:13:6) сформирована на основе двух разночтений: *въ терпѣнии печальнѣи срдци и тѣмници* и *въ трѣпѣнии печальнѣи срдчнѣи и тѣмници* (в колляции без титл). Греч. *ἐν ὑπομονῇ θλίψεως καρδίας καὶ φυλακῆς* букв. 'в претерпевании печали сердца и темницы' и лат. *in patientia, in tribulatione cordis et observationis* букв. 'в терпении, в терзании сердца и наблюдения', как нетрудно убедиться, не могут быть напрямую сопоставлены ни с одним славянским чтением. Несомненно, однако, что словораздел, проведенный в колляции и перенесенный в реконструкцию, – *печальнѣи* – неприемлем, так как создает ни с чем не согласованную по роду членную форму прилагательного. По-видимому, к протографу должна возводиться именная форма *печальнѣи*, согласующаяся с *трѣпѣнии* и представляющая собой обычную передачу греческого генитивного определения (*θλίψεως*); таким же прилагательным был, по-видимому, переведен и следующий род. п. (*καρδίας* – *срдчнѣи*); что же касается последнего существительного, то оно, судя по данным списков, осталось, как это нередко бывает в переводах при дистантном расположении членов предложения и словосочетания, в той же форме дат. п., какой обычно передается греческий генитив (*тѣмници*).

В сфере глагольной морфологии и ориентация на реально зафиксированные формы в *textus gesertus* приводит к сосуществованию в нем явно разновременных образований – в частности, простых аористов (*осрѣтж*, см., например, 4:64, *ндомъ* 17:24:13), сигматических аористов (17:24:16 *ндохомъ*, 4:63 *прываа*, 4:77 *занѣа*, 14:28 *начаша*) и сигматических аористов с аналогическим -ш- в 3 л. мн. ч. (4:64 *начаша*, 4:77 *занѣша*, 15:8 *прываша*), хотя в глаголическом прототексте эти противоречия сглажены: например, на месте *полакоша* восстанавливается *полакж*, на месте *начаша* – *начаша*, на месте варьирующихся в одном и том же микротексте (B:23) *цмрохъ/цмрѣхъ* – только *цмрѣхъ*, а соседствующим в одном стихе 14:27:21 вариантам *внѣвѣ* – *внѣовѣ* в *textus reconstructus* соответствует *внѣвѣ*.

Противоречия списков, демонстрирующих в стихах 6:8:26 и 6:8:28 имперфекты *принношаше*, *принношаше*, *принношаше*, *приннесѣше*, *принноѣше*, разрешаются в реконструируемых текстах путем восстановления формы *принноѣшаше*, парадоксальным образом сохраняющей суффикс -ѣаш- в образовании от основы на -н- (*принногити*); очевидно, однако, что редкие примеры *принношаше* и *принноѣше* отражают позднейшее обобщение основы, устраняющее морфонологическое чередование *с/ш*. Правильные формы аориста от *протрѣти* – *протрѣша*, *протрѣ*, фигурирующие в целом ряде списков, почему-то заменяются на аналогические образования с презентным вокализмом *протрѣша*, *протрѣ* (15:12:27, 18:4:29, 22:18:26), а в глаголическом тексте 15:12:27 восстановлен вообще невозможный в данном типе глаголов простой аорист *протрѣж* (ср. [Ван-Вейк 1957: 311, 338]); эта системная ошибка перенесена и в словоуказатель, где выделена лемма *протрѣти*.

Ряд спорных решений касается глагольных основ. Так, в реконструкции и словоуказателе не учитывается древнейшее спряжение глагола **жати** 'собирать урожай' по III классу, а потому игнорируется (и не упоминается в аппарате) фигурирующая в нескольких списках исконная форма **жннца** < **жньнца**, подменяемая вторичной **жннца** (4:22). Из реально зафиксированных по спискам вариантов **негъжнвкмиу** / **негъжнвкмиу** (пищю) У. Федер выводит «исконную» форму **негъжвкмиж** (А:19), в которой немислимым образом совмещаются краткостный вокализм основы и итеративный суффикс **-aj-**. При этом вариант **негъжнвкми** даже не указан в аппарате различий, хотя первичной представляется именно эта форма – образование от **-жнн** [Дыбо 1981: 238], в поздней традиции текста замененное образованием от **-жнвати** (ср. цепочку **жнн**/**жнж** – **жвати**/**жвж** – **жнвати**/**жнвж**). Сходная подмена реального иллюзорным наблюдается в апофтегме 1:4, где на месте причастия **прнчтвнши** < **прнчтвнши**, которое засвидетельствовано во всех списках и образовано от глагола **прнчтати**, хорошо документированного памятниками (см. [СДРЯ, 8: 641–642]), выводится причастие прош. вр. от итератива **прнчтвнши**. Итератив **покаати**, **-аи**, в полном соответствии с данными большинства списков, следовало бы вводить в реконструируемый текст с закономерным продленным вокализмом **-а-**, а не в виде **покаатъ** (С:0), **покаатъж** (7:29), ср. [СДРЯ, 6²: 736]. Непонятно, почему из вариантов **гоннъ** – **жннъ** для реконструкции выбирается первый и отвергается второй, зарегистрированный только в списке W² (7:42), тогда как уникальные чтения того же W² **мамъ**, **мамьствѣ** vs. **жродъ**, **жродьствѣ** в других списках признаются исконными. Супин **прѣтрѣтъ**, восстанавливаемый в 6:25:16, не находит поддержки в традиции текста: большинство списков отражает более древнюю основу данного глагола (**-трѣти**), хотя обычно и в инфинитиве, а в трех списках представлен и рефлекс, более близкий (за вычетом смещения редуцированных) к исконному супину, – **прѣтрѣтъ**, **прѣтрѣтъ** (< **прѣтрѣтъ**).

Крайне необычно выглядит форма повел. накл. **нагъпи**, которая, хотя и наблюдается в списках с XV в., безусловно является рефлексом первоначального **нагъпи** (от **нагъпати**), а в письменной традиции апофтегмы 1:43 знаменует инновацию – замену первоначального **нагъпи** (от **нагъти**), также встречающегося в рукописях (ср. аорист **нагъти** 5:46:31, справедливо отнесенный в словоуказателе к **нагъти**). Однокоренной глагол **засъти**, к сожалению, остался нераспознанным в стихе 21:17:3, демонстрирующем по спискам три презентные формы – **засъплешн**, **засъпакши** и **засъпешн** (из первичного **засъпешн**), на месте которых издатель, даже не упоминая о наличных вариантах, восстанавливает несуществующее **засъплешн** (а в словоуказателе помещает эту форму под таким же нереальным инфинитивом **засъпати**).

При наличии в двух списках исконной формы императива от **лобзати** – **лобжитѣ** (17:14) – представляется излишней модернизация **лобжѣте**, отражающая влияние I–II классов. Правильная форма императива не распознана и в стихах N:14:2 и N:14:8, где списки содержат, помимо исконного **възхошнѣ**, также вторичные **-шѣте** и **-щѣте**; на их месте, однако, в реконструкции появляется невозможное отинфинитивное **възхотѣте** (как если бы это была форма глагола ****възхотѣти**).

Из двух вариантных форм инфинитива – **погрѣти** A¹ / **погрѣти** (остальные списки) – для кириллической реконструкции почему-то избрана вторичная, хотя в глаголическом тексте фигурирует исконная **погрѣти** (15:10b). Наличие в поздних списках (при отсутствии ранних) вторичного инфинитива **почѣти** также едва ли должно было отражаться в кириллическом варианте старославянского текста (в глаголическом – правильное **почнѣти**, см. А:35:46).

Отмеченное во всех пяти списках апофтегмы 1:38 и естественное для XV–XVI вв. написание **вѣннъ**, передающее вокализацию редуцированного в прилагательном **вѣннъ**, не следовало бы сохранять в обеих реконструкциях и тем более трактовать в словоуказателе как причастие от **вѣннѣти** (таковое звучало бы как **вѣшннъ**, ср. **въпрошннъ**, **гъмѣшннъ**).

В контексте **имѣ же ножь** и **рѣжа рѣжж** (15:60:12) настораживает невозможная в старославянском форма **рѣжа**, которой в глаголической реконструкции противопоставлен правильный аорист **рѣза**. В большинстве списков присутствует именно **рѣжа**, однако

сербский список W⁴, где форма оканчивается на -ε < -λ, показывает, что здесь мы имеем дело с причастием. Это предположение подтверждается греческим: Εἶχε δὲ τὴν μάχαιραν κόλτων τὸ ὀψάριον. Тем самым эмендированный текст, опирающийся на списки, в которых сказуемое выражено имперфектом, а избыточный союз отсутствует, должен был бы выглядеть как *иѣаше же ножь · рѣжа рѣбж.

В соответствии с греческим причастием διψησάμενος (5:42:30) многочисленные списки, сохранившие данную апофтегму, демонстрируют различные чтения – повѣда, повѣдаше, повѣдааше, повѣаше, показа. На месте этих однозначных финитных форм издатель реконструирует форму повѣда, определяемую в словоуказателе как им. ед. муж. рода причастия прош. вр. от глагола повѣдѣти. Однако такое причастие было бы возможно только от глагола **повѣсти, до сих пор, насколько нам известно, нигде не встречавшегося, а у глагола повѣдѣти причастие прош. вр. образуется от основы инфинитива, т. е. в данной позиции мы ожидали бы форму повѣдѣва. Но и эта форма никак не выводится из письменной традиции текста. По нашему мнению, союз же, не имеющий параллели в греческом и латинском, но выступающий в большинстве списков после следующего далее (практически безвариантного) предиката гѣаше, позволяет заключить, что в протографе перевода были представлены две спрягаемые формы, связанные противительным же: *повѣда глаголаше же.

Весьма сомнительная форма похощьшж реконструирована в глаголическом тексте в соответствии с греч. θέλουσαν ‘желающую, взыскующую’ (1:18:11; во всех списках – только существительное (по)хотѣник): от глагола похотѣти причастие прош. вр. возможно только с основой инфинитива – похотѣвѣшж, а для незафиксированного похощьшж пришлось бы придумывать столь же незафиксированный инфинитив **похотити.

В стихе 11:105:2 совершенно напрасно на месте практически единогогласных показаний списков, демонстрирующих прич. наст. вр. от лежати – лежа (правда, с неэтимологической заменой ε на ѣ в некоторых рукописях), реконструируется несуществующая форма с носовым лжж, определяемая в словоуказателе как прич. от лежи. Однако у последнего глагола прич. наст. вр. должно образовываться от основы презенса, т. е. лжг-, и с обычным для I класса суффиксом -зи < *-ont-s, т. е. лжгзи.

Странная форма обнмъ (18:45:49) – согласно словоуказателю, якобы прич. прош. вр. от обати – введена в реконструкцию вместо реально засвидетельствованных вариантов с начальными обо-, обѣ-, обь-, объ-, причем в четырех списках архаичной группы W наблюдается обь- – весьма древний вариант приставки. При ориентации на этот вариант причастную форму следовало бы восстановить как обнмъ (или, с обозначением напряженного редуцированного посредством н, как обнмъ), а инфинитив – как обьати. От глагола с безъеровым префиксом об- – обати – соответствующее причастие могло бы выглядеть только как обьмъ, но ничего похожего в письменной традиции апофтегмы не отмечено.

Без тщательного сравнения с греческим оригиналом весьма трудно говорить о точности синтаксической реконструкции – однако такое сравнение, безусловно, не входит в наши задачи. Тем не менее ряд сомнительных решений бросается в глаза даже при чтении кириллического текста.

Так, не убеждает реконструкция анаколуфа в контексте: о прнѣтнн страннѣшнхъ братѣхъ (13:2) – с аномальной формой мест. п. братѣхъ вместо род., вероятно, спровоцированной предшествующим предлогом о и амбивалентной формой род.=мест. страннѣшнхъ. В списке W³, более точно, нежели все прочие списки, следующем здесь греческому оригиналу (τῆς ὑποδοχῆς τῶν ξένων ἀδελφῶν), фигурирует род. мн. братин, который издавна употреблялся параллельно с формами ед. ч. данного собирательного существительного [Иорданиди, Крысько 2000: 163; Пролог 2011: 823] (ср. прѣдошж · ѣ братен в О:1:3 по тому же списку); в группе С – видимо, вторично – согласование выровнено по ед. ч.: страннѣша братья. Заметим, что предлог о в этом контексте, очевидно, выступает в значении ‘во время’ [СДРЯ, 5: 463]¹⁰ = ἐν τῷ καιρῷ, ср. греческий оригинал и версию W³:

¹⁰ Ср. еще у А.К. Толстого («Отрывок», 1871): «Видно, все, и с квартирьерами, Провалились на мосту, Что построен инженерами О великом о посту!».

τίνος ἕνεκεν ἐν τῷ καιρῷ τῆς ὑποδοχῆς τῶν ξένων ἀδελφῶν τὸν κανόνα τῆς νηστείας ἡμῶν ὡς ἐν Παλαιστίνῃ παρελάβομεν οὐ φυλάττετε; – по что ꙗко · о приати страннѣхъ братен · постиꙗ нашему канона · не храните · ꙗкоже въ палестинѣ прѣбѣхомъ.

Избыточен предлог **въ** при временном винительном (постѣша **сѧ**) **въ** прѣвзи днь (10:170:5; τὴν πρώτην): показательно, что он отсутствует во всех списках, кроме А¹.

Сложную проблему представляет реконструкция первой части фразы, которая по-гречески звучит следующим образом: οὔτε τῷ χειμῶνι ριγῶμεν οὔτε τῷ θερεί τὸ καῦμα καίει ἡμᾶς (20:4:34) 'ни зимой не мерзнем [мы двое], ни летом зной не жжет нас'. Вторая часть передается по спискам с незначительными вариациями, среди которых упоминания в аппарате заслуживало бы, однако, чередование *ь/е* в основе презенса: **ни лѣтѣ же знон жьжеть / жежеть нам** (У. Федер, по-видимому, расценил чтение с *ε*, сохраненное, среди прочего, в списках архаичной группы W, как ошибку). Первая часть, напротив, демонстрирует в письменной традиции апофтегмы существенные различия, прежде всего синтаксические, ср.: **ни зимѣ на етъ зимѣ / ни зимѣ нама кѣтъ зимѣ / ни зимѣ кѣтъ нама зимѣ / ни зимѣ етъ зимѣ нама / ни зимѣ е' нама зима / ни зима к' нама зимѣ**. Издатель не предпочел ни один вариант из этого ряда и предложил конъектуру: **ни зима нама кѣтъ зимѣ**. Между тем, следуя критерию близости славянского текста греческому, более правомерно, кажется, восстановить в начальной синтагме, в соответствии с оригиналом, адвербиальное **зимѣ**, как и в большинстве списков разных групп. Греческий предикат ριγῶμεν, судя по единству всех списков, был передан в переводе конструкцией со значением букв. 'есть холод для нас', причем первоначальной в роли субъекта состояния была, по-видимому, сохраненная единственным (и древнейшим) списком А¹ древняя энклитическая форма дат. дв. **на**, во всех остальных списках замененная орфотонической формой **нама**. Подлежащее при инвариантном **кѣтъ** могло изначально выражаться только им. падежом **зима** (параллельно такой же двусоставной конструкции во второй части предложения – **знон жьжеть**), так что преобладающий по спискам генитив можно интерпретировать лишь как искажение, спровоцированное отрицанием. Тем самым фраза может быть реконструирована в виде ***ни зимѣ на кѣтъ зима**.

В апофтегме 1:43 к существительному **чашѣ** – объекту при **нагъпи** – напрасно добавлено несогласованное определение в дат. падеже **пшеници чистѣ**: общие показания всех списков с формой **чистѣ** подтверждают, что в протографе имелся обычный в подобных конструкциях род. п. **пшеница чистѣ** (ср. евангельское **чашѣ стѣдени водѣ** [SJS, IV: 851]); генитивное управление, в полном соответствии с данными списков, должно быть восстановлено и для последнего актанта в обороте **нагъпа кѣтъ доно пшеница чистѣ** (а не дат. **ци чистѣ**).

Правильная, ориентированная на греческий синтаксис и на абсолютное большинство списков реконструкция калькированного accusativus cum infinitivo в предложении: **можетъ множицеѣхъ простаго андина · въ зимѣ и въ мѣцѣ жѣща · възъпнѣвша и въздѣвша · гъпати свон корабль** = ἐνδέχεται... τὸν κοσμικόν... σωσαι τὸ ἑαυτοῦ σκάφος (11:75:8) 'случается, что простой человек спасает свою лодку' – в глаголическом тексте заменена фразой, в которой вин. субъекта трансформирован в им.; конечно, с точки зрения современного языка эта фраза правильна, однако возникает вопрос: зачем переписчикам, не имевшим перед глазами греческого оригинала, было заменять стройную и осмысленную конструкцию рабской калькой? Не для того ли, чтобы оттенить точность и творческую самостоятельность мефодиевского перевода?

Стиху Πάντες γὰρ οἱ λογισμοὶ τῶν μοναχῶν ἔχουσιν ἓνα ὡσερ κεφαλὴν (10:125:5) в кириллической реконструкции соответствует синтаксически странная фраза **въса бо помъшленна мнни нмжтъ кдннго главѣ**, а в глаголическом тексте – **въса бо помъшленна мнниша нмжтъ едннж ако главѣ**. В словоуказателе перевод формы τῶν μοναχῶν помещен под леммой **мннихъ** с пометой «им. мн. ср.», которая, однако, относится не к **мннихъ**, а к глаголическому реконструкту – форме притяжательного прилагательного **мннишь** (в словоуказателе вообще отсутствующего как лемма). Между тем, хотя чтение **мнни**

действительно подтверждается большинством рукописей, в одном из архаичных списков – W² – фигурирует дательный притяжательный **чнцѣмь**, который, на наш взгляд, в синтаксическом отношении и наследует переводу, лексически сохраненному другими списками, – ***мзнихомъ**; именно эта форма заслуживала включения в оба реконструированных текста, а отнюдь не испорченное **мзнихи** и тем более не малореальный посессив **мзниха**.

Несомненное лексическое богатство СП не следовало бы пополнять и некоторыми другими сомнительными образованиями. Так, безосновательна реконструкция формы **внннати** (18:35) на месте **вннати** во всех списках – это не существительное **внннѣ** (I, 407), а правильный датив от хорошо известного neutrum **вннѣ** (см. [Miklosich: 826; СлРЯ XI–XVII вв., 23: 164]). Ничем не обосновано выведение имперфекта **цѣплаахж** (тем более соотношенного с инфинитивом **цѣпнѣти** (I, 479), от которого имперфект был бы **цѣплаахж**) на основе разноречивых показаний шести списков апофтегмы 1:42, демонстрирующих следующий контекст (в круглых скобках – кириллическая реконструкция): <монахи> (отъ шестакго часа до деватакго **чѣтѣахж** · и **взвнж** **сѣбѣ**) **жѣ** **блху** / **дѣлаху** / **зѣ** **бѣхѣ** / **здѣ** **блхѣ** / **зѣ** **блхѣ** / **зѣ** **вннхѣ** (как видим, никакого **цѣплаахж**). Думается, издатель, следуя за искаженным написанием **здѣ** **блхѣ**, напрасно разделил в коллазии явные моноксемные формы **жѣ** **блху**, **зѣ** **бѣхѣ**, **зѣ** **блхѣ**, которые в свете греч. ἔσχιζεν (ед. ч., в греческом речь идет об одном монахе) – от **σχίζω** ‘рвать, щипать’ – логично интерпретировать как континуанты ст.-слав. **злѣѣахж**, ср. в Супрасльской рукописи **злѣти** ‘рвать’ [SJS, I: 692]¹¹.

Не находит подтверждения в истории текста странная форма притяжательного прилагательного (по) **непрнпазнихи** (**напцнени**), восстанавливаемая в издании на месте реально зафиксированных чтений **дѣваволи** и **по непрнпазни** (а также синтаксически преобразованного **непрнпазнихи** **напцнѣмь**); думается, что для реконструируемого текста со значительной долей вероятности можно было бы вывести форму, присутствующую в Апостоле, на который ссылается У. Федер, ср. 2 Фес 2.9 по древнейшему списку Христинопольского апостола XII в.: **по дѣланнн непрнпазнихннѣ** [Kałużniacki 1896: 217].

Преобладание по спискам глагола **калѣтнѣса** ‘soil oneself’ в контексте: и **калѣахж** **сѣ** **внннѣ** **по** **срѣдѣ** **нхѣ** **плѣннѣ** **сѣрада** (18:29:4) – vs. **валѣахж** **сѣ**, пожалуй, не должно быть решающим фактором при отборе исконного чтения: греч. **κυλιω** в медиопассивном значении ‘валиться’ не имеет семы ‘пачкаться’, имплицитруемой корнем **кал-**, и во всех древнейших переводах регулярно передается глаголом **валѣтнѣса** [СДРЯ, 1: 371; Люсен 1995: 139; Крысько 2005: 684]; появление варианта с **к-** очевидно обусловлено конситуативными обстоятельствами, ср.: **внннѣ**, **ѣзмѣвѣши** **сѣ** **вѣ** **калѣ** **тннѣмь** 2 Петр 2. 22 [Kałużniacki 1896: 91], акы **свиннѣ** **в** **калѣ** **грѣховнѣмь** присно **калѣющѣса** **ЛЛ** 1377, 56 об. [СДРЯ, 4: 196].

При общей ориентации реконструируемого перевода на восстановление грецизмов, даже при отсутствии их в письменной традиции, некоторым диссонансом выглядит приписывание первоначальному тексту слова **гнано** на месте греч. **στίχος** (20:3:72, 73) – только на основании того, что в списке W⁴ в соответствии с (по шести) **стиховѣ** и (по **ѣдннѣмь**) **стихѣ** всех остальных списков выступают **гнѣнѣ** и (**ѣдннѣ** – эмендировано на **ѣдннѣмь**) **гнѣнѣ** (в глаголическом тексте эмендировано как **гнѣнѣ**).

При ориентации на древнейшие формы следовало бы учесть (к сожалению, даже не оговоренные в аппарате) показания двух списков, содержащих исконное образование **нумрѣтнѣ** (3:97), которое изменилось в **нумрѣтнѣ** под влиянием **нрѣтѣ** [Вайан 1952: 278].

Неясно, по какой причине предлог **квозѣ**, именно в такой форме (либо с упрощением трехконсонантной группы: **козѣ**) фигурирующий в старославянских памятниках, в реконструкциях систематически имеет огласовку **квозѣ**, присутствующую только в сербских списках и явно представляющую собой поздний сербизм.

¹¹ Изменение **злѣѣахж** > **зѣ** **блхѣ** находит объяснение в свете того обстоятельства, что в глаголических надписях Древней Руси наблюдается «свободная мена букв **ѣ** **л** и **л** **ѣ** / **лѣ** в результате восточнославянского совпадения **лѣ** с **л** (в результате деназализации гласного **ѣ**)» [Михеев 2012: 93].

Непонятно, почему чтению трех списков архаичной группы W – *нзмѣниши* (даже не оговоренному в аппарате) – предпочтен вариант *нзмѣниши* (4:5), отражающий распространение суффикса *-ова-* в древнеболгарских текстах, см. [Иовчева 2009].

В стихах 18:40:6 и 18:40:12 большинство списков, в соответствии с греч. ἀμελής, содержит форму положительной степени – бессуффиксную и, вероятно, первичную *лѣнъ* либо суффиксальную *лѣнивъ*; реконструкция, однако, ориентируется на группу C, где выступает компаратив *лѣнивън/-к*, и содержит совсем уж нигде не зафиксированную форму *лѣнѣн*.

Никак не объяснено появление в обоих реконструированных текстах существительного *идрътво* в соответствии с τέχνη на месте реально засвидетельствованных вариантов *хѣдожьство*, *хѣтрьость*, *ненствовьство* (7:17:19) и *хѣдожьство*, *хѣтрьость*, *дѣло* (10:56:2). Примечательно, что в некоторых списках в двух стихах использованы различные синонимы – например, в A³ и B² геср. *хѣтрьость* и *хѣдожьство*, в K² – *хѣдожьство* и *хѣтрьость*. Исключается ли лексическое варьирование в переводе? Следовал ли Мефодий раз и навсегда найденным единственным эквивалентам к определенному слову? То же касается пары *озъватиа* – *одзмѣтиа*: во всех (нередких) случаях употребления первого глагола он заменяется в реконструкции вторым, хотя далеко не всегда традиция текста свидетельствует в пользу замены.

Трудно согласиться с реконструкцией существительного *цвѣтъ* в контексте *въ малѣ цвѣтъ кракъъ* (F:1:3): в соответствии с греч. πρὸς βραχὺ θάλλει καὶ ὠραϊζεται (однородные сказуемые в форме наст. вр.) здесь естественно было бы ожидать соположения двух глагольных форм. Текст сохранился в четырех поздних восточнославянских списках, причем в двух из них существительное написано с конечным ъ. По-видимому, *цвѣт(ъ/ь)* – это искажение первоначального **цвѣтетъ* = θάλλει.

Четыре одинаковых написания в восточнославянских списках O:51:2 – *робичнѣ*, с обычным патронимическим суффиксом *-ич-* в древнерусской огласовке, – эмендированы в кириллическом тексте в форме *рѣбичнѣж* (ср. невозможные ***Саввична*, ***Никитична*) – вероятно, под влиянием глаголической реконструкции *рѣбичнѣж*, явно более близкой к оригиналу (τὴν δοῦλην).

Непонятно, почему глаголы *посагати* и *посагнѣти* ‘выходить / выйти замуж’, засвидетельствованные десятками примеров в старославянских и древнерусских памятниках и именно так регулярно пишущиеся в списках СП, в реконструкции сменили корень и совпали с *посагати* / *посагнѣти*.

Загадочные формы наблюдаются в «Слове св. Макария об умилении», к которому не найдено ни греческой, ни латинской параллели. Стих K:47 в коллации разночтений демонстрирует обескураживающую вариативность. В двух списках группы A фраза начинается словами *хощеши навъикнѣти*, в пяти списках групп B, M и W после *хощеши* фигурирует условное *ли*; объектом к *навъикнѣти* во всех этих списках является *воли*, и только в A² отмечено искаженное *воли*. Далее следует определение к ‘воле’ – A² *си ѿтрьпеченѣ*, A³ *не ѿтрьпечнѣнѣ*, B¹ *не ѿтрьпечнѣнѣ*, B² *не ѿтрьпеченѣ*, B⁴ *не ѿтрьпечнѣнѣ*, M¹ *но жть печалнѣ*, W⁴ *не ѿтрьпечнѣнѣ*. Все эти чтения, явно в той или иной мере испорченные, У. Федер возводит к форме вин. жен. рода прилагательного *неѿтрьпечнѣнѣ*, которое в переводе толкуется как «unbridled», т. е. ‘необузданный, неукротимый’, а в словоуказателе – как «untamed?» ‘дикий, неприрученный’. И реконструкция, и толкования вызывают возражения. Восстанавливаемая финаль *-ѣнѣнѣ* предполагает, что разбираемое слово образовано от какого-то существительного на *-ѣц-* (ср.: *гзньчѣнѣнѣ*, *коньчѣнѣнѣ*), – но это едва ли возможно. Вероятнее мотивационная связь данного прилагательного с глаголом *ѿтрь(п)нѣти* ‘ослабить’ [Срезневский, III: 1323] (ср. [SJS, IV: 715]) – а следовательно, значение его можно определить как ‘неослабный, неослабевающий’, причем словообразовательной морфемой, скорее всего, послужил редкий суффикс *-нѣнѣ-*, зафиксированный в старославянском в дериватах от глагола *принѣти* – *принѣнѣнѣ*, *благопринѣнѣнѣ*. Таким образом, «воля», о которой идет речь в контексте, имеет позитивную коннотацию¹², что объясняет

¹² Ср. в гимнографическом тексте: (мученики явили) ἀκατάληκτον ψυχῆν, φρόνημα ἀήττητον, γνώμην ἀνένδοτον [АНГ, II: 246] ‘неустрасимую душу, разум непобедимый, волю неослабеваю-

вторую часть фразы, которая в большинстве списков выглядит так: **ѣлже [A² си же] аще не сътворимъ не спсѣемъ сѧ**. Однако в списке W⁴ частица **не** отсутствует – явно в результате пропуска, так как при этом сохранен род. п., обусловленный отрицанием: **киже аще сътворимъ то не спсѣемъ сѧ**; тем не менее это очевидно ошибочное чтение спровоцировало издателя на маловероятную реконструкцию: **кѣже аще сътворимъ · не спсѣемъ сѧ**, где **кѣже** – результат смещения носовых в форме род. п. **кѣже** – превращено в синтаксически неуместный твор. падеж. Начальная форма стиха также, на наш взгляд, требует эмендации: в анализируемом контексте неуместен не только условный союз **ли**, но и форма наст. вр. **хощеши**. Думается, что в письменной традиции поучения она сменила первоначальную форму императива **хощи**, которая уже в старославянских памятниках смешивается со 2 л. презенса [Вайан 1952: 289]¹³, ср. в стихе К:48 по списку W⁴: **въхощи ꙗко исправити добру дѣтель vs. възхощеши** в других списках¹⁴ (к сожалению, вторичное **въхощеши** перенесено в реконструкцию). Тем самым текст стиха может быть восстановлен в следующем виде: ***Хощи навъкижити волю неутрпичьнъ · си же аще не сътворимъ · не спсѣемъ сѧ** ‘Выработай неослабевающую волю: если мы этого не сделаем, не спасемся’¹⁵.

Весьма сложный случай представляет стих 10:39:1, где в соответствии с греч. **εις ‘Hρακλέος [scil. πόλις] τὴν κάτω** ‘в Нижний Гераклеополь’¹⁶ списки демонстрируют либо пропуск (группа В), либо различные искажения топонима – обычно с финалью **-тти**: (**въ**) **нклевѣтти**, **нрклевѣтти**, **рклевѣтти**, **нравъклевѣтти**, **нркълиневетти**, ближе всего к оригиналу стоят чтения W² **въ нрклевѣтти** и W³ **нркълиневетти**; адвербиальное определение либо опускается (группы В и С, список W³), либо передается посредством адвербиального же **низъ** или прилагательного **низкѣ** (W²). У. Федер эмендирует эти варианты как **въ нрклевѣтти низъ** – при том что ни греческий, ни общая семантика фразы не дают оснований для вставки указательного местоимения. Думается, что переводчик воспринял **‘Hρακλέος τὴν** как вин. п. несуществующего топонима **‘Hρακλεοστὴν** по типу **λεντηκοστὴν**, что и объясняет склонение **нрклевѣтти** по образцу **платикостти** (очевидно, из первоначального гречизма **нрклевѣтти**, ср. **маринни** в Синаксаре [Пролог 2011: 801, 812]). Правда, возникает вопрос: мог ли св. Мефодий не распознать топоним пятисотлетней давности и принять артикль за финаль существительного? Однако без анализа переводческой техники СП авторство перевода остается гадательным.

В рассказе о видении адских мук (18:45:57) из пяти основных вариантов: (**видѣхъ своихъ матеръ... огонь**) **паллицѣ** / **поллицѣ** / **горлицѣ** / **паллицѣ** / **жеголицѣ** (в греч. **φλεγόμενην**) – У. Федер избирает для реконструируемого текста форму **паллицѣ**, в результате чего оказывается, что грешница «палила» (кого-то) огнем, вместо того чтобы самой быть сжигаемой адским пламенем. Очевидно, те немногие списки, в которых зафиксирована эта форма, смешали два образования – глагол состояния **палѣти** ‘пылать, гореть’ и каузатив **палити** ‘жечь’. При выборе из двух вероятных кандидатов на реконструкцию – **поллицѣ** и **паллицѣ** – возможно, следовало бы ориентироваться на второй вариант, морфологически более близкий к греческому пассиву, хотя наличие чтения **поллицѣ** в списках групп О и W, наименее отдаленных от протографа, свидетельствует в пользу именно этого

щую’.

¹³ Ср. также три примера **хощи** в Успенском сборнике, которые в словоуказателе интерпретированы как «пвл. ед. 2 л.» [Усп. сб.: 734], но в действительности выступают в качестве форм наст. вр.

¹⁴ Аналогично в Супрасльской рукописи: **въхощти ꙗко и тѣи тожде мѣдровати** [Супр: 2.7] (**θελήσον**); и **не възхощти възгоднѣ ождити себе** [Супр: 269. 14–15] (**μὴ θελήσῃς**).

¹⁵ В списках группы С непонятное прилагательное элиминировано, синтаксис упрощен, а ситуация переосмыслена с точностью до наоборот: и **не нщѣмъ своихъ волю · но вѣ на ѣа възложимъ**, – что и отражено в английском переводе, заменяющем императивы оригинала риторическими вопросами: «Would you acquire an unbridled will, through which, if we do [it], we will not be saved..?» (II, 667).

¹⁶ **‘Hρακλέους πόλις ἢ κάτω** (или **μικρά, Heracleopolis parva**) – город в Нижнем Египте, в восточной части дельты Нила, недалеко от Пелузия [Smith 1854: 1050; LĀ: 1127]. **‘Hρακλέος** – ионическая форма род. п. от **‘Hρακλῆς** ‘Геракл’, отличная от аттической **-έους** [LS: 777]. В издании СП (I, 258; II, 308) город назван Гераклеей (Heraclea).

варианта (ср., впрочем, единодушную передачу той же формы φλεγόμενῃν в 18:45:65 как горимиѣи – с калькирующим присоединением пассивного суффикса к непереходному глаголу, греческий оригинал которого может выступать в обоих значениях – как ‘жечь’, так и ‘гореть’).

Ряд вопросов вызывает подача стиха 16:4:4, в котором излагаются слова «завистливого старца» отцу Иоанну Колову. Согласно греческому тексту, старец сказал: «Τὸ βαυκάλιον σου, Ἰωάννη, φαρμάκων ὑέμει» (II, 496)¹⁷ ‘Сосуд твой, Иоанн, полон яда’. В славянских списках первая часть фразы и заключительный глагол передаются без вариантов: ЧАША ТВОЯ ПОЛНА... ЕСТЬ, тогда как в именной части сказуемого варьируются формы Ч(Є)ЖЕ(Ъ)ПА(Ъ)НА, ЧРЪПНА, ЧЕРПЕНА, из которых первая отражает южно- и восточнославянские написания прилагательного ЧРЪПЪНА ‘глиняный’, вторая – существительное ‘черепок’ [Срезневский, III: 1540], а третья, известная только по русскому списку конца XV в., скорее всего, является индивидуальной переделкой первой, воспринятой как причастие (однако от ЧРЪПТИ, ЧРЪПЖ образуется причастие ЧРЪПЕНЪ, а от ЧРЪПАТИ, ЧРЪПЛЖ – ЧРЪПАНЪ). Кириллическая реконструкция демонстрирует в этой позиции грамматически несообразное написание ЧРЪПЕНА, которое в словоуказателе аграмматично трактуется как прич. прош. от ЧРЪПАТИ (т. е. ‘чаша твоя исчерпана’?), а глаголическая – прилагательное ЧРЪПЪНА (ср.: ЧРЪПНИГА ‘глиняный сосуд’ [Срезневский, III: 1539]). В английском переводе (II, 496) выбрано весьма многозначное слово ‘drawn’, причем славянское чтение, отличающееся от греческого ‘poisoned’, возводится к «помете читателя в протографе ω». Таким образом, первоначальное чтение перевода остается неясным; более того, совершенно непонятно, почему ожидаемое в соответствии с φαρμάκων ὑέμει словосочетание *ЗЕЛНА ИСПЛЪНЪ / ПЛЪНА ЕСТЬ удостоилось маргиналии ЧРЪПЪНА. Позволим себе предположить, что славянские чтения воспроизводят не дошедший до нас вариант греческой рукописи, где на месте φαρμάκων ὑέμει выступало *ὄστρακόν ἐστι ‘(Твой сосуд –) глиняный черепок’ = ЧРЪПНА ИСТЬ.

Значительные трудности для понимания представляет фраза БРАТНА ОБИДЕ (10:170:5), которая выведена в реконструкции на основе следующих вариантных чтений (графические варианты не приводим): 1) БРАТЪ ОБИДЕ Ѧ; 2) БРАТЪ; 3) БРАТЪ Ѧ ОБИ(Н)ДЕ; 4) БРАТЪ И Ѧ ОБИДЕ; 5) БРАТЪ ОБИДЕ ИХЪ; 6) БРАТЪ ТА ОБИДЕ. Подчеркнем, что ни в одном из списков глагольная форма не оканчивается на Ъ, как в реконструированном тексте, – между тем, по-видимому, именно имплицитная подменой буквы замена ОБИТИ на ОБИДЕТИ позволяет издателю приписать этой форме значение «were aghast» ‘были ошеломлены’, хотя, разумеется, у переходного глагола ОБИДЕТИ нет такого значения: данное толкование подходит не к славянскому слову, а к греческому пассиву ἑσκοτώθησαν букв. ‘омрачились’. Едва ли приемлема и координация собирательного БРАТНА с ед. ч. сказуемого. Наибольшую близость к первоначальному чтению сохранили, по нашему мнению, те списки, в которых глагольной форме предшествуют слова БРАТЪ Ѧ и БРАТЪ ТА: последняя гласная в этих написаниях воспроизводит исконное местоимение Ѧ ‘их’ (замененное на ИХЪ в группе W), а БРАТЪ (и далее БРАТЬ) представляет собой искажение существительного МРАКЪ, передающего корень греч. σκοτόω. В целом, как можно предположить, греческая форма была передана в славянском описательном выражении *МРАКЪ Ѧ ОБИДЕ ‘мрак их охватил’ (ср. ст.-слав. омрачати, омрачити – σκοτίζειν, σκοτάζειν, σκοτοῦν [SJS, II: 542]); на очень ранней стадии бытования текста *МРАКЪ Ѧ было заменено на БРАТЪТА, возможно, для восполнения позиции подлежащего, которая не была занята в предшествующем контексте: И ТАКО ПОГНИШАСА ПРЪВЪИИ ДЪНЬ.

II том издания, как уже говорилось, включает иноязычные тексты – греческие, латинские и английские. В I томе (с. 50) с сожалением отмечено, что Хансу ван дер Таку, соиздателю II тома, не удалось «локализовать» греческий текст 21 апофтегмы (их номера перечислены); в списке апофтегм (I, 78) под рубрикой «Slavic translation only» фигурируют еще около 40 патериковых текстов, не названных на с. 50¹⁸; при обращении ко II тому обнаруживается еще целый ряд микротекстов, не поименованных ни в том,

¹⁷ Слова, выделенные курсивом, якобы являются цитатой из Иак 3. 8; в послании, однако, такого текста нет.

¹⁸ Однако к тексту 1:64 тем не менее приведены и греческая, и латинская параллель (II. 58).

ни в другом списке, – видимо, потому, что они известны по армянским, латинским, сирийским или еще каким-либо версиям, совершенно нерелевантным для славянского перевода (А:5 12 18 24 29–31 42 46 49 53, 1:47 50 54 71 и т. д.). Таким образом, медиавистам предстоит еще большая работа по отысканию греческих источников – причем не по фундаментальным публикациям, а по неописанным доселе рукописям. Ссылки на издания греческих текстов даны во II томе крайне экономно, преимущественно по номерам апофтегм, что заставляет в поисках той или иной публикации буквально перерывать указатели в I и II томах; не очень ясно, для каких целей даются ссылки на древние восточные или современный французский переводы многих рассказов. В целом, однако, сводную републикацию греческих текстов – источников Скитского патерика нельзя не признать весьма полезной для исследования памятника, и прежде всего для изучения переводческой техники, актуальность которого после издания СП стала совершенно очевидной (и которое, на наш взгляд, должно было предшествовать этому изданию).

Существенно менее очевидна значимость параллельной публикации латинского текста, которая, как представляется, имеет смысл только в тех (кажется, немногих) случаях, когда он содержит чтение, более близкое к славянскому, нежели сохранившийся греческий. Так, например, в стихе 18:45:14 сообщается, по детским воспоминаниям некоей старицы, что ее мать, блудница, тѣло... воек... вздадаше въ пѣстоши. Греческая параллель – τῷ... σῶματι... ἐκέχρητο букв. ‘использовала тело’ – едва ли могла послужить источником славянского перевода, между тем как латинский перевод *corpore... in turpitudine abutebatur* ‘употребляла тело для непристойности’ содержит такую же предложно-падежную форму, как и славянский. В большинстве случаев, однако, исследователь-славист не может почерпнуть из латинского никакой информации. Более того, сопоставляя греч. Λέγει ὁ ἀδελφὸς τῷ γέροντι, слав. глагола братъ старци и лат. *Interrogavit frater senem, dicens* (L:7) и многие подобные параллели, мы не можем не прийти к выводу об избыточности и даже дезориентирующей роли латинского текста. Совершенно достаточно было бы в тех случаях, когда славянский отличается от греческого, но совпадает с латинским, проиллюстрировать это в примечании.

Перевод кириллического *textus receptus* на английский язык, естественно, воспроизводит не только удачные находки реконструкции, но и проблематичные пассажи, о которых речь уже неоднократно шла выше. Порой перевод (который мы, разумеется, не просматривали сколько-нибудь основательно) отражает весьма дискуссионное понимание славянского текста, не явствующее из самой реконструкции. Так, например, вызывает сомнения толкование глаголов *растворити*, *растворити* и *растворити* как «ореп» ‘открыть’: дело в том, что такое значение у *растворити* – позднее, обязанное своим возникновением переработке глагола *отворити* ‘открыть’ – образования с приставкой *от-*, связанного по происхождению с *воръ* ‘ограда, забор’ [СДРЯ, 1: 477] и далее – с литов. *atverti*. «Первонач. *ot-voriti было позднее воспринято как *o-tvoriti» [Фасмер, III: 170], вследствие чего и появились *затворити* и *растворити* (впрочем, зафиксированные уже в старославянском, в частности, *рстворити* – в Супрасльской рукописи). Указанные глаголы фигурируют в СП в следующих контекстах: *свѣтльнѣи же огнь въса дѣни себѣ хранѣаше· елѣи приливаша· и растворяша съ вѣрху· да не угаснетъ* (5:46:49); *свѣтльнѣи растворяша· и свѣта· аще обѣнши са приидати къ маслу· по малу угасаетъ* (11:78:3); *мышь крѣпцижъ нитрагнати хоташа· низъвѣжетъ и свѣтльнѣи· и аще иже зѣданъ [‘слеплен (из глины)’] бѣдетъ· тогда съкроушитъ са· аще ли же мѣданъ· обрѣтенъ господь· растворяша са съ вѣше* (11:78:6). Последний стих особенно информативен: очевидно, что противопоставление действий, которым подвергнется упавший светильник, не шло по линии ‘(глиняный) разобьется’ – ‘(медный) откроется’. В греческом во всех трех случаях употреблен глагол *σκευάζω*, который, при всей своей многозначности, никогда не выражал значения ‘открыть’, но – ‘подготовить’ (в частности, к функционированию)¹⁹, т. е., в данной ситуации, ‘наполнить маслом’. Славянские переводчики иногда передавали этот глагол и производные посредством лексем *растворити* и т. п. (обычно использовавшихся в значе-

¹⁹ Ср.: «...supply... dress up... rarely of things» [LS: 1607].

нии 'смешать (о приготовлении снадобий)'²⁰, например: оудобъ ксть повелѣваюшему. и оуготовано свѣтомь [т. е. свѣтомь]. и растварѣмо. (παρεσκευασμένον) *ГА XIV*, 1926 [СДРЯ, 10: 267] (ср. перевод Л.И. Щёголевой: «...удобно для Повелевающего, и предопределено (Его) волей, и устроено» [Матвеевко, Щёголева 2011, 1: 322]). В Патерике затруднение переводчика дважды вызвало наречие ἄνωθεν, которое, помимо основного значения 'сверху' (переданного в СП – съ врьху, съ выше), имеет также значение 'заново' (что, к сожалению, не оговорено в английском переводе): в первом контексте речь идет о том, что монах постоянно приливал масло в светильник, заново наполняя его, чтобы он не угас, в третьем – о том, что упавший медный светильник, поднятый хозяином, будет заново наполнен.

Возвращаемся к I тому. Большую его часть занимает словоуказатель к славянскому переводу, включающий 4405 лемм, из которых, как особо подчеркивает У. Федер (I, 154), 1076 не зарегистрированы в «Старославянском словаре» [ССС] (все они помечены астерисками, например, алъкота, алъфавитъ, анаѡема, баньнъ, банинъ, беззвѣтно, безглазънъ, безгубъшникъ, безмногоръдъ, безмязвѣникъ, безмязвѣно, безмязвѣствикъ, беспечалникъ, беспрѣстанънъ, безстрашнъ, безъидникъ, бещьстити и т. д.). При этом, правда, неясно, почему издатель ориентировался именно на московский словарь, отражающий исключительно лексику ограниченного круга канонических старославянских рукописей, а не на пражский «Словарь старославянского языка», в котором существенно более широко представлена лексика текстов, восходящих к кирилло-мефодиевской эпохе, и не учитывал фиксацию многих лексем в словаре Ф. Миклошича [Miklosich] и в трех русских исторических словарях [Срезневский; СлРЯ XI–XVII вв.; СДРЯ]. Между тем сведения о наличии тех или иных слов в славянской лексикографии никоим образом не принизили бы значение богатейшего лексикона СП, так как в очень многих случаях употребления в Патерике на несколько столетий опережают данные словарей. По крайней мере несколько слов, отмеченных в тексте, в словоуказателе не учтены: мы не нашли там ни глаголов ѡмрътвѣти и ѡмръщѣвати, ни существительного ѡмрътвѣи (см. некоторые примеры выше); не учтены и многообразные и весьма интересные лексические варианты, отличающиеся от реконструированного текста.

Для каждого слова, данного в начальной кириллической форме, приводится минимальное английское соответствие. Каждая лемма, кроме наиболее частотных слов и форм (например, союза и, им. п. мѣнѣхъ, местоименных форм ми и ма, предлога о с мест. п.), снабжена полным перечнем всех словоупотреблений. При изменяемых словах приведены по алфавиту все словоформы с грамматической характеристикой и точными адресами (по типу А:9:1), причем сочетания глаголов с отрицательной частицей не даются отдельно (например, не обличаше – до обличаше). Одно важное обстоятельство, к сожалению, не оговорено: грамматические характеристики, как правило, относятся не к кириллическим формам, приведенным сначала, а к глаголическим, следующим за грамматическим определением, так что читатель не может не смущаться такими, например, дефинициями, как анѣтонна D (в глаголической реконструкции – антони), арѣсени L (resp. аренин), брашно L (resp. брашнѣ), да бландѣтъ ѡ imp3 (resp. бланди ѡ), бѣ ра.мN (т. е. прич. прош. действ. муж. им.) vs. бзѣвъ, видѣтъ sup vs. видѣтъ, въздвижаахъ aor1 vs. въздвигъ, ближнѣако mD vs. искръникмиу, виньнж D vs. виниу и т. д. Последние примеры показывают, что под леммой совсем не обязательно приводятся формы только заголовочного слова: лексемы глаголической реконструкции, отличные от кириллической, также даются под кириллической леммой; так, в частности, под леммой божни обнаруживается форма божниж с глаголической параллелью чловѣчж, под братъ – кириллическое братиу и глаголическое рабѣу, под глаголати – кириллическое глаголиж и глаголическое азъ, под отць – помимо заглавного слова, формы существительных авва и старьць, под нѣкъзи – главным образом формы местоимения ниъ; напротив, форма им. п. нон приведена под леммой ноу, ориентированной на глаголическую реконструкцию. Узнать о том, где можно найти

²⁰ Ср.: како врачъ былъа растварѣа (κατασκευάζων) *ПНЧ XIV*, 5в; раствореникъ питьихъ земли (οκευασίαι) *ГА XIV*, 211а [СДРЯ, 10: 269, 267].

ту или иную форму, удается далеко не всегда: так, параллельно к *жити* дана форма *останѣта*, однако ни при лемме *жити* нет отсылки к *остати*, ни при *остати* – к *жити*, аналогично – в случае *сърбръника / цати* или в удивительной паре *мзшахъ / възельн са*; второй член пары *отъщетиъ са / отъщетиъ са* вообще лишен в словоуказателе особой леммы *отъщети са*; под леммой *помостъ* в качестве глаголических приведены только формы гречизма *ѡолъ* – однако на алфавитном месте (ни на *ѡ*, ни на *ѡ*) мы этого слова – являющегося, в принципе, изобретением издателя – не находим (то же относится к императиву *поплови*, восстановленному на месте *почини*, но лишенному леммы *поплицти*). Отнесенность грамматических помет к глаголическим реконструкциям выдерживается непоследовательно: так, указание *nL* (мест. ед. ср. рода) все-таки явно характеризует не глаголическую форму *иць*, а кириллическую *ицьемъ*, тогда как *L* относится к кириллическому *китыцьемъ*, а не к глаголическому *китыцьемъ*.

Для несклоняемых имен систематически указываются падежи исходя из синтаксической функции, а не формы: так, у имени *аѡе* выделяются омонимичные формы дат., род., им. и вокатива, у слова *авъва* – род., твор., мест., им., зват., вин. и дат., а у прилагательного *жгичъ* различаются им. жен. и им. муж. рода.

У прилагательных специально отмечаются членные («определенные») формы, хотя и непоследовательно: так, при *ваньѣкъмъ* помета «def.» дана, а при соседнем *ванькъимъ* нет. Вполне регулярно определяется род у общеродовых форм прилагательных, причастий и местоимений мн. и дв. ч.: например, разграничиваются *вагичимъ* муж. рода и *вагичимъ* ср. рода, *братимъ* жен. и ср. рода, *вашихъ* – отдельно всех трех родов.

Начальные формы (леммы), реконструируемые в традициях Пражского словаря, как правило, вполне корректны; заметим лишь, что не стоило реконструировать неэтимологическую ижицу в наречии *сѣрѣнѣкъ*, тем более что в списках (N:24:9) это слово пишется только через *в*.

Вместе с тем идентификация форм в индексе порой вызывает сомнения. Так, в контексте *егда закрькѣте очи волови* (11:108:2) последняя форма является регулярной дативной передачей греческого генитива *τοῦ βοός*, т. е. дат. падежом **i*-основного существительного *волъ*, а вовсе не «*nNdu*» (им. дв. ср. рода) прилагательного *воловъ* (снабженного звездочкой); не говоря уже о том, что *очи* было *duale tantum* жен. рода и прилагательное твердого варианта склонения имело бы при нем в им. дв. флексию *-ѣ*, само притяжательное *воловъ* на фоне обычного *волицу* должно было бы вызвать недоверие. Форма *чъвини* в контексте *вндѣхъ... чъвини же мзгогъ смрадъ прѣзвивахъ* (18:45:57) – в полном соответствии с греч. *σκολήκων* должна быть определена как род. мн. от *чъва*, а не как незафиксированное притяжательное прилагательное *чъвини*. В конструкциях: *аще боль възпадеш* (3:87), *аще и боль възпадъ* (10:50), *(къдннъ же отъ нихъ) боль възпадѣ* (17:24:2)²¹ – представлен не им. п. муж. рода прилагательного *боль*, а вин. п. существительного жен. рода *боль* (см. [Аникин, 4: 37–38]), употребленный в архаичной беспредложной конструкции при глаголе движения с приставкой *въ-* (целевой аккузатив, см. [Крысько 2006: 59–60])²². Форма *колица* в контексте *отгротъ же колица противленникъ кѣтъ днаволицу* (18:33:9) является, конечно, не им. п. жен. рода несуществующего прилагательного *колиц* (посессивы не образовывались от неодушевленных имен), а род. п. собирательного существительного *колиц* (в греч. мн. *τῶν σκολόπων*). Формы *лидини*, *лидикъ*, *лидьмин*, *лидьмъ*, *лиди* напрасно помещены под леммой *лидинъ*: они относятся к *plurale tantum* **i*-склонения *лидикъ*; равным образом **i*-основное *duale tantum* жен. рода *очи* не следовало бы присоединять к лемме *око* – существительному ср. рода консонантного склонения. Существительное *ноздри* нельзя трактовать как *duale tantum* – этому препятствует даже приведенная здесь же форма мн. *ноздри* = греч. ед. *τῆς ῥινός*; как показано в [СлРЯ XI–XVII вв., 11: 420;

²¹ Последний случай являет собой удачный пример чистой реконструкции в кириллической части (хотя и не оговоренной как реконструкция): по спискам отмечаются только сочетания с предлогом *въ* либо перефразированное *болѣти начатъ*.

²² Заслуживает упоминания также вин. коммодальный при глаголе *болѣти* (см. [Крысько 2006: 117–118]): *ѡтра ма болатъ* (20:15:48), *внгдаше са мзгогъ дондѣже и би разболѣло* (3:57:5).

Жолобов, Крысько 2001: 69], слово *ноздра*, употребляясь в ед. и дв. ч., выражало значение 'ноздра, ноздри', тогда как во мн. – 'нос' в целом. Инновационная форма дат. п. *писъциви*, отмеченная в восточнославянских рукописях, которые только и сохранили текст апофтегмы В:22, могла бы быть возведена к *писъци*, т. е. форме существительного *писъць*, либо, с большей вероятностью, к *писъцини* – дат. падежу от существительного женского морфологического рода *писъцини*, но ни в коем случае не к аномальному *писъциви*. *Вои* – не род., а дат. падеж (в приименной позиции); *вѣтры* – не им., а вин.; *дѣти* – существительное не ср., а жен. рода; начальная форма для род. мн. *саженъ* – не *саженъ*, а *сажень* или даже точнее *сажень* (консонантного склонения); *цѣбници* – им. мн. от *цѣбница*, а не от *цѣбница*. Неясно, почему вводное *мъножаж* 'более того' (О:1:17) определено как мужского рода. *Он* в выражениях типа *вонхъ он*, *вонъ он* – не частица, а энклитический дат. п. местоимения *ѣе*, варьирующийся с род. п. (см. [СДРЯ, 10: s. v. *вон*]).

Сложную проблему для лексикографа создает слово, использованное, в частности, в Фил 3. 8 для перевода греч. мн. *σκύβαλα* 'отбросы'; в стихе 22:10:8 оно, в функции вин. п., представлено по спискам в виде *цметы*, *цмѣты*, *цмети*, *цметь* (ед.), в Христинопольском апостоле – как *цметы* [Kaŕužniacki 1896: 201], в пяти цитатах, приведенных И.И. Срезневским [Срезневский, III: 1205], также фигурирует форма вин. мн. *цметы*. Единственная фиксация в [SJS, III: 639], который в данном случае почему-то не учитывает материал Апостола, – им. мн. *многы цмети* – справедливо интерпретирована в Словаре как форма жен. рода (т. е. **i*-склонения). При очевидной морфологической вариативности может быть исключена только та грамматическая интерпретация, которая дана в словоуказателе к СП: избрав в качестве исходного чтение *цмети*, У. Федер возвел эту форму вин. п. к начальному *цмети mpl* (т. е. *plurale tantum* муж. рода) – однако вин. на *-ти* предполагает принадлежность существительного к **i*-склонению, в котором форма им. мн. муж. рода должна была бы оканчиваться не на *-и*, а на *-иѣ*.

Едва ли старославянскому языку, даже мифодиевской поры, следует приписывать сохранение особенностей греческого склонения и к реальной форме вин. п. *маницимаъ* (топоним) подстраивать номинатив *маницимаъ*, к мест. п. *манидѣ* (антропоним) – *манидѣ*, к вин. *феръмж* – им. *феръми*, к дат. *филкиц* – им. *филнѣъ*, для род. *цалента* и им. *цалини* выводить общую начальную форму *цалини*, а для форм косвенных падежей *фѣника*, *фѣникамаъ*, *фѣникъ*, *фѣници*, с одной стороны, и номинатива *фѣниѣъ* – с другой, – начальную форму *фѣниѣъ*.

Глагольные формы также определяются в словоуказателе не всегда корректно. Так, *въѣѣжѣ* и *повѣѣжѣ* – аористы от *въѣѣгнѣти* и *повѣѣгнѣти*, а не от *въѣѣжати* и *повѣѣжати*; *вълѣти* и *пролѣти* – императивы от *-лѣнѣти*, а не от *-лѣти*, тогда как *пролѣнѣти* и *пролѣнѣти* – напротив, формы глагола *пролѣнѣти*, а не *пролѣнѣти*; *възѣнѣмъ* – не наст. вр., а повел. накл.; *догъжѣща* относится к парадигме *догъжѣти*, а не *догъжѣти*; *зълословѣашѣ* – имперфект от *зълословѣнѣти*, а не *зълословѣнѣти*, *прѣщаахъ* – от *прѣштѣти*, а не *прѣштѣти*; причастие *исъхъши* и аорист *исъше* – формы глагола *исъхънѣти*, а не *исъхънѣти* (впрочем, само наличие глагола *исъхънѣти* в СП сомнительно, так как третья относимая к нему форма – 3 л. наст. вр. *исъшетъ* – также может быть причислена к тому редкому типу глаголов на *-нѣти*, у которых наст. вр. образовывалось по III классу, равно как и презенс *зълѣплетъ ѣ*, см. [Вайан 1952: 322–324]); инфинитив к презентным формам *клячѣши* и *клячѣ* – не *клячѣти*, а *клячѣти*; *помѣтенъ* – причастие от *помѣтѣти*, а не от *помѣтѣти*. Странно, что формы имперфекта, которые и в кириллической, и в глаголической реконструкции образуются от инфинитивной основы *писѣ-*, – *писѣахъ*, *писѣашѣ* – отнесены к лемме *писѣти*. Имперфектив *погъпѣти*, *-пѣж* и перфектив *погъпѣти*, *-пѣж* напрасно объединены под одной леммой – якобы «*ipf et pf*». 3 л. мн. *болатъ* приведено под несуществующим инфинитивом *волѣти* (помеченным звездочкой как гапакс СП), хотя далее разработан глагол *волѣти*. Имперфекты *мъножаахъ ѣ* и *мъножаашѣ ѣ* отнесены к глаголу несов. вида *мъножѣти ѣ*, тогда как наст. вр. *мъножатъ ѣ* – к глаголу сов. вида *мъножитѣ ѣ*; в действительности во всех случаях – глагол несов. вида *мъножитѣ ѣ*.

Впервые фиксируемое и, к сожалению, никак не комментируемое причастие *опътъренъ* (7:42:7) = ἐμλοδοθεὶς 'связанный, скованный', которое введено в *textus receptus* на

основании единственного употребления в списке W² *шпѣтрень* и, как считает издатель, вытеснено в других списках формой *отъспѣтанъ*, во всяком случае не следовало бы соотносить с инфинитивом *опьтѣрѣти*: причастия на *-енъ* возможны только от глаголов с основой на согласный либо на *-и-*. Форма прич. наст. вр. *шпѣтрень* не может относиться к парадигме глагола *шпѣтрѣти*, но только к *шпѣтрѣти*; впрочем, в контексте: (монаху следует) *шкѣпѣти г҃а чловѣчьскаго разѹма · да помысли шпѣтрѣнѣ кѣмѹ · разѹмъ божии възелитъ г҃а* (L:28:3), реконструируемом по единственному списку XV в., на наш взгляд, произведен неверный словораздел; хотя греческий источник этой апофтегмы не обнаружен, вероятным представляется сочетание страдательного причастия с родительным удалительным: *помысли шпѣтрѣнѣ кѣмѹ* 'освобождаемому от помыслов'.

Не свободен указатель и от явных опечаток: так, форма *алъчѣж* определяется как им. п., *вишл* – как инфинитив, *въждѣлѣж* – как 2 л., *възможтѣ* – как аорист, *въннѣж* – как 1 л. императива, *котоарктѣ г҃а* – как дв. ч. аориста, *кромольницѣ* – как дат. п., *нареченаго* – как мн. ч., *пищамн* – как вин. п., *пѣснь* – как род. мн.; в лемме *невѣденик* после *д* должен быть *ѣ*, а в форме мн. *въста*, согласуемой с существительными ср. рода *лѣта* и *штра*, не может быть флексии *-а* (в издании правильно); ошибочны и глаголические написания *мѣлѣхъ* вместо *-хъ*, *поитнгъ* вместо *поитнгъ* (определено как «перфект»); глаголические аналоги основы *праздн-* регулярно пишутся как *праздн-* (при возможных *праздн-*, как везде в издании, либо *празн-*), а в формах причастия *прншьд-* вместо глаголической *р* постоянно печатается *т*. Впрочем, глаголические написания вообще избыточны опечатками, вроде четырехкратного пропуска начального *р* в *рѣжкамѣ*, превращения *рѣчьнаго* в *рѣчьнаго*, а *рѣчьнок* – в *рѣчьное* или загадочного *шкрѣпѣвѣ* vs. кириллического *шкрѣпле-нина*. Но особенно замечательно набранное кириллицей толкование к глаголу *прѣстарѣти г҃а* – *г҃ош моѣ г҃чн олд*, т. е. *grow more than old*...²³

Подведем итоги. Трехтомное издание Скитского патерика, вкупе с публикацией полной коллажи разночтений, знаменует завершение огромной многолетней работы У. Федера над одним из древнейших славянских переводных памятников, имеющим богатую письменную историю. Этот титанический труд, который необходимо оценивать комплексно, т. е. именно как соединение издания с коллацией, характеризуется одновременно детальностью и небрежностью, избыточностью и неполнотой. Благодаря компьютеру, дифирамбы которому заполняют полстраницы Предисловия (I, 7, 9), рабочий инструмент исследователя – коллация разночтений – не просто стал достоянием читателя, но подменил лингвистически информативное и разумно экономное издание. Эта коллация отнюдь не представляет собой альтернативу пресловутому «кладбищу вариантов» (I, 7), но сама является ультрасовременным кладбищем или, точнее, многоэтажным колумбарием всех возможных разночтений, независимо от их лингвистической и текстологической значимости.

Позволим себе изобразить, как выглядели бы в критическом издании традиционного типа, столь чуждом У. Федеру, варианты фрагмента 4:1:1, приведенные в начале настоящей статьи. Коль скоро списки группы W признаются наиболее близкими к протографу перевода, в основу публикации данной апофтегмы мы положили бы наиболее полный из них – W⁶ (болгарский список 1346 г.), оговорив в предисловии, что чтения основного списка, восходящие, по нашему мнению, к протографу, особо не выделяются, а чтения других списков, восходящие к протографу, подчеркиваются:

²³ На фоне сложностей, которые составление словоуказателя вызывает даже у высококвалифицированного филолога, изумительно наивным выглядит представление неспециалиста о том, что указатели – «заслуга не столько лексикографов, сколько программистов» [Буланин 2014: 19]. К сожалению, знание грамматики и понимание древнего текста запрограммировать невозможно – но чтобы постичь эту простую истину, необходимо издать хотя бы один памятник...

Братна придж къ ѡѡѡ ѡгони ѡ скита.

Ἀδελφοὶ παρέβαλον τῷ ἀββῶ Ἀντωνίῳ ἀπὸ Σκίτεως.

придж: = W⁵; W^{2, 8} -дѡ; A³ -доша, W³ -шж, B^{1, 2, 4, 5}, O, I^{1, 2}, K², C¹⁻⁴ придоша. ѡѡѡ: = др. сп., кроме W² ѡѡѡ. ѡгони: = др. сп., кроме W² ѡгони. скита: = др. сп., кроме I^{1, 2} скита, W² скита.

(Разумеется, перечисление списков можно было бы сократить, указав при каждой апофтегме, в каких списках она представлена, и вместо ряда «B^{1, 2, 4, 5}, O, I^{1, 2}, K², C¹⁻⁴» просто пометать «др. сп.».)

Думается, что при такой подаче материала сохранилась бы вся информация, ценная как для истории текста, так и для языка отдельных списков, а внимание читателей не отвлеклось бы на бесконечное повторение однотипных написаний и на ненужные детали (например, ἰ vs. и или пропуск редуцированных в рукописях XV в.).

Уильям Федер избрал иной путь. Подготовленное крупнейшим голландским па-леославистом издание *textus receptus* и *textus reconstructus* Скитского патерика может быть оценено как интересная попытка создать старославянский текст исходя из априорных идей. К сожалению, кириллическая часть издания, вопреки сформулированным в I томе принципам, во многих пунктах демонстрирует не древнейшие зафиксированные формы, а умозрительные архаизированные конструкторы либо записанные по нормализованной орфографии инновационные (в лучшем случае, а порой и просто невысказанные) образования. При неполноте письменной фиксации текста Патерика неизбежная ориентация на конкретные списки, сохранившие те или иные апофтегмы, приводит к воссозданию лингвистически противоречивого, нередко анахроничного целого. Пользоваться таким изданием в лексикографических и особенно в историко-грамматических целях сложно. Глаголический же текст представляет собой продукт чистого произвола, попросту говоря, реконструкционную фикцию: эти экзерсисы, вдвое увеличивающие объем III тома, отражают исключительно рефлексию издателя относительно того, как должен был выглядеть старославянский язык первоучителя Мефодия. В результате мы получаем выхолощенный, лишенный лексической синонимии и грамматической вариативности псевдостарославянский текст. В целом труды по реконструкции глаголического протографа «отеческих книг» вызывают в памяти состоявшуюся несколько лет назад в Афинах выставку Праксителя – т. е., конечно, не произведений самого великого ваятеля, а многочисленных античных реплик его скульптур. Едва ли не каждая из этих реплик – выдающееся произведение греческого или римского искусства; но кому же придет в голову рассматривать как подлинное искусство и тиражировать современную реконструкцию шедевров Праксителя?

Наиболее ценным в трехтомнике является словоуказатель: если абстрагироваться от его фантазийной глаголической части и от грамматических помет, этот индекс нельзя не приветствовать как важное пособие по лексике старославянского языка. В то же время конкретные кириллические формы, приведенные в указателе, далеко не всегда отражают реальность: для установления непрепарированных чтений исследователю придется обращаться за цитатами не к *textus receptus*, а к коллажи вариантов. Важнейшим упущением индекса является отказ от приведения греческих параллелей к каждой форме, ставшего уже правилом для любого квалифицированного издания древнеславянских текстов. Безусловным desideratum остается греческо-славянский словоуказатель. Только путем сравнения наиболее вероятных славянских проточтений с наиболее надежными греческими параллелями филологи смогут прийти к обоснованным выводам о принципах и качестве славянского перевода Скитского патерика, а после сопоставления с другими древнеславянскими переводами – и о его авторстве²⁴.

²⁴ Работа выполнена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 13-34-01009а «Древнерусские рукописи XII в.: исследование и подготовка к изданию».

Автор признателен Л.В. Прокопенко за ценные замечания, учтенные при доработке статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1999 – *А.А. Алексеев*. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Аникин – *А.Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–7–. М., 2007–2013–.
- Буланин 2014 – *Д.М. Буланин*. Текстология древнерусской литературы: ретроспективные заметки по методологии // *Русская литература*. 2014. № 1.
- Вайан 1952 – *А. Вайан*. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Ван-Вейк 1957 – *Н. Ван-Вейк*. История старославянского языка. М., 1957.
- Дыбо 1981 – *В.А. Дыбо*. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 2000 – *В.А. Дыбо*. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Жолобов, Крысько 2001 – *О.Ф. Жолобов, В.Б. Крысько*. Двойственное число. М., 2001. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II.)
- Зализняк 2011 – *А.А. Зализняк*. Труды по акцентологии. Т. 2: Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М., 2011.
- Иорданиди, Крысько 2000 – *С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько*. Множественное число именного склонения. М., 2000. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I.)
- Истрин 1920–1930 – *В.М. Истрин*. Книги временья и образья Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1–3. Пг.; Л., 1920–1930.
- Йовчева 2009 – *М. Йовчева*. Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами *-ова-/-ова-*) // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavica Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*. München; Berlin, 2009.
- Крысько 2005 – Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М., 2005.
- Крысько 2006 – *В.Б. Крысько*. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.
- Крысько 2013 – *В.Б. Крысько*. Древнеславянский канон в честь Кирилла Философа: итоги исследования // *Известия РАН*. 2013. № 3.
- Кузнецов и др. 2006 – *А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько*. Прилагательные. М., 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III.)
- Люсен 1995 – *И. Люсен*. Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Uppsala, 1995.
- Матвеевко, Щёголева 2006–2011 – *В. Матвеевко, Л. Щёголева*. Книги временные и образные Георгия Монаха: В 2 т. М., 2006–2011.
- Михеев 2012 – *С.М. Михеев*. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // *Slovo*. 2012. Sv. 62.
- Мушинская и др. 2009 – *Изборник 1076 года*. 2-е изд., перераб. и доп. / Изд. подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голышенко. Т. 1–2. М., 2009.
- Николаев 1987 – *Н.И. Николаев*. Патерик Скитский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
- Пенкова 2008 – *П. Пенкова*. Речник-индекс на Синайския евхологий. София, 2008.
- Пичхадзе, Макеева 2008 – «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе и И.И. Макеева. Т. 2. М., 2008.
- Пролог 2010 – Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1: Текст и комментарии / Изд. подгот. Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский. М., 2010.
- Пролог 2011 – Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования / Изд. подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. М., 2011.
- РГЦ – Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели / Ред. М. Аргировски, соработ. Н. Андријевска, А. Ѓуркова. Скопје, 2003.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–10–. М., 1988–2013–.
- Семенов 1893 – *В. Семенов*. Древнерусская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. (Сб. ОРЯС. Т. LIV. № 4.)
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29–. М., 1975–2011–.

- Соболевский 1910 – *А.И. Соболевский*. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
- Срезневский – *И.И. Срезневский*. Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. Т. I–III. М., 1989.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Супр – *Й. Заимов, М. Капалдо*. Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.
- Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
- Фасмер – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–38–, М., 1974–2012–.
- АНГ – *Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris* / Ed. by J. Schirò. Т. I–XIII. Roma, 1966–1983.
- Christians 2001 – *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch – slavisch* / Bearb. v. D. Christians. Wiesbaden, 2001.
- Diels 1932 – *P. Diels*. Altkirchenslavische Grammatik. Т. 1. Heidelberg, 1932.
- Eichner, Reinhart 1991 – *H. Eichner, J. Reinhart*. [Rec.:] Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 2: blagъ – dělo... Praha, 1990 // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1991. Bd 37.
- Eichner, Reinhart 2001 – *H. Eichner, J. Reinhart*. [Rec.:] Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 10: obrěsti – patěna... Praha, 2000 // Wiener slavistisches Jahrbuch. 2001. Bd 47.
- Kałużniacki 1896 – *Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice* / Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII° scripti ed. Ae. Kałużniacki. Vindobonae, 1896.
- LÄ – *Lexikon der Ägyptologie*. Bd II. Wiesbaden, 1977.
- LS – *H.G. Liddell, R. Scott*. A Greek-English Lexicon / Rev. and augm. by H.S. Jones. Oxford, 1996.
- Marti 2000 – *R. Marti*. Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica // H. Miklas (Hrsg.). Glagolitica: Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000.
- Marti 2004 – *R. Marti*. Die Bezeichnung der Konsonanten in der Glagolica // M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, Fr. Velčić (eds). Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zagreb, 2004.
- Miklosich – *F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- PVL – *The Pověst' vremennykh lét: An interlinear collation and paradosis* / Comp. and ed. by D. Ostrowski; ass. ed. D.J. Birnbaum; senior cons. H.G. Lunt. Pt. 1–3. Harvard, 2003.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1956–1997.
- Smith 1854 – *W. Smith* (ed.). Dictionary of Greek and Roman geography. V. 1. Boston, 1854.
- Veder 2006 – *W.R. Veder*. The collation of the witnesses to the Scete patericon // Полата књигописњая. 2006. № 36 // <https://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/24008>.
- Veder 2014 – *W.R. Veder*. Recoding: The eight homilies attributed to Cyril of Turov // Dutch contributions to the Fifteenth international congress of slavists, Minsk, August 20–27, 2013: Linguistics. Amsterdam; New York, 2014.

Сведения об авторе:

Вадим Борисович Крысько
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
vbkrysko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2014.

РЕЦЕНЗИИ

P. Garde. L'accent. Deuxième édition corrigée et augmentée. Limoges: Lambert-Lucas, 2013. 169 p.

После первой публикации книги П. Гарда [Garde 1968] прошло почти полвека. Этого времени вполне достаточно, чтобы оценить теорию и определить ее место в науке или истории науки. Понятно, что к числу критериев оценки книги менее всего относится ее популярность, зачастую определяющаяся модой. Для этого акцентная теория Поля Гарда слишком глубока и основательна. К тому же, чрезвычайно сложные вещи излагаются в ней весьма простым языком, а богатство идей заключено в очень малом объеме, что в глазах значительной части научного сообщества считается серьезным недостатком.

Излишне говорить, что размеры книги легко можно было бы увеличить за счет «истории вопроса» по каждому разделу, каждой главе, наконец, каждому термину. Однако в середине 1960-х гг., когда эта книга писалась, такие понятия, как «фонема», «аллофон» и «различительный признак», были своего рода аксиомами лингвистики, продолжавшей традиции, заложенные структурализмом периода между двумя мировыми войнами.

Второе издание книги можно было бы расширить и за счет экскурса в новейшие направления, в большинстве своем не воспользовавшиеся достижениями Гарда¹. Но полемике с ними автор предпочел уточнение некоторых формулировок и замену ряда примеров, подчеркнув тем самым непротиворечивость своего построения в целом.

Среди языковедческих понятий ударение всегда занимало совершенно особое место. Из учебника в учебник, из словаря в словарь переходит – с незначительными вариациями – определение, согласно которому оно представляет собой «выделение одного из слогов в слове или словосочетании за счет усиления голоса, повышения тона, увеличения длительности, интенсивности, громкости и т. п.» [Ахманова

1966]². При этом совсем не очевидно, что носителем ударения является именно слог, а не только слогиноситель, как следует, например, из генеративистского правила «V → [I stress] 'припиши ударение *гласному*'»³.

Помещение ударного слога в различные по протяженности контексты (слово, целое высказывание) ставит (но не решает) вопрос о соотношении ударений различного типа (словесного, фразового, логического и т. п.) и, соответственно, о функции, которую выполняет при этом выделение одного из слогов.

Соотношение функционального и формального аспектов является одной из главных акцентологических проблем. Попытки установить «ведущую характеристику ударения», соответственно, динамического (экспираторного), квантитативного или тонического, известны по крайней мере с начала XX в.⁴ Сохранив дофонологические представления о «ведущем компоненте», соответственно, типе ударения в том или ином языке, фонология, по сути, продолжала отождествлять фонетический коррелят ударения с собственно ударением, а фонетическую реализацию ударения с его функцией. Более того, ударение по-прежнему рассматри-

² Сходное определение дается в [Ярцева 1990]; ср. также: «The prominence is usually due to an increase in loudness of the stressed syllable, but increases in length and often pitch may contribute to the overall impression of prominence» [Crystal 2008: 454].

³ Ср.: «the degree of force with which a sound or syllable is uttered» [Jones 1976: 45]. Незначительное различие слога и гласного в качестве носителей ударения восходит к исторической фонетике младограмматиков, рассматривавших изменения гласных ударных и безударных слогов, или просто ударных и безударных гласных.

⁴ При этом использовался метод, состоящий в том, чтобы, исключив все компоненты ударения, кроме одного, выяснить, достаточно ли его для создания выделенности данного слога в слове; ср., например, [Wallin 1901].

¹ Немаловажно в этой связи то, что книга П. Гарда впервые вышла в том же году, что «The sound pattern of English» Н. Хомского и М. Халле.

валось а *prigoi* как внешний по отношению к фонематике фактор, определяющий поведение гласных и регулирующий их распределение. Такой подход в конечном счете неизбежно приводит к объяснению *obscurum per obscurius*: супrasegmentные характеристики с неясным функциональным статусом (ударение, тон и т. п.) используются для обоснования функциональности слога, носителя этих характеристик (например, в [Hjelmslev 1936]).

Проблема функции, отдельной от реализации, и, соответственно, разнесения того и другого по двум принципиально различным сферам, возникает вместе с функциональным подходом к описанию языка. Основополагающим здесь являлось смысловозначение, поэтому неудивительно, что ударение, наряду с сегментными единицами, было включено в систему корреляций (Н.С. Трубецкой) или отнесено к «вторичным фонемам» (Л. Блумфилд). Само понятие «корреляция» предполагает наличие признака, различающего элементы системы, основанной на оппозитивных отношениях. Если ударный и безударный гласные рассматривать как члены оппозиции, ничто не мешает видеть в «ведущей характеристике» (одном из фонетических коррелятов ударения) различительный признак гласного. В сущности, здесь имеет место возвращение к традиционной трактовке, просто переосмысленной в фонологических терминах.

Смысловозначительная функция может быть приписана ударению только в языках, где существуют квазиомонимы типа *мука́* – *му́ка*. Рассматривать фиксированное ударение, не связанное со смысловозначением, как супrasegmentный аналог фонем («вторичную фонему») или как признак (слога или гласного) вряд ли возможно. Поэтому функция фиксированного ударения определялась как делимитативная [Polivanov 1936], что не помешало ему считаться свойством слога носителя, то есть оставаться в ряду парадигматических средств.

Сказанное выше в самых общих чертах обрисовывает состояние акцентологии, предшествующее появлению теории Поля Гарда. Одним из центральных положений этой теории явилось указание на различие между единицами, связанными оппозитивными отношениями, и единицами, находящимися в отношении контраста, т. е. «соседствующими в плане синтагматики» (с. 18)⁵. В отличие от оппозиции, члены которой чередуются в общем для них контексте, являющемся «точкой» в речевой цепи, контраст означает одновременное существование в пределах некоторого ограниченного отрезка двух единиц (двух точек),

⁵ Здесь и далее цитаты из книги даются в переводе А.В. Андропова и Г.В. Васильевой, подготовленном для печати.

предполагающих друг друга. Применительно к акцентологии это означает попросту, что ударение невозможно без безударности, а безударность без ударения, ср.: «Наличие или отсутствие различительного признака в какой-либо точке речевой цепи ничего не говорит нам о его наличии или отсутствии в любой другой ее точке (за исключением недопустимых сочетаний, роль которых, в любом случае, весьма ограничена). Напротив, когда дело касается ударения, в границах предварительно выделенного сегмента, более или менее соответствующего "слову", наличие ударного слога обязательно предполагает, что все остальные слоги безударны: признак "ударность" может проявляться только единожды» (с. 17).

Непременным следствием принципа акцентного контраста является определение границ, «в пределах которых должны изучаться акцентные явления в каждом данном языке» (с. 19). По Гарду, это «необходимая предварительная операция, не имеющая аналогов при исследовании различительных признаков» (там же). Собственно говоря, признаки тоже существуют в границах фонем, которые выделяются с помощью определенных процедур сегментации. Но в случае ударения речь идет об особых единицах, более протяженных, чем фонема, а значит, и об особом типе сегментации, что, собственно, и дает основание выделить акцентологию в самостоятельную область, отдельную от фонематики, хотя и связанную с ней. Продуктом такого членения являются два вида сегментов: во-первых, отрезок речевой цепи, в котором создается контраст, и, во-вторых, контрастирующие сегменты, по Гарду, акцентные единства и акцентные единицы.

Термин «акцентное единство» использовался и до Гарда, в частности Л. Ельмслевом [Hjelmslev 1936–1937: 10]⁶, а после него А. Мартине [Martinet 1960: 84; Мартине 1963: 438–439]. В обоих случаях акцентное единство ближе всего к «фонетическому слову», которое может совпадать или не совпадать со словом – лексической единицей.

Гард также сопоставляет акцентное единство со словом, но он делает это прежде всего на том основании, что и слово, и акцентное единство являются значимыми единицами и выделяются с помощью сугубо грамматических процедур⁷. На грамматических соображениях основываются и принципы выделения

⁶ Ю.С. Степанов употребляет термин «акцентуационное единство», описывая функциональный метод Ельмслева применительно к литовскому ударению [Степанов 1975: 78]

⁷ Ср.: «...дать правила вычленения всех акцентных единств <...> для одного языка <...> означало бы описать всю грамматику данного языка» (с. 23).

«акцентогенных синтагм», порождающих эти единства, и клитик – не просто безударных, но неакцентогенных слов.

«Акцентогенность» – одно из самых сложных понятий теории Гарда. Она связана с ударностью, но ни в коем случае не синонимична ей. В определенном смысле акцентогенность также относится к сфере грамматики, но понимаемой достаточно широко; на каком-то этапе в нее включается и ударение, которое в иерархии исследовательских процедур занимает подчиненное по отношению к собственно грамматике положение, ср.: «Легко представить себе грамматику какого-либо языка с указанием характера синтагм каждого типа (обычно акцентогенная или нет) и со списком исключений для каждого обычно акцентогенного типа. Такая методика позволяет нам снова ввести некоторые привычные понятия традиционной грамматики, определив их более строго; прежде всего, это – понятие слова» (с. 24).

Отличие от акцентного единства, грамматического понятия, акцентная единица относится к области фонологии, соответственно, установление ее границ предполагает использование фонологических процедур. Поскольку в большинстве языков акцентной единицей является слог, речь идет о процедурах установления слоговых границ. П. Гард касается этой проблемы в самом начале книги, при обсуждении акцентуации польского имени *Tadeusz*: для того, чтобы установить место ударения (на предпоследнем слоге), необходимо знать, что /eu/ – бифонемное сочетание (в случае монофонемного дифтонга предпоследним был бы первый слог). По Трубецкому, одним из критериев бифонемности является прохождение слоговой границы внутри сочетания. Возникает порочный круг: характер сочетания выводится из места слоговой границы, определяющейся характером сочетания. Кроме того, такое решение не исключает и «ударения на гласном» (в данном случае предпоследнем), а не в целом на слоге.

Однако, по Гарду, установление слоговых границ – это лишь первый этап вычленения акцентной единицы. В качестве последней может выступать также мора, т. е. «часть слога, способная нести ударение». В свою очередь, место ударения в моросчитающих языках определяется не только долготой гласного слогоносителя, *fa-rĭ-na* (слог, долгий по природе), но и структурой слога в целом: *dĭ-ur-nus* (слог, долгий по положению). Очевидно, что сегмент, меньший, нежели слог, вычленяется с помощью процедур, относящихся к слоговому уровню. Гард специально подчеркивает, что «деление на моры предполагает предварительное деление на слоги» (с. 21). Таким

образом, установление слоговых границ – не просто первый, но необходимый этап вычленения акцентной единицы в любом языке. Эти процедуры, действующие на уровне слогов, – самый серьезный на сегодняшний день довод в пользу того, что акцентуация связана именно со слогом (или частью слога), а не просто со слогоносителем, относящимся к принципиально иному, фонематическому, уровню.

Последовательность процедур – «мора после слога» – позволяет избежать распространенной ошибки, связанной с установлением просодической типологии языка. Указанием на возможность моросчитания традиционно считается особый тип ударения с ярко выраженным мелодическим компонентом. На этом основании в число моросчитающих включается весьма широкий спектр языков. П. Гард использует этот критерий лишь при выдвижении гипотезы, которая либо подтверждается (древнегреческий, чакавские говоры), либо отвергается (штокавские говоры, латышский, шведский и норвежский). Основанием для того и другого является структура акцентного базиса, то есть акцентной единицы, двухчастной в первом случае и неделимой во втором.

Различие между «акцентными единицами» Гарда и «просодемами» Н.С. Трубецкого не просто терминологическое. Как поясняет Гард, «Мы предпочитаем более точный термин “акцентная единица”, потому что просодема у Трубецкого является носителем всех “просодических различительных признаков” (ударение, тон, интонация), тогда как мы рассматриваем здесь слог и мору только как носители ударения» (с. 21, прим. 1). По сути, такое разделение понятий также вытекает из понимания акцентной единицы как члена контраста, относящегося к плану синтагматики, что и отличает ее от просодемы, которая, по Трубецкому, может находиться в сфере парадигматических отношений (долгота).

Перевод акцентологии в область синтагматики в корне меняет подход к решению всех без исключения вопросов, связанных с ударением, и прежде всего его функцией. Смыслоразличительную функцию Гард совершенно справедливо усматривает и в языках с фиксированным ударением, замечая, что его одного явно недостаточно для различения парти типа франц. [g'alam'ã] *Gal, amant (de la reine)* и [galam'ã] *Galamment (de l'arène)*, чеш. *j'eden* и *j'e d'en*. На основании этого делается вывод, чрезвычайно важный не только для собственно акцентологии, но и для лингвистической теории в целом: «Если предположить, что границы слова известны, то ударение не выполняет различительной функции ни в языках со свободным ударением, ни в языках с ударением фиксированным. Если границы слова

неизвестны, то ударение, в принципе, может, хотя и весьма несовершенно, выполнять эту функцию как в языках с фиксированным, так и в языках со свободным ударением. Одним словом, различие между фиксированным и свободным ударением, каким бы важным оно ни было, не касается самой функции ударения, которая одинакова в языках обоих типов. Мы можем также утверждать, что различительная функция ударению чужда: оно никогда не выполняет ее в пределах слова, в пределах же целого высказывания выполняет лишь весьма несовершенно и ненадежно» (с. 17).

Изначальное «знание границ» вытекает из принципа двойного членения речевого потока – на значимые единицы (первое членение) и единицы плана выражения (второе членение). При этом «границы более крупных единиц всегда совпадают с границами более мелких <...>, предложение – одновременно совокупность слогов и слов. Среди значимых единиц слово – совокупность морфем. Среди незначимых единиц слог – совокупность фонем, а фонема – совокупность дифференциальных признаков» (с. 27).

В этот же ряд включаются и два акцентологических понятия («акцентное единство» и «акцентная единица»), которые также различаются как значимые и незначимые. Акцентное единство может совпадать со словом, акцентная единица со слогом, но, как показывает Гард, это чисто внешнее совпадение. В качестве акцентных единств и акцентных единиц и слово, и слог наделяются дополнительными характеристиками и приобретают функциональный статус, образуя таким образом отдельный, самостоятельный акцентологический уровень. К нему принадлежит и выделение определенной точки высказывания с помощью некоторых супraseгментных характеристик, то есть ударение в традиционном смысле, но оно оказывается лишь одним из показателей (абсолютной или относительной) значимости данной позиции в контексте всего высказывания. Это в корне меняет привычные представления о фонетических коррелятах ударения и его функциональных аспектах.

Такой подход к ударению определяет направленность процедур анализа: «сверху вниз», от более высокого к более низкому уровню. При этом Гард (в отличие от многих) последовательно выдерживает важнейший в методологическом отношении принцип несмещения уровней и, соответственно, исследовательских процедур. Этот принцип отразился и в самой структуре книги, вторая, иллюстративная, часть которой (с. 69–154) является почти слепком первой – теоретической. В обоих случаях ясно просматривается подход от общего к частному, проявляющийся и в изначальном определении базисных понятий в теоретической части, и

в том, что анализ акцентологических систем различных языков (славянских, германских, романских, древнегреческого, латинского, финно-угорских, китайского, монгольского и др.; всего в указателе перечислено 50 языков и диалектов) в части второй начинается с рассмотрения акцентных единств и заканчивается разделом, посвященным акцентной единице и слогу.

Этот же подход отражает и реальную структуру языка как целого, в котором ударение, как оно понимается Гардом, как бы пронизывает все уровни, помещая в единое пространство акцентные единства и единицы, слова и слоги (фонемы, различительные признаки) и соединяя два плана – синтагматики и парадигматики.

В то время, когда Поль Гард писал свою книгу, такое понимание языка еще только намечалось в языкознании (J.J. Katz, P. Postal). Но концептуальная новизна не обязательно означает отказ от проблем, которые либо были уже решены традиционной «таксономической» фонологией, либо сохранились в виде вопросов, унаследованных от нее. Создавая свою теорию, Гард опирался на опыт предшественников как на аксиоматику (отсюда скупая библиография), используя набор базисных понятий, которым отводилось соответствующее место в его собственном построении и к которым естественным образом добавились принадлежащая Полю Гарду идея синтагматического контраста.

Результатом явилось то, что с полным правом можно назвать акцентологической Наукой, основанной на дедуктивном методе, когда каждое следующее положение вытекает из предыдущего, что, во-первых, автоматически выявляет противоречия и лакуны предшествующих (и, заметим, современных) учений в данной области и, во-вторых, дает возможность оппонентам вести обоснованную полемику с автором, а сторонникам вносить уточнения, прежде всего связанные с языковым материалом.

Именно это делает теорию Поля Гарда абсолютно современной, работающей теорией, в чем не раз убеждались те, кто использовал ее для анализа акцентуации конкретных языков или опирался на нее в исследованиях общefonологического характера, в частности в России (СССР), где книга «L'accent» стала известна почти сразу по выходе в свет (ср. [Axmanova 1970])⁸.

Вряд ли нужно пытаться соотносить эту теорию с какой-то определенной школой или направлением. Сам автор явно мало заботился об

⁸ Из наиболее значительных работ следует назвать книгу В.Б. Касевича [Касевич 1980]. Идеи Поля Гарда повлияли также на «теорию привилегированности» А.С. Либермана; ср. [Liberman 1973; 1982].

этом, не прибегая к ссылкам на авторитеты, но в случае необходимости обращаясь к результатам исследований, которые представлялись ему наиболее достоверными и научно обоснованными. В своих фонологических воззрениях Гард ближе всего к идеям Н.С. Трубецкого и Пражской школы, но в его книге мы встречаем ссылки на работы А. Мартине, Л.Ж. Прието и К.Л. Пайка, в связи с древнегреческим на Ж. Вандриеса, с сербохорватским на П. Ивича и И. Лехисте, на «Сравнительную акцентологию германских языков» С.Д. Кацнельсона и т. д. В описании фонологии русского языка просматривается влияние Московской фонологической школы, хотя есть и ссылка на «The sound pattern of Russian» М. Халле. Список имен, упоминаемых в книге, не очень велик, но он отражает весьма широкий спектр взглядов и покрывает значительный временной промежуток, уходящий корнями в великую эпоху, одним из последних отголосков которой стала замечательная книга Поля Гарда, намного опередившая свое собственное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
 Касевич 1980 – В.Б. Касевич. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1980.
 Мартине 1963 – А. Мартине. Элементы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
 Степанов 1975 – Ю.С. Степанов. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
 Ярцева 1990 – В.Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990.

- Axmanova 1970 – O.S. Axmanova. [Рец. на:] P. Garde. L'accent. Paris, 1968 // Revue belge de philologie et d'histoire. V. XLVIII. Bruxelles, 1970.
 Crystal 2008 – D.A. Crystal. Dictionary of linguistics and phonetics. 6th edition. Oxford, 2008.
 Garde 1968 – P. Garde. L'accent. Paris, 1968.
 Hjelmslev 1936 – L. Hjelmslev. The syllable as a structural unit // Proceedings of the 2nd international congress of phonetic sciences. Cambridge, 1936.
 Jones 1976 – D. Jones. An outline of English phonetics. Cambridge, 1976.
 Liberman 1973 – A.S. Liberman. Le point de vue phonologique dans l'évaluation des problèmes de l'accent: quelques observations // Travaux de l'Institut de phonétique de Strasbourg. 1973. № 5.
 Liberman 1982 – A.S. Liberman. Germanic accentology. V. 1. The Scandinavian languages / Minnesota publications in the humanities. V. 1. Minneapolis (MN), 1982.
 Martinet 1960 – A. Martinet. Eléments de linguistique générale. Paris, 1960.
 Polivanov 1936 – E.D. Polivanov. Zur Frage der Betonungs Funktion // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1936. V. 6.
 Wallin 1901 – S.E.W. Wallin. Researches on the rhythm of speech // Studies from the Yale psychological laboratory. 1901. V. IX.

Ю.А. Клейнер

Сведения об авторе:

Юрий Александрович Клейнер
 Санкт-Петербургский государственный университет
 yurikleiner@hotmail.com

D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett (eds). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford university press, 2013. xiv + 312 p. ISBN 978-0-19-960432-6

Рецензируемый сборник статей включает десять работ известных зарубежных специалистов по различным областям морфологии и синтаксиса, выполненных в рамках набирающего в последние годы популярность «канонического» подхода к грамматической типологии (Canonical Typology, далее КТ). Данный подход разрабатывается с 2000-х гг. известным британским лингвистом Гревиллом Корбетом и руководимой им исследовательской группой в университете г. Гилдфорд (графство Саррей, Великобритания) и известен отечественным лингвистам в том числе благодаря выступлени-

ям Г. Корбета в российских университетах и на таких конференциях, как «Диалог» и «Зимние типологические школы». Публикации группы Г. Корбета в рамках КТ посвящены прежде всего явлениям морфологии и морфосинтаксиса: синкретизму [Baerman et al. 2005], см. рец. [Аркадьев 2006], супплетивизму [Hippisley et al. 2004; Corbett 2007], депонентности [Baerman et al. (eds) 2007], см. рец. [Аркадьев 2009], словоизменительным классам [Corbett 2009], словообразованию [Corbett 2010], дефектности [Baerman et al. (eds) 2010], аналитическим формам [Chumakina 2011; Chumakina, Corbett

этом, не прибегая к ссылкам на авторитеты, но в случае необходимости обращаясь к результатам исследований, которые представлялись ему наиболее достоверными и научно обоснованными. В своих фонологических воззрениях Гард ближе всего к идеям Н.С. Трубецкого и Пражской школы, но в его книге мы встречаем ссылки на работы А. Мартине, Л.Ж. Прието и К.Л. Пайка, в связи с древнегреческим на Ж. Вандриеса, с сербохорватским на П. Ивича и И. Лехисте, на «Сравнительную акцентологию германских языков» С.Д. Кацнельсона и т. д. В описании фонологии русского языка просматривается влияние Московской фонологической школы, хотя есть и ссылка на «The sound pattern of Russian» М. Халле. Список имен, упоминаемых в книге, не очень велик, но он отражает весьма широкий спектр взглядов и покрывает значительный временной промежуток, уходящий корнями в великую эпоху, одним из последних отголосков которой стала замечательная книга Поля Гарда, намного опередившая свое собственное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
 Касевич 1980 – В.Б. Касевич. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1980.
 Мартине 1963 – А. Мартине. Элементы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
 Степанов 1975 – Ю.С. Степанов. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
 Ярцева 1990 – В.Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990.

- Axmanova 1970 – O.S. Axmanova. [Рец. на:] P. Garde. L'accent. Paris, 1968 // Revue belge de philologie et d'histoire. V. XLVIII. Bruxelles, 1970.
 Crystal 2008 – D.A. Crystal. Dictionary of linguistics and phonetics. 6th edition. Oxford, 2008.
 Garde 1968 – P. Garde. L'accent. Paris, 1968.
 Hjelmslev 1936 – L. Hjelmslev. The syllable as a structural unit // Proceedings of the 2nd international congress of phonetic sciences. Cambridge, 1936.
 Jones 1976 – D. Jones. An outline of English phonetics. Cambridge, 1976.
 Liberman 1973 – A.S. Liberman. Le point de vue phonologique dans l'évaluation des problèmes de l'accent: quelques observations // Travaux de l'Institut de phonétique de Strasbourg. 1973. № 5.
 Liberman 1982 – A.S. Liberman. Germanic accentology. V. 1. The Scandinavian languages / Minnesota publications in the humanities. V. 1. Minneapolis (MN), 1982.
 Martinet 1960 – A. Martinet. Eléments de linguistique générale. Paris, 1960.
 Polivanov 1936 – E.D. Polivanov. Zur Frage der Betonungs Funktion // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1936. V. 6.
 Wallin 1901 – S.E.W. Wallin. Researches on the rhythm of speech // Studies from the Yale psychological laboratory. 1901. V. IX.

Ю.А. Клейнер

Сведения об авторе:

Юрий Александрович Клейнер
 Санкт-Петербургский государственный университет
 yurikleiner@hotmail.com

D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett (eds). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford university press, 2013. xiv + 312 p. ISBN 978-0-19-960432-6

Рецензируемый сборник статей включает десять работ известных зарубежных специалистов по различным областям морфологии и синтаксиса, выполненных в рамках набирающего в последние годы популярность «канонического» подхода к грамматической типологии (Canonical Typology, далее КТ). Данный подход разрабатывается с 2000-х гг. известным британским лингвистом Гревиллом Корбетом и руководимой им исследовательской группой в университете г. Гилдфорд (графство Саррей, Великобритания) и известен отечественным лингвистам в том числе благодаря выступлени-

ям Г. Корбета в российских университетах и на таких конференциях, как «Диалог» и «Зимние типологические школы». Публикации группы Г. Корбета в рамках КТ посвящены прежде всего явлениям морфологии и морфосинтаксиса: синкретизму [Baerman et al. 2005], см. рец. [Аркадьев 2006], супплетивизму [Hippisley et al. 2004; Corbett 2007], депонентности [Baerman et al. (eds) 2007], см. рец. [Аркадьев 2009], словоизменительным классам [Corbett 2009], словообразованию [Corbett 2010], дефектности [Baerman et al. (eds) 2010], аналитическим формам [Chumakina 2011; Chumakina, Corbett

(eds) 2012], согласованию [Corbett 2006], падежу [Corbett 2008]; общим вопросам КТ посвящены работы [Corbett 2005; 2011; 2012].

Основная задача КТ состоит в эксплицитной формулировке понятий, используемых как описательными лингвистами, так и типологами, таким образом, чтобы с их помощью можно было, с одной стороны, непротиворечиво описывать явления конкретных языков и, с другой, сопоставлять явления разных языков. В этом смысле КТ предлагает решение все отчетливее осознаваемой в последнее время лингвистами проблемы сопоставления «одноименных» явлений различных языков (см., например, [Haspelmath 2010]): как сравнивать между собой категории отдельных языков, выделяемые на основании конкретно-языковых критериев и неизбежно различающиеся как по формальным, так и по семантическим признакам? «Канонический» подход состоит в том, что каждому понятию сопоставляется целый ряд критериев (в идеале логически независимых) вида «канонический X обладает свойством P» (также записывается как «P > не-P»), задающих, с одной стороны, «канонический идеал» некоторого явления, удовлетворяющий всем релевантным критериям, и, с другой стороны, пространство типологических возможностей, содержащее явления, по тем или иным критериям отклоняющиеся от «канона», и структурирующее широкую и обладающую размытыми границами эмпирическую область («базу»), связанную с исходным понятием. Стоит отметить, что такой подход был во многом предвосхищен, в частности, в работе [Зализняк 1973], что признает и сам Г. Корбет [Corbett 2008: 2]. Так, канонический падеж должен быть определен на всех именных лексемах языка (тем самым из «канона» исключаются неполные падежи) и иметь самостоятельное морфологическое выражение (тем самым неканоническими оказываются морфологически несамостоятельные падежи).

Как неоднократно подчеркивает Г. Корбет, понятие «канонический» в рамках КТ не следует смешивать с популярным в лингвистике эпитетом «прототипический». (Следует отметить, что оба термина лингвистами последних десятилетий употребляются чрезвычайно активно и, как правило, в качестве синонимов.) Если прототип некоторого явления – это прежде всего наиболее типичная и чаще всего встречающаяся (в конкретном языке или в языках мира) его разновидность, то «канон», напротив, – это «идеальный» представитель явления, удовлетворяющий всем предложенным критериям и потому скорее всего наблюдаемый редко или даже вообще не представленный в реальных языках. В отличие от прототипа, обладающего наиболее частотной и «естественной» комбинацией релевантных свойств и тем самым служащего своего рода «аттрактором»

или «немаркированным» элементом в типологическом пространстве возможностей, канонический представитель, по Г. Корбету, в первую очередь необходим в качестве точки отсчета для реальных явлений, различным образом отклоняющихся от «канона».

Сборник «Канонические морфология и синтаксис» является своего рода обобщением развития КТ и одновременно выводит данный подход в более широкую область, объединяя под одной обложкой работы, посвященные таким разнообразным явлениям, как клитики, отрицание, финитность, пассив, рефлексивизация, именная модификация и чужая речь. Во всех статьях предлагаются определения соответствующих понятий в рамках КТ и обсуждаются различные неканонические случаи, «населяющие» порожденные этими определениями типологические пространства. Сборник посвящен памяти Анны Северской, трагически погибшей в августе 2011 г., и содержит одну из последних ее статей, написанных в соавторстве с Д. Баккером.

Во введении («What there might be and what there is: an introduction to Canonical typology», с. 1–19) Д. Браун и М. Чумакина излагают основные положения и методологию КТ, помещая ее в более широкий контекст, а также кратко излагают содержание статей сборника. В связи с противопоставлением «канонических» и «прототипических» случаев авторы предостерегают от подмены канонических случаев, удовлетворяющих всем релевантным критериям, теми, которые легче всего наблюдаемы (т. е., как правило, встречаются в наиболее изученных языках, например, европейских) или чаще всего обсуждаются в литературе.

Оливер Бонд (Oliver Bond) в статье «База канонического отрицания» («A base for canonical negation», с. 20–47) обсуждает проблему типологически адекватного определения отрицания. Такое определение позволило бы, во-первых, идентифицировать отрицательные конструкции в произвольных языках и, во-вторых, задало бы базу для разработки конкретных критериев канонического отрицания. Языковым отрицанием Бонд считает «конструкции, моделирующие бинарный контраст между ситуацией в грамматически оформленной альтернативной реальности и ситуацией в сообщаемой реальности, такой, что некоторые или все свойства альтернативной реальности исключены из множества свойств сообщаемой реальности» (с. 29). Такое на первый взгляд довольно громоздкое определение отражает когнитивную и коммуникативную производность отрицательных конструкций от утвердительных, ограничивает базу отрицания специализированными конструкциями, но при этом не содержит никаких указаний на возможные средства выражения (неизбежно

обусловленные конкретным языком). Критерии канонического отрицания Бонд разделяет на структурные (симметричное > асимметричное; самостоятельное > несамостоятельное; сегментное > несегментное; позиция показателя рядом со сферой действия > показатель отделен от сферы действия; препозитивное > постпозитивное), критерии применимости (обязательное > факультативное; контекстно-независимое > контекстно-зависимое; продуктивное > непродуктивное; многофункциональное > ограниченное частными функциями) и семантические (с широкой сферой действия > с узкой сферой действия; с однозначной сферой действия > с неоднозначной сферой действия и др.). В заключение Бонд отмечает, что показатель, отвечающий всем выделенным критериям канонического отрицания, в обследованных им примерно пятидесяти языках не встретился.

Г. Корбет в статье «Канонические морфосинтаксические признаки» («Canonical morphosyntactic features», с. 48–65) обращается к проблеме, возникшей в результате последовательного применения канонического подхода к типологии морфосинтаксических признаков (грамматических категорий, канонически участвующих одновременно в синтаксических и морфологических процессах; к ним Корбет относит в первую очередь род, число, падеж и лицо): полностью канонические морфосинтаксические признаки, определяемые без учета их семантики, оказываются неразличимыми. Решение данной проблемы (которая может показаться отчасти искусственной) Корбет находит в изучении взаимодействия морфосинтаксических признаков с частями речи, постулируя четыре канонических критерия такого взаимодействия: единственность (exclusiveness: лексема принадлежит единственной части речи; грамматическое значение принадлежит единственному признаку), полнота (exhaustiveness: к каждой лексеме каждой части речи применимо любое значение любого признака, и обратно), тип класса (все классы языковых единиц, кроме класса лексем, закрыты) и композиционность (семантика сочетания лексемы со значениями морфосинтаксических признаков полностью выводима из семантики лексемы и спецификации признаков). Конкретные морфосинтаксические признаки при таком подходе описываются отклонениями от «канона» соотношения между признаками и частями речи. Так, признак рода нарушает критерий полноты: лексемы-существительные (контролеры рода) обладают каждая лишь одним значением категории, а все значения применимы лишь к лексемам-мишеням согласования по роду; интересным образом, признак лица относится к тому же типу с дополнительным свойством закрытости класса лексем-контролеров. Падеж (точнее, «идеальный» чисто морфосинтакси-

ческий падеж) рассматривается Корбетом как «зеркальное отражение» рода: если последний классифицирует существительные в зависимости от формы лексем, с ними согласующихся, то падеж классифицирует глаголы в зависимости от формы лексем, которыми они управляют; кроме того, взаимодействие управления с семантикой глагола, согласно автору, не удовлетворяет критерию композиционности; наконец, категория числа оказывается ближе всего к «канону» морфосинтаксического признака.

Н. Эванс (Nicholas Evans) в статье «Проблемы типологии чужой речи: канонический подход» («Some problems in the typology of quotation: a canonical approach», с. 66–98) предлагает критерии канонических прямой и косвенной речи, а также выделяет третий тип выражения чужой речи – так называемую «речь с двумя центрами перспективы» (biperspectival speech). Основное содержание статьи составляет обсуждение различных случаев отклонения от «канона» прямой и косвенной речи, таких как, например, «магнетизм второго лица», когда в контексте прямой речи формы второго лица используются с точки зрения основного, а не пересказываемого речевого акта (в языках с «магнетизмом второго лица» выражения вида «Она сказала: ты устал» могут обозначать как 'Она сказала, что я [говорящий основного и адресат пересказываемого речевого акта] устал', так и 'Она сказала, что ты [адресат основного и третье лицо пересказываемого речевого акта] устал'). Случаи отклонения от «канона» непрямой речи включают использование в конструкциях непрямой речи диалектных или стилистических особенностей пересказываемого речевого акта, «сдвиг» лишь части, а не всех шифтерных категорий (так, в русском языке в непрямой речи категория лица выражается в перспективе основного речевого акта, а категория времени – в перспективе пересказываемого), «смешанный» пространственный дейксис и даже «смешанное» выражение лица в зависимости от грамматической роли (в трансовогвинейском языке голин выражение «Ты сказал, что я ударил меня» означает 'Ты сказал, что ты [говорящий пересказываемого речевого акта] ударил меня [говорящего основного речевых актов]'; сходные явления отмечаются в древнеегипетском и коптском языках). Помимо прямой и косвенной речи Эванс предлагает выделять в качестве третьего «канона» чужой речи «речь с двумя перспективами», т.е. конструкции, одновременно представляющие точки зрения основного и пересказываемого речевых актов. Наиболее известные представители «двуперспективных» языковых единиц – логофорические местоимения, выражающие говорящего пересказываемого речевого акта, одновременно являющегося участником (на-

пример, третьим лицом) основного речевого акта. В качестве конструкций с двумя перспективами Эванс предлагает анализировать, в частности, сложные относительные времена западноевропейских языков, значение которых содержит отсылку сразу к двум точкам отсчета, заданным в пересказываемом и основном речевых актах (ср. англ. *John said he would be at work* 'Джон сказал, что будет [следование пересказываемой точке отсчета, предшествующей основной точке отсчета] на работе'). В заключение Эванс отмечает, что, в отличие от канонических прямой и непрямой речи, каноническая речь с двумя перспективами пока не отмечена в качестве характеристики всей конструкции чужой речи, но лишь в качестве свойства отдельных составляющих ее элементов. Основной результат данной статьи состоит в эксплицитном исчислении весьма значительного разнообразия способов кодирования чужой речи, которое может послужить основой дальнейших типологических изысканий в этой пока недостаточно разработанной области.

В статье «Разбирая финитность» («Unpacking finiteness», с. 99–122) И. Николаева предлагает набор канонических критериев финитности – категории, которой в последнее время было посвящено значительное число публикаций (см., например, [Калинина 2001; Nikolaeva (ed.) 2007]), часть которых вообще отрицает типологическую значимость этого понятия (ср. [Cristofaro 2007]). Сложность определения и применения термина «финитность» в типологии состоит в том, что релевантные для этого понятия признаки, во-первых, подвержены значительному языковому варьированию и, во-вторых, далеко не всегда между собою коррелируют. В такой ситуации особенно предпочтителен подход в рамках КТ, где разные критерии в принципе независимы друг от друга, а место бинарных противопоставлений занимает «канон» и множество отклоняющихся от него «неканонических» случаев. В качестве критериев финитности, применяемых как к глагольным формам, так и к клаузам, Николаева предлагает ряд известных признаков, таких как выражение времени, лица, модальности, иллокутивной силы, вежливости и эвиденциальности, отсутствие маркирования переключения референции, выраженный и оформленный номинативом субъект, независимая предикация, грамматическое выражение коммуникативной структуры, асертивность, независимая временная референция. В заключении статьи рассматривается ряд случаев рассогласования критериев финитности, в частности известные ситуации использования морфологически нефинитных форм в качестве сказуемых независимых предикаций.

Э. Спенсер (Andrew Spencer) и А. Луиш (Ana Luís) в статье «Канонические клитики» («The canonical clitic»¹, с. 123–150) используют аппарат КТ для определения понятия клитики, с которым связан целый клубок контроверз морфологической и синтаксической типологии (об этом см. недавнюю книгу тех же авторов [Spencer, Luís 2012] и рецензию [Валова 2014]). Промежуточное положение клитик на линейно-синтагматическом континууме [Плунгян 2000: 32–35] делает необходимым провести различие между ними и, с одной стороны, аффиксами (более связанными, чем клитики), а, с другой стороны, полноценными словоформами (более свободными, чем клитики). Многочисленные попытки ученых выработать единый универсальный набор необходимых и достаточных свойств клитик терпели неудачу в первую очередь из-за того, что критерии, убедительным образом отделяющие клитики от одного из полюсов линейно-синтагматического континуума, неизбежно объединяют их с другим полюсом (так, по признаку просодической несамостоятельности клитики не отличаются от аффиксов, а по признаку транскатегориальности – от словоформ). Это обстоятельство послужило причиной отказа ряда ученых рассматривать противопоставление клитик и аффиксов как релевантное для типологии (см., например, не учтенную авторами статью [Haspelmath 2011]). Авторы предлагают остроумное и убедительное решение проблемы канонического определения клитик, помещая канонические клитики на пересечении «канонов» (служебных) словоформ и аффиксов: каноническая клитика обладает каноническими фонологическими свойствами аффиксов (в качестве такового авторы предлагают однородную структуру CV, меньшую, чем просодическая структура минимального фонологического слова) и каноническими дистрибутивно-синтаксическими свойствами служебного слова (размещение относительно синтаксической составляющей, а не словоформы, и широкая сфера действия, включающая, в частности, сочиненные составляющие). Самостоятельных канонических критериев, применимых только к клитикам, по мнению авторов, не существует. Также в статье рассматриваются некоторые примеры неканонических клитик, куда попадают, например, случаи так называемой групповой флексии (единицы, присоединяющиеся к словам, однако имеющие сферу действия на целую составляющую).

А. Северска (Anna Siewierska) и Д. Баккер (Dik Bakker) в статье «Агенсы в пассивных конструкциях: прототипические vs. канониче-

¹ Буквальный перевод заглавия статьи на русский язык («каноническая клитика») представляется стилистически неудачным.

ские пассивы» (Passive agents: prototypical vs. canonical passives, с. 151–189) рассматривают вопрос о том, следует ли включать возможность выражения агенса в набор канонических критериев пассивных конструкций, обращая внимание на то, что в литературе представлены диаметрально противоположные мнения о значении этого признака для универсального прототипа данной категории (ср. [Shibatani 1985: 837] vs. [Dixon, Aikhenvald 2000: 7]). Поставленный вопрос авторы решают эмпирически, проверяя на материале выборки из почти трехсот языков, коррелирует ли наличие агенса с другими каноническими признаками пассивных конструкций. Северска и Баккер показывают, что типологически пассивные конструкции с выраженным агенсом встречаются в языках мира чаще, чем такие, где выражение агенса невозможно; при этом частотность выражения агенса пассива в текстах на конкретном языке может варьировать от менее 10% для польского до более 80% для австронезийского языка мангараи (о. Флорес, Индонезия). Также выражение агенса характерно скорее для более канонических пассивов с выраженным субъектом-пациентом, нежели для безличных пассивов и пассивов с субъектом, сохраняющим определенные признаки агентивности. Напротив, не обнаруживается корреляции между способностью к выражению агенса и синтетическим или аналитическим оформлением сказуемого пассивной конструкции, хотя для пассивов без специализированных глагольных показателей скорее характерно обязательное выражение агенса (которое, в отличие от факультативного выражения, служит отдалению конструкции от «канона»). Также рассматриваются такие свойства самих агентивных дополнений, как личность, референтность, местоименность и способы оформления агенса; авторы отмечают, что, хотя каноническое агентивное дополнение должно обозначать лицо и выражаться с помощью «косвенного» формального средства, строгой типологической корреляции между этими параметрами не наблюдается. Некоторое недоумение вызывает утверждение авторов на с. 179, что в русском языке запрещены агентивные дополнения 1 и 2 лица; это очевидно неверно как для пассивных причастий в атрибутивной позиции (ср. *сделанное мной выше утверждение*), так и для финитных форм страдательного залога, ср. *не все из приводимых мною доводов здесь отбрасывается Вами в качестве несостоятельных* (Ю. Сазонова, Н. Евреинов, А. Евреинова. Переписка (1937–1954)), пример из [НКРЯ]. Неверно утверждение авторов на с. 185 о том, что начальная консонантная мутация в австронезийском языке ниас является показателем «периферийного» (non-core) статуса именных групп – контексты

употребления мутации включают, в частности, субъект непереходного и объект переходного глагола [Brown 2001: 7.1.1].

М. Эверарт (M. Everaert) в статье «Критерии рефлексивизации» («The criteria for reflexivization», с. 190–206) выдвигает ряд канонических признаков рефлексивизации, предварительно кратко рассматривая основные параметры типологического варьирования в этой области. Критерии канонической рефлексивизации включают свойства контролера (binder; аргумент > не-аргумент; 3 лицо > 1 или 2 лицо; (не)определенная дескрипция > группа с квантором), мишени (bindee; аргумент > не-аргумент; прямой объект > непрямой объект или предложная группа; маркированная рефлексивность > отсутствие маркирования), морфосинтаксического кодирования (отличается от выражения кореферентности некоаргументов > совпадает с выражением кореферентности не-коаргументов; выражается на аргументе > выражается на предикате), области связывания (глагольная группа > предложение; простое предложение > сложное предложение).

В статье И. Николаевой и Э. Спенсера «Обладание и модификация с точки зрения канонической типологии» («Possession and modification – a perspective from Canonical typology», с. 207–238) анализируются два основных типа зависимых в составе именных групп – посессивные и атрибутивные определения. Несмотря на то, что «типичные» представители этих двух разновидностей именных определений во многих языках четко различаются как семантически, так и морфосинтаксически, имеются как многочисленные промежуточные случаи, так и ситуации формального неразличения посессивных и атрибутивных определений (ср. в этой связи неучтенную авторами статью [Lander 2010]). Авторы предлагают следующий набор критериев для канонической применимой посессивности: постоянное отношение между обладателем и обладаемым; личный посессор; обладаемое – реляционное имя (двуместный предикат); посессор занимает синтаксическую позицию спецификатора именной группы и способен к самостоятельной модификации; обладатель и обладаемое являются каноническими существительными; обладаемое является семантической и синтаксической вершиной конструкции, а посессор – ее аргументом. Напротив, критерии канонической атрибутивной модификации таковы: определяемое обозначает предмет; определение обозначает градуальное свойство (одноместный предикат); определение занимает синтаксическую позицию адъюнкта и не способно к самостоятельной модификации; определение является каноническим прилагательным, а вершина – каноническим существительным; определяемое является се-

мантической и синтаксической вершиной конструкции, а определение – зависимым. Неканонические случаи примененной модификации включают непосессивные определения, выраженные существительными или «относительными» (неградуируемыми) прилагательными, и конструкции отторжимой принадлежности, в которых обладаемое не является релятивным именем. В отдельном разделе рассматриваются встречающиеся в языках мира способы морфо-синтаксического кодирования различных канонических и неканонических типов примененной модификации; в одних языках, например в чадском² языке леле, четко противопоставлены все четыре вида модификации, а в других, например в чукотском и албанском, они вовсе не различаются. Непосессивные определения в языках мира часто кодируются либо так же, как посессивные, либо по модели прилагательных, и несколько реже встречается одинаковое кодирование канонической атрибутивной модификации и отторжимой принадлежности.

Сборник заключает статья С. Фаррара (Scott Farrar) «Онтологический подход к канонической типологии: к основаниям э-лингвистики» («An ontological approach to Canonical Typology: laying the foundations for e-linguistics», с. 239–261), в которой автор предлагает возможные пути компьютерного представления системы понятий, разрабатываемых в КТ, а также терминологии, используемой при описании конкретных языков, в виде формальных онтологий в системе GOLD (General ontology of linguistic descriptions). Подобная задача весьма насущна в свете все возрастающего объема разнообразнейших языковых данных, нередко описываемых с использованием весьма различных понятий, однако от постановки задачи до ее решения, по всей видимости, необходимо пройти весьма значительный путь.

Сборник завершается сводной библиографией (с. 262–294) и указателями языков, авторов и терминов (с. 295–312). Несмотря на, как правило, высокое качество изданий Oxford university press, книга не свободна от опечаток: в частности, в ряде мест (с. 13, 17), как кажется, пропущены отдельные слова, что мешает пониманию текста; на с. 24 вместо relativization следует читать reflexivization; рис. 3.6 на с. 63, как кажется, ничем не отличается от рис. 3.7 на с. 64; на с. 109 вместо more opaque следует читать less opaque; в примере из нилотского языка пари (7a) на с. 155 ошибочно отмечен низкий тон; в примере из албанского языка (5)

² Авторы ошибочно относят этот язык (код по международной классификации ISO-639-3 lln) к семье нигер-конго, очевидно, путая его с двумя другими одноименными языками (sic!) банту и манде.

на с. 212 ошибочно указан соединительный артикль *te* вместо *e* в номинативе; на с. 251 вместо *qt and qt* следует читать *qt and ql*.

В целом сборник «Канонические морфология и синтаксис» представляется значительной вехой в развитии понятийного аппарата лингвистической типологии. Включенные в него статьи вносят вклад как в разработку теоретических и терминологических проблем, так и в эмпирическую базу типологических исследований, опираясь на материал множества разнотипных языков. Следует также отметить и то, что каноническая типология объединила ученых, работающих в рамках весьма различных теоретических направлений, и позволила им, несмотря на возможные разногласия, выработать в принципе единый метаязык. Этот результат представляется чрезвычайно плодотворным и поучительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005 // Вопросы языкознания. 2006. № 5.
- Аркадьев 2009 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds). Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007 // Вопросы языкознания. 2009. № 3.
- Валова 2014 – Е.А. Валова. [Рец. на:] A. Spencer, A. Luis. Clitics. An introduction. Cambridge, 2012 // Вопросы языкознания. 2014. № 3.
- Зализняк 1973 – А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I // А.А. Зализняк (ред.). Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. (2-е изд. в: А.А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.)
- Калинина 2001 – Е.Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005.
- Baerman et al. (eds) 2007 – M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds).

- Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007.
- Baerman et al. (eds) 2010 – *M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown* (eds). Defective paradigms: Missing forms and what they tell us. Oxford, 2010.
- Brown 2001 – *L. Brown*. A grammar of Nias Selatan. PhD Thesis, University of Sydney, 2001.
- Chumakina 2011 – *M. Chumakina*. Nominal periphrasis. A canonical approach // *Studies in language*. 2011. V. 35. № 2.
- Chumakina, Corbett (eds) 2012 – *M. Chumakina, G.G. Corbett* (eds). Periphrasis: The role of syntax and morphology in paradigms. Oxford, 2012.
- Corbett 2005 – *G.G. Corbett*. The canonical approach to typology // *Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood* (eds). Linguistic diversity and language theories. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Corbett 2006 – *G.G. Corbett*. Agreement. Cambridge, 2006.
- Corbett 2007 – *G.G. Corbett*. Canonical typology, suppletion and possible words // *Language*. 2007. V. 83. № 1.
- Corbett 2008 – *G.G. Corbett*. Determining morphosyntactic feature values: The case of case // *G.G. Corbett, M. Noonan* (eds). Case and grammatical relations. Studies in honor of Bernard Comrie. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Corbett 2009 – *G.G. Corbett*. Canonical inflectional classes // *F. Montermini, G. Boyé, J. Tseng* (eds). Selected proceedings of the 6th Decembrettes. Sommerville (MA), 2009. (<http://www.lingref.com/cpp/decemb/6/paper2231.pdf>)
- Corbett 2010 – *G.G. Corbett*. Canonical derivational morphology // *Word structure*. 2010. V. 3. № 2.
- Corbett 2011 – *G.G. Corbett*. Higher order exceptionality in inflectional morphology // *H.J. Simon, H. Wiese* (eds). Expecting the unexpected: Exceptions in grammar. Berlin, 2011.
- Corbett 2012 – *G.G. Corbett*. Features. Cambridge, 2012.
- Cristofaro 2007 – *S. Cristofaro*. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective // *I. Nikolaeva* (ed.). Finiteness. Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Dixon, Aikhenvald 2000 – *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald*. Introduction // *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald* (eds). Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. 2010. V. 86. № 3.
- Haspelmath 2011 – *M. Haspelmath*. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // *Folia linguistica*. 2011. V. 45. № 1.
- Hippisley et al. 2004 – *A. Hippisley, M. Chumakina, G.G. Corbett, D. Brown*. Suppletion. Frequency, categories and distribution of stems // *Studies in language*. 2004. V. 28. № 2.
- Lander 2010 – *Y.A. Lander*. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *F. Floricic* (ed.). Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels. Lyon, 2010.
- Nikolaeva (ed.) 2007 – *I. Nikolaeva* (ed.). Finiteness. Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Shibatani 1985 – *M. Shibatani*. Passives and related constructions: A prototype analysis // *Language*. 1985. V. 61. № 4.
- Spencer, Luis 2012 – *A. Spencer, A. Luis*. Clitics. An introduction. Cambridge, 2012.

П.М. Аркадьев

Сведения об авторе:

Петр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН / РГГУ / МГГУ
им. М.А. Шолохова
peterarkadiev@yandex.ru